EÖTVÖS LORÁND TUDOMÁNYEGYETEM
BÖLCSÉSZETTUDOMÁNYI KAR
IRODALOMTUDOMÁNYI DOKTORI ISKOLA
AZ OROSZ IRODALOM ÉS KULTÚRA
KELET ÉS NYUGAT VONZÁSÁBAN PROGRAM
Programvezető: Dr. Hetényi Zsuzsa DSc.

DOKTORI DISSZERTÁCIÓ

SAJTOS NATÁLIA

Александр Афанасьевич Потебня и Харьковский университет как научная школа конца XIX – начала XX веков

Témavezető: Dr. Lebovics Viktória PhD

A bizottság tagjai:

Elnök:	Dr. Zoltán András DSc., egyetemi tanár
Bírálók:	Dr. Han Anna CSc., egyetemi docens
	Dr. Kocsis Mihály Csc., habilitált egyetemi docens
Titkár:	Dr. Bagi Ibolya CSc., egyetemi docens
Tagok:	Dr. Kovács Oxana PhD
	Dr. Kárpáti György

Budapest
2009

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Предпосылки формирования теоретических знаний в области языкознания и литературы у А.А. Потебни 3

1.1. Истоки научных взглядов А.А. Потебни на основе данных биографии 4
1.2. Роль Харьковского университета в формировании мировоззрения А.А. Потебни 18

РАЗДЕЛ 2. Исследования научного наследия А.А. Потебни 48

2.1. Формирование позиций ученого в науке. Обзор литературы 48
2.2. Роль А.А. Потебни в формировании фольклорных тенденций в науке 53
2.3. Историзм как методологический принцип научного мировоззрения А.А. Потебни 58

РАЗДЕЛ 3. Теория А.А. Потебни 73

РАЗДЕЛ 4. Диалог и полемика с представителями мифологической школы 96

4.1. А.А. Потебня и Ф.И. Буслаев 96
4.2. А.А. Потебня и А.Н. Афанасьев 115

РАЗДЕЛ 5. Ученики и последователи А.А. Потебни 131

5.1. Д.Н. Овсянико-Куликовский 131
5.2. В.И. Харциев 140
5.3. А.Г. Горнфельд 141
5.4. Д.Н. Кудрявский 145

РАЗДЕЛ 6. Влияние А.А. Потебни на русский символизм 153

РАЗДЕЛ 7. А.А. Потебня и школа русского формализма 164

РАЗДЕЛ 8. Ученые-лингвисты о теории А.А. Потебни 179

8.1. В.В. Виноградов 179
8.2. Г.О. Винокур 182
8.3. Л.С. Выготский 184

РАЗДЕЛ 9. Современное изучение наследия А.А. Потебни 190

ЛИТЕРАТУРА 202

Р А З Д Е Л 1

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ У АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

Несмотря на то, что уже достаточно много написано об Александре Афанасьевиче Потебне, интерес к творческому наследию выдающегося ученого не ослабевает.

А.А. Потебня открыл целую эпоху отечественной науки выдающимися трудами в области языкознания, литературоведения, фольклора и этнографии. Но все же изначально судьба научного наследия Александра Афанасьевича Потебни была драматична.

«Долго его не знали, не признавали, русское правительство – за самостоятельное вольное мышление, общество – за украинские национальные убеждения», – писал со временем его ученик профессор Н.Ф. Сумцов, который считал, что «Украина дала двух великих деятелей слова – Шевченка и Потебню» [Сумцов 1922: 4, 13].

В научных кругах глубину и даже гениальность этого ученого никто никогда не ставил под сомнение. Но реальное влияние его идей на современную ему и последующую науку не соответствовало их значимости. Немалую роль в этом сыграло и то грустное обстоятельство, что труды и записи ученого, в большинстве своем, только через много лет после его смерти стали известны широким кругам научной общественности.

1.1. ИСТОКИ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ А.А. ПОТЕБНИ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ БИОГРАФИИ

Александр Афанасьевич Потебня[1] родился 10 (22) сентября 1835 года на хуторе недалеко от села Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии (теперь село Гришино Роменского района Сумской области). Его отец был небогатым мелко-поместным дворянином.

Первые впечатления А.А. Потебни, связанные с родными местами, с прекрасной и щедрой природой, с интересной историей, которая отразилась в богатом и певучем украинском языке. Александру Потебне еще не исполнилось и двух лет, когда семья переселилась в город Ромны.[2]

К концу XVIII в. город Ромны становится уездным центром. В это время в нем насчитывается свыше четырех тысяч человек. Занимались его жители в основном ремеслами и торговлей. Ежегодно здесь собирались четыре большие ярмарки, на которые доставляли товары из других городов Украины, России и Белоруссии. Самая большая, Ильинская ярмарка, была известна далеко за пределами Украины и длилась она около трех недель. Еще в первой половине XVIII века в городе при соборной церкве существовала школа, где дети обучались чтению на старославянском языке. В начале XIX века открылось еще 4 церковно-приходских школы. Посещали их, как правило, дети зажиточных казаков, мещан и купцов. Большинство же городского населения оставалась неграмотным и книжные магазины гостинного двора, построеного в 1804 г., давали своим владельцам очень маленький доход. Особых изменений не произошло и с открытием в 1806 г. Роменского губернского училища. Зато театр, открытый еще в конце XVIII века, процветал. На время ярмарок в Ромны приезжали театральные труппы из других городов. Здесь несколько лет подряд выступам знаменитый русский актер Михаил Семенович Щепкин, тогда еще крепостной. В Ромнах еще долго вспоминали, как генерал С.Г. Волконский на

---

[1] Слово «потебня» обозначало кожаные лопасти по бокам казачьего седла, которые подвешивались на пряжках. Фамилия ученого напоминает о том, что предки были запорожскими казаками, участвовали в конных походах.

[2] Город носит название цветка – ромны – что на местном наречии означает «ромашка». Под этим названием город уже упоминается в «Поучении» Владимира Мономаха, внесенном в Лаврентьевскую летопись 1096 г., где рассказывается о походе против половецких ханов Аепы и Боняка.

Ильинской ярмарке собирал деньги на выкуп этого талантливого самородка. Не имея смелости прилюдно отказать прославленному герою Отечественной войны 1812 г., купцы, съехавшиеся на ярмарку, довольно быстро набросали в его военную фуражку нужную сумму.

Город Ромны имел еще одну достопримечательность – известные на всей Украине Императорские конюшни, которые были созданны для улучшения частных конных заводов. Служащим этих конюшен и состоял первые годы после приезда в Ромны отец Александра Потебни – Афанасий Ефимович. Он, отставной штабс-капитан, с детства был большим любителем и знатоком лошадей. Теперь это увлечение помогло получить хорошо оплачиваемую должность и казенную квартиру.

В Ромнах, Александр Потебня жил до поступления в гимназию, правда большую часть времени проводя на хуторе у бабушки Марковой. От нее он услышал и запомнил на всю жизнь множество сказок и других произведений устного народного творчества. Впоследствии ученый в труде «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865) вспоминал:

«В детстве я слышал украинскую сказку, в которой хлеб противопоставляется змее... Змея, увидевши хлеб на столе, позавидовала ему и стала спрашивать, как он дошел до такого почета. Хлеб отвечает, что недаром он теперь в чести, что до этого он претерпел многие муки: его молотили, мололи, месили, в печи пекли и затем уже положили на стол. Змея хочет и себе того же, но не выдерживает и первого испытания. Сказка эта носит признаки глубокой древности» [Потебня 1865: 41].

В семилетнем возрасте юный Александр Потебня свободно владел двумя близкородственными языками – украинским и русским. Естественно, что в детстве ему чаще приходилось слышать украинскую речь, но в семье вместе с украинским языком постоянно использовался и русский.

Когда детям пришла пора учиться, их отец, Афанасий Ефимович, полагал, что все они, как и он сам, поступят на военную службу. И после рождения каждого сына записывал в кадетский корпус.

Дед ученого, который в XVIII веке получил дворянство, служил в русской армии. К этому времени потомок запорожского сотника владел

большим участком земли в казачьем селе Перекоповка, расположенного недалеко города Ромны. По семейной традиции на военную службу был зачислен и отец Александра – Афанасий Ефимович. В 1819 году шестнадцатилетним юношей он вместе с младшим братом Харитоном попал на Кавказ, где в это время русские солдаты под командованием Алексея Петровича Ермолава, ученика А. Суворова, одерживали одну победу за другой. Афанасий и Харитон начали военную службу в седьмом карабинерском полку юнкерами. Так назывался первый чин для добровольцев из дворян, вступивших на службу в армию. Прослужив определенное время, они могли стать офицерами, хотя едва умели читать и писать.

В первые годы службы Афанасий и Харитон не приобрели особых знаний и кто знает, как сложилась бы дальше их судьба, если бы в апреле 1823 г. в полку не появился новый командир – Николай Николаевич Муравьев (1794–1866).[3]

Н.Н. Муравьев внес большой вклад в военную и дипломатическую историю своей страны. Его влияние на Афанасия и Харитона было огромным. С первых же дней своего командования полком Н.Н. Муравьев начал занятия с офицерами. Здесь, по-видимому, и произошло сближение командира с молодыми юнкерами, один из которых, по его словам, был всегда точен и усерден к занятиям. Эта характеристика относится к Афанасию, который выделялся среди товарищей желанием учиться, способностями к математике – любимой дисциплине самого командира.

Накануне восстания декабристов Афанасий и Харитон были очень близкими своему командиру людьми. В это время Афанасий занимал важную в полку должность казначея, а Харитон фактически выполнял обязанности адъютанта.

Безусловно, влияние Н.Н. Муравьева и С.И. Муравьева-Апостола[4]

---

[3] «Как и декабристы, – пишет известный советский историк, М.В. Нечкина, – Н.Н. Муравьев входит в число тех, кто мог сказать себе: «Мы были дети 1812 года». Вольнодумец и вольнолюбец... он стоит у самых истоков декабристского движения. Близкий друг людей 14 декабря, который не был непосредственно в их рядах лишь по особому стечению жизненных обстоятельств, Н.Н. Муравьев сохраняет на всю жизнь верность их мировоззрению, независимость и последовательность своих позиций в самых сложных обстоятельствах» [Нечкина 1974:5].

[4] Муравьев-Апостол С.И. (1796–1826) – троюродный брат Н.Н. Муравьева. Командир

сформировало у отца будущего ученого свободолюбивые, прогрессивные взгляды на жизнь и окружающую действительность, которые он потом привил своим сыновьям.

В 1832 году двадцативосьмилетний А.Е. Потебня вышел в отставку в чине штабс-капитана и вернулся домой. Через некоторое время Афанасий Ефимович знакомится с дочерью соседей Марковых. Мария Ивановна, хорошо образованная на то время девушка, вскоре стала его женой. Впоследствии Мария Ивановна становится первой воспитательницей и учительницей своих четырех сыновей и дочери Александры. Зная, что всем детям предстоит учиться в учебных заведених с русским языком преподавания, родители воспитывали в них с младенческих лет любовь к русскому слову. В дальнейшем это в значительной степени помогло детям Афанасия Ефимовича и Марии Ивановны во время учебы.

Александр Потебня в 1844 году поступил в Радомскую мужскую гимназию, которая была основана в 1833 году и где преподавал его дядя по матери Алексей Иванович Марков. В гимназии преподавали следующие предметы: закон божий, историю церкови, русский язык со славянским и словесность, польский язык и словесность, латинский, греческий, французский и немецкий языки, логику, математику, географию и статистику, историю, физику, чистописание, черчение и рисование [см.: Смородинов 1911: 357–384].

Преподавание в гимназии велось на польском языке, так как город Радом был расположен на территории Королевства Польского.[5]

Алексей Иванович Марков[6], окончивший юридический факультет Харьковского университета, преподавал русский язык и словесность. Честный, трудолюбивый, строгий, но справедливый, обладающий поразительным даром

одного из батальонов Черниговского полка, организатор и руководитель вооруженного выступления декабристов на юге России.

[5] До 1833 года в учебных заведениях Королевства Польского русский язык не преподавался вообще. Он становится объязательным предметом только после введения устава 1833 года. В Радомской мужской гимназии первым преподавателем русского языка и словесности был назначен Алексей Иванович Марков.

[6] Марков А.И. – дядя по матери А. Потебни и в семье которого, после поступления в Радомскую мужскую гимназию, жил Александр Афанасиевич. После окончания в 1831 году юридического факультета Харьковского университета А.И. Марков был назначен преподавателем исторических наук в Таврийскую губернию. Затем по собственному желанию его перевели на службу в Королевство Польское. С 1834 г. и до самой смерти, 21 января 1860 г., Алексей Иванович занимал должность старшего преподавателя Радомской мужской гимназии.

слова, глубокой искренностью, задушевностью речи, таким остался Алексей Иванович Марков в памяти своих учеников и сослуживцев. Не удивительно, что учитель умел воздействовать на молодые души воспитанников, возбуждая в них желание изучать русский язык и воспитывая любовь к нему.

Благодаря этим достоинствам А.И. Маркова и его педагогическим способностям, успехи учеников Радомской гимназии в русском языке были выдающимися. Ежегодные проверки подтверждали отличные знания учеников и необыкновенное трудолюбие преподавателя.

В школьные годы Александра Потебни преподаванию русского языка и словесности уделялось много внимания. По уставу число уроков русского и польского языка в гимназии было одинаковым. В низших четырех классах изучали грамматику. В пятом классе – общие правила риторики и философской прозы, в шестом – учение о стихосложении и поэзию лирическую, в седьмом – поэзию эпическую и драматическую и историю русской литературы. Чтобы приохотить учащихся к занятиям русским языком, в гимназиях были заведены «золотые книги» и установлены награды за отличные успехи в русском языке. Лучшие сочинения по русскому языку читались авторами на торжественных актах. От ученика, который оканчивал курс гимназии, требовалось, чтобы он был в состоянии написать хорошее рассуждение на русском языке и умел составить всякого рода деловые бумаги.

Подробнее остановимся на том, как проходило в гимназии, где учился юный Александр Потебня, обучение языкам, в особенности русскому. В первом классе преподаватель должен был научить своих учеников правильно читать по-русски. Для занятий использовался учебник под заглавием «Начальные основания языка русского». Начиналось изучение русского языка с азбуку.

В дальнейшем быстро осваивали формы и значения русских слов, так как лексика русского и польского языков имеет большое сходство. Уже в первом классе ученики гимназии учились переводить с русского языка на польский и писать под диктовку. Во время чтения и перевода дети приучались различать роды имен существительных и склонять их. В конце года спрягали правильные глаголы, образовывали от имен прилагательных сравнительную и

превосходную степени, а от глаголов – причастия и деепричастия. На втором году полагалось пройти грамматику до синтаксиса, на третьем – синтаксис. В четвертом классе повторяли всю грамматику. Обучение строилось таким образом, что гимназисты совершенно не заучивали правила русской грамматики. Учитель только указывал им на уже известные правила польской грамматики и тем самым помогал применить их к русскому языку. По словам Александра Афанасьевича Потебни, именно это обстоятельство сыграло решающую роль в его судьбе. Отсутствие зубрежки, творческая атмосфера, царившая на уроках русского языка, содействовали развитию интереса к его явлениям, развивали воображение.

В процессе обучения много внимания уделялось переводам с польского языка на русский и с русского на польский. Текст, прочитанный на одном языке, нужно было пересказать устно или изложить письменно на другом. При чтении делался полный грамматический разбор, причем особенно разбирались такие выражения, которые нельзя было перевести на другой язык дословно. Практическое направление в преподавании русского языка проявлялось также и в обучении писанию писем и деловых бумаг. Лучшие из писем, написанных учениками, обычно зачитывали в классе, критически разбирали, отмечали достоинства и недостатки стиля.

Кроме русского и польского языков, гимназисты изучали еще один славянский язык – старославянский, при обучении которого обращалось особое внимание на возможности более глубокого освоения языка русского. В гимназической инструкции по изучению старославянского языка писалось следующее:

«...поскольку старославянский язык является общим источником русского и польского, то профессор, должен преподавать правила старославянской грамматики таким способом, чтобы они, ведя к изучению языка старославянского, одновременно служили и фундаментом языка русского, для этого необходимо везде и где только можно сравнивать его с правилами грамматики польской» [Смородин 1911: 379].

Конечно, гимназисту А.А. Потебне было трудно разбирать особенности старинных письмен, но многое в этом процессе было интересным и

увлекательным. Позже, занявшись этим вопросом как ученый, Александр Потебня внесет ясность и четкость в понимание того, какое место в истории восточных славян занимает старославянский язык.

По истечении более чем полуторавеков, остается только удивляться уровню изучения языкознания в гимназиях того времени – неслучайно в конце XIX – начале XX века русская наука в области языкознания прославилась таким количеством выдающихся имен.

Гимназисту А.А. Потебне приходилось также заниматься польской и русской словесностью, т.е. литературой польского и русского народов. Учитель должен был на занятиях русской литературы ознакомить учащихся с основными произведениями и с общим процессом ее развития. И тут, конечно, многое зависело от таланта и умения преподавателя, который на своих уроках знакомил учеников с сочинениями Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина – писателей, не входивших, по тем временам, в общеобразовательную программу, но без которых мы теперь не можем представить себе русскую литературу.

В мае 1851 года Александр окончил Радомскую гимназию с блестящим аттестатом. В архивных материалах учебного заведения сохранилась копия документа под № 664 следующего содержания:

«Радомская Губернская гимназия. Александр Афанасьевич, сын Потебня, родом из г. Ромны, Полтавской губернии, православного вероисповедания, имеющий от роду 16 лет, из дворян, записан в число учеников в 1844 г., посещал гимназию постоянно до 3/15 июня 1851 г. Во время своего пребывания вел себя отлично.

Закончил положенный курс наук, на испытании оказал следующие успехи: в законе божием и нравоучении, в польском языке и словесности, в славянском языке, в латинском, греческом, немецком и французском языках, в математике до конических сечений, математической географии и статистике всеобщей и русской и польской, в физике, рисовании и чистописании – отличные. За благонравное поведение получил в I, II, III, IV, V и VI классе похвальный лист, в I, II, III, IV, V и VI классе общую награду и в I, IV и V награду за русский язык. В удостоверение чего дан сей аттестат из Радомской Губернской гимназии за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. Радом. 3/15 июня 1851 г.» [Франчук 1986: 15–16].

Из 19 учеников 7 класса Радомской гимназии, получивших аттестаты, Александр Потебня окончил курс первым и был награжден серебряной медалью.

Об этом награждении в его аттестате не упоминается, так как по правилам, существовавшим в то время, медаль выдавалась ученикам не только за успехи по всем предметам гимназического курса, но преимущественно за успехи в русском языке, показанные в сочинении на заданную начальством округа тему.

Медаль была присуждена А.А. Потебне на заседании Педагогического Совета Радомской гимназии 16/28 июня 1851 года, т.е. уже после того, как он получил аттестат. По-видимому, это можно объяснить тем, что сочинение рассматривалось не только в гимназии, но и в округе.

Пока Александр Потебня учился в гимназии, его отец и Н.Н. Муравьев в письмах оживленно обсуждали его будущее. После отъезда на Кавказ Николай Николаевич женился на Наталье Чернышевой, родной сестре Александрины Муравьевой, последовавшей за мужем-декабристом в Сибирь. Брак оказался счастливым, только сыновей у генерала не было, и он проявлял большой интерес к мальчикам Афанасия Ефимовича. К этому времени Муравьев вернулся на военную службу и командовал корпусом. Вот он и решил, что первенецу Афанасия и племяннику Харитона самое подходящее стать его адъютантом. Афанасия Ефимовича это вполне устроивало. Но здесь решительное «нет» сказали Марковы, родные матери Александра Потебни.

Не только Алексей Иванович, воспитавший Александра Потебню как родного сына, но и два других дяди, тоже выпускники Харьковского университета, твердо стояли на своем: он должен учиться и, конечно, только в Харьковском, лучшем из всех университетов. Еще одно немаловажное обстоятельство говорило в пользу Харькова. Город Ромны расположен так, что расстояние от него до Харькова и Киева одинаковое. Но в Киеве родственников не было, а недалеко от Харькова в городе Белгороде жил в это время и работал военным врачем – Николай Иванович Марков, второй брат матери Александра Афанасьевича.

В августе 1851 года Александр Потебня, которому не было еще 16-ти

лет, и его десятилетний брат Николай приехали в Харьков, чтобы держать экзамены: первый – в университет, а второй – в гимназию.

После сдачи экзаменов Александр Потебня был зачислен на юридический факультет, выбранный для племянника дядей – Алексеем Марковым.

В августе 1852 года А.А. Потебня перешел со второго курса юридического на первый курс историко-филологического факультета, как значится в его прошении ректору, «по воле родителей». Однако, письмо дяди Николая Ивановича Маркова к племяннику от 20 марта этого года убедительно свидетельствует о том, что такое решение было принято Александром самостоятельно. И поскольку это единственный документ, говорящий об интересах юноши в первое время учебы в университете, приведем его почти полностью. Из него видно, что семейство Марковых продолжало заботиться об Александре и в это время. Только теперь занимался им другой дядя, Николай Иванович Марков. В одном из писем племяннику Н.И. Марков сообщает:

«... По многим обстоятельствам я не могу скоро быть в Харькове, а за вами не посылаю потому, что тебе надобно приготовиться к экзаменам и дорога теперь с каждым днем портится.

Итак, оставайся с братом в Харькове, займись чем-нибуть полезным и на досуге побеседуй письменно со всеми родными, которые тебя любят и очень будут рады твоим письмам. Вчера я получил от брата Алексея письмо, в котором он, между прочим, извещает, что посылает для тебя ноты, а ты совсем перестал заниматься музыкой. Мне это очень прискорбно, и я бы от души желал, чтобы ты снова занялся ею. Если нынешний академический год будет успешным, то надобно подумать об этом после экзаменов.

Занятиями твоими латынью и немецкою литературою я очень доволен и очень бы рад был, если бы ты не отставал по другим наукам. Хоть ты и намерен переменить факультет, но не мешает выдержать годичный экзамен по юридическим наукам с привычным для тебя отличием, чтобы более расположить в свою пользу начальство университетское...» [Відділ рукописів Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка АН України, ф. О.О. Потебні, №73/14, арк. 2].

Сам Александр Афанасьевич Потебня объясняет перемену факультета

следующим образом.

В университете он познакомился со студентом медицинского факультета Михаилом Неговским, который увлекался народными песнями и сам их записывал. Кроме того, Неговский распоряжался небольшой библиотекой, собранной студентами, в которой преобладали книги по истории Украины. В Харькове Александр вновь услышал украинский язык. Это и советы Михаила Неговского, заметившего особенную одаренность юного юриста, были толчком в осознании А.А. Потебней подлинного своего призвания. Следует также заметить, что Александр Потебня поступил в Харьковский университет всего через пять лет после отъезда из Харькова Измаила Ивановича Срезневского. Интерес к собирательству и исследованию народного поэтического творчества и этнографии, начатый известным славистом, еще жил в среде студентов.

Для преподавателей и студентов харьковского университета первой половины XIX века было характерным увлечение украинской литературой, песней и народным фольклором. Вдохновителями были украинские писатели Григорий Федорович Квитка-Основяненко[7] и известные ученые-филологи. Кроме И.И. Срезневского, имя которого мы уже упоминали, в Харькове некоторое время работал и Николай Иванович Костомаров.

Во второй половине XIX столетия их дело продолжил Амвросий Лукьянович Метлинский[8], который читал у Потебни курс лекций по русской грамматике. В начале 50-х годов А.Л. Метлинский готовил к изданию основной труд своей жизни «Народные южнорусские песни» (1854) и студенты университета активно ему помогали в сборе материала. Как вспоминал впоследствии А.А. Потебня, на лекциях А.Л. Метлинского, где украинский

---

[7] Квитка-Основьяненко Г.Ф. (настоящая фамилия Квитка) (1778–1843) – украинский писатель, представитель натуральной школы. Основные его произведения: комедии «Сватанье на Гончаровке» (1836), «Шельменко-денщик» (1840); на русском языке роман «Пан Халявский» (1839) и «Женидьба и похождения Петра Степанова, сына Столбикова» (1841).

[8] Метлинский А.Л. (1814–1870) – украинский поэт и собиратель фольклора. Представитель харьковской школы романтиков 1830-х гг., которая была представлена кружком И.И. Срезневского и в состав которого входили А. Метлинский, Н. Костомаров, А. Шпигоский, И. Росковшенко и др. Хотя этот кружок, основанный в конце 20-х гг. XIX ст. воспитанниками университета, просуществовал недолго, но он сыграл выдающуюся роль в развитии украинской литературы и литературного языка. Интерес к славянству и к славянской литературе от А.Л. Метлинского и И.И. Срезневского в 50–60-х годах был передан П.А. Лавровскому, благодаря которому этой областью науки занялся и А.А. Потебня.

фольклор и русская грамматика оказались в близком соседстве, он учился присматриваться к явлениям языка. Несомненно, Амвросий Лукьянович благотворно повлиял на А.А. Потебню в смысле усиления в нем живого интереса к народному творчеству и этнографии.

Влияние А.Л. Метлинского на Александра Потебню было весьма сильное. В сочинениях Потебни, особенно в ранних, часто встречаются ссылки на этого ученого. Что же касается взглядов на украинский язык, на его важность в развитии народа, в этом вопросе общность позиций Метлинского и Потебни была полной.

Особенно благотворное влияние оказали на Александра Потебню преподаватели университета – братья Лавровские.[9] Особенно большой интерес проявлял к нему один из братьев – Петр Алексеевич, занимавший место адъюнкта на кафедре славянских наречий. В первые годы он читал фонетику славянских наречий, и способный студент А.А. Потебня, свободно владевший тремя славянскими языками, не мог не привлечь его внимания. В автобиографическом письме Потебни есть указание на то, что П.А. Лавровский познакомил его с трудами замечательных славянских ученых – Ф. Миклошича

---

[9] Лавровский П.А. (1827–1886) – русский филолог-славист и деятель просвещения. Младший брат Н.А. Лавровского. Профессор Харьковского университета. Учился в духовном училище, а затем с 1842 по 1851 г. в Главном педагогическом институте в Петербурге. 17 августа 1851 г. был направлен на кафедру славянских языков Харьковского университета. 14 декабря 1852 г. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию, в 1854 г. в Харьковском университете – докторскую диссертацию «Исследование о летописи Якимовской». С 1859 по 1861 г. находился в заграничной командировке (в южно- и западнославянских странах, Австрии). По возвращению в Харьков продолжил чтение лекций по славяноведению. В числе его слушателей были А.А. Потебня и М.А. Колосов. Основные славистические труды Лавровского посвящены языку и палеографическим особенностям древних письменных памятников, установлению отношений между славянскими языками в разные эпохи их развития, описанию частных фонетических, лексических и грамматических черт. Оба брата сыграли значительную роль в судьбе А.А. Потебни. Оба брата Лавровские принадлежали в ученых кругах к славянофилам – это обстоятельство определяло их научные интересы.

Лавровский Н.А. (1825–1899) – видный русский филолог и деятель просвещения. Профессор Харьковского университету, один из основателей историко-филологического товарищества Лавровского. Учился на историко-филологическом факультете Главного педагогического исститута в Петербурге. В 1853 г. защитил магистерскую диссертацию «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» и получил назначение в Харьковский университет. С 1862 по 1874 гг. был деканом историко-филологического факультета Харьковского университета. В истории языкознания известен как автор исследований о языке некоторых древнерусских письменных памятников, произведений новой русской литературы. Коллега Н.А. Лавровського Ф.О. Павловский говорил, что период его преподавания это целая эпоха в жизни университета, когда на практические занятия Н.А. Лавровского по русской литературе приходил почти весь университет.

и В. Караджича, давая книги из своей личной библиотеки.

Были на факультете и другие преподаватели, занятия с которыми не прошли для А.А. Потебни бесследно. Он вспоминает, например, что лекции А.П. Рославского-Петровского, при всей их стереотипности, возбуждали движение мысли, а преподаватель А.П. Зернин – говорил дельно и свободно. Составление записок по русской истории, которую читал А.П. Зернин, было, по словам Потебни, полезно ему во многих отношениях.

Во время обучения А.А. Потебни на историко-филологическом факультете Харьковского университета работал автор известного в то время труда «Предмет, метод и цель филологического изучения русского языка» (Киев, 1848–1850) Н. Т. Костырь.

Эта книга – курс лекций, прочитанный на философском факультете Киевского университета, – представляет по сути своей историко-филологический очерк развития важнейших идей отечественного языкознания от возникновения научных исследований русского языка до утверждения их на началах сравнительно-исторической науки о языке. В книге дан подробный критический анализ «Филологических наблюдений» отечественного филолога Г.П. Павского, исследования М.Н. Каткова «Об элементах и формах славянорусского языка» и филологических трудов другого известного ученого того времени А.С. Шишкова. Большое внимание в книге Н.Т. Костыря было уделено критическому обозрению существующих теорий происхождения языка.

В университетском дипломе, выданном Александру Потебне в 1856 г. за подписью ректора К.К. Фойхта и декана историко-филологического факультета А.П. Рославского-Петровского, отмечено, что он слушал философию, греческую и римскую словесность, историю русской литературы, славянские наречия, русскую историю, политическую экономию, статистику, педагогику, немецкий язык – все эти предметы с отличными успехами, а богословие, всеобщую историю и церковную историю – с хорошими.

Выпускное сочинение на тему «Первые четыре года войны Хмельницкого» он пишет, опираясь на данные украинских летописей, народных песен и других фольклорных материалов, которые использует,

главным образом, как исторические свидетельства, сохранившиеся в народной памяти. По одобрении этой работы факультетом 12 декабря 1856 года Александр Потебня был утвержден в степени кандидата университета.

По окончанию Харьковского университета Александр Афанасьевич Потебня получает должность преподавателя русской словености Первой харьковской гимназии. О карьере ученого он в это время еще и не думал. Но прошло всего несколько месяцев после начала учительской деятельности А.А. Потебни, а именно 22 ноября 1857 г. историко-филологический факультет возбудил ходатайство о прикомандировании своего выпускника к университету для приготовления к магистерскому экзамену. Одновременно А.А. Потебне поручили преподавать под руководством профессоров некоторые разделы курсов по кафедре русской словесности и истории литературы славянских народов.

Одной из причин столь неожиданного для молодого учителя приглашения в университет было то, что два его преподавателя Петр Алексеевич и Николай Алексеевич Лавровские, направлявшие в студенческие годы Александра Потебню на изучение современной филологической мысли, помогавшие ему освоить наиболее важное в научном отношении из того, что было создано в филологии, обратили особое внимание на способности А.А. Потебни, его умение анализировать, глубоко осмысливать изученное. А также при том небольшом количестве слушателей, которые в середине XIX века получили филологическую подготовку (с А.А. Потебней, например, обучалось только 9 человек) Харьковский университет не испытывал затруднения в преподавателях-филологах. Ситуация изменилась в 1856 году, когда П.А. Лавровского избрали членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Встал вопрос о его переезде в Петербург, но нужно было найти замену. Вот тогда Лавровские и вспомнили о своем одаренном ученике. Петр Алексеевич 28 октября 1858 г. в своем письме к председателю Отдела русского языка и словесности Академии наук академику И.И. Давыдову писал:

«Университет ничего на потеряет с моим отъездом, – потому что я имел счастье подготовить хорошую себе замену, диссертацию которого на степень магистра скоро я буду иметь честь передать Вашему превосходительству» [Центральний

державний архів літератури й мистецтва СРСР, ф. 436, оп. 1, спр. 1643, арк. 1].

По совету Петра Алексеевича Лавровского А.А. Потебня передал место в гимназии своему товарищу по учебе в университете и при активной помощи своих наставников начал готовиться к сдаче магистерского экзамена по словянской филологии.

Александр Афанасьевич Потебня провел в Харькове большую часть своей жизни. С Харьковским университетом связана вся его педагогическая и научная деятельность. Здесь он учился на историко-филологическом факультете. Здесь защищал магистерскую и докторскую диссертации, здесь, будучи профессором кафедры русской словесности, трудился до самой своей смерти – 11 декабря 1891 года, здесь и похоронен на Харьковском городском кладбище.

В данной главе рассмотрены факторы, оказавшее значительное влиение на процесс формирования Александра Афанасьевича Потебни, как будущего выдающегося ученого.

В заключении, хочется привести еще такой факт из биографии А.А. Потебни. Его брат Николай Потебня, подававший большие надежды в изучении истории, приравнивался современниками к таким выдающимся ученым свого времени какими были Парсек, Надеждин, Костомаров, Павлов, Щапов, Прыжов.

В малоизвестном документе о политических процессах 70-х годов говорится, что революционный деятель этого периода Иван Гаврилович Прыжов в своем последнем слове на суде заявил:

«Наконец не легко давался самый труд, где предметом была вечно-страдальческая участь народа, особенно великорусского, не видавшего в своей жизни ни единого светлого дня, ни единой свободной минуты, почему понятна и тяжелая доля, постигавшая всех русских историков, которые хоть чуточку касались истории народа. Пассек – сослан, Надеждин – сослан, Костомаров – едва не погиб в ссылке, Павлов – погиб, Щапов – сослан, Потебня – погиб, пришлось погибнуть и Прыжову. Боже, что это за несчастие висит над Россией!» [Прыжов 1908: 59–60].

Итак, братья Потебни вошли в историю страны. Их имена связаны с наукой и с историей отечественной культуры.

1.2. РОЛЬ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Харьковский университет, одно из старейших высших учебных заведений страны, был открыт в 1805 года.

Открытие университета в Харькове было исторически обусловлено. С 1765 года Харьков стал административно-политическим центром Слободско-Украинской губернии и являлся значительным культурно-просветительным очагом края: в 1726 году в Харькове создан коллегиум, в 1768 году – казенное училище, в 1789 году – главное народное и малое народное училища, которые в 1798 году объединились в одно главное народное училище. Большая роль в открытии университета в Харькове принадлежит видному общественному деятелю и ученому Василию Назаровичу Каразину,[10] который в 1802 году, в связи с вопросом о структуре будущего университета, писал:

«Сердце радуется, представляя влияние, какое произведет сие учреждение на край наш во всех отношениях – моральных, физических и политических. Харьков процветет в самое короткое время и будет иметь честь доставлять просвещеннейших сынов отечества» [Багалей 1893–1898: 57–58].

В университете функционировало четыре отделения, в составе которых имелось отделение словесных наук с кафедрами красноречия, стихотворства и русского языка. Ведущую роль в научном изучении русского языка занимала кафедра «красноречия, стихотворства и языка российского». С 1805 года – первого учебного года – ее возглавляет первый ректор университета, известный «в русской литературе своими трудами по части теории словесных наук» [Фойгт 1859:31], профессор российской словесности Иван Степанович Рижский,[11] в 1802 году избранный членом Российской академии наук.

---

[10] Каразин В.Н. (1773–1842) – русский и украинский общественный деятель, просветитель, ученый. Стараниями Каразина был открыт Харьковский университет. Автор либеральных проектов преобразования государственного строя. Труды по метеорологии, агрономии и конструированию.

[11] Рижский И.С. (1761–1811) – выдающийся ученый, педагог, общественный деятель, профессор русской словесности и красноречия, философ, логик. Приехал в Харьков по

Следует учесть, что самостоятельных курсов русского языка в то время не существовало и ряд лингвистических и родственных, в частности литературоведческих, дисциплин еще не выкристаллизовался из сложного конгломерата наук, объединенных общим наименованием «словесность». В этом направлении и протекала научная и преподавательская деятельность И. С. Рижского, который читал студентам университета «теорию словесности» и «науку красноречия».

Характер перечисленных дисциплин, включающих в себя факты, наблюдения и определенные обобщения из различных областей филологии (от проблем истории и теории литературы до конкретных вопросов орфоэпии, лексикологии и грамматики современного русского языка, то есть языка конца XVIII – начала XIX в., его истории, стилистики и – пользуясь современной терминологией – лингвостилистики) предопределил то положение, что деятельность И.С. Рижского явилась фактическим началом изучения русского языка в Харьковском университете, его труды и лекции сказались на развитии ряда отраслей русистики во всем многообразии ее собственных проблем и вопросов, органически связывающих ее с родственными лингвистическими дисциплинами.

И.С. Рижский – автор трех весьма популярных в первые десятилетия XIX века учебных пособий: «Введение в курс словесности» (1806), «Опыт риторики» (написанный в 1796 году, когда автор преподавал в Горном училище, и выдержавший 4 издания) и «Наука стихотворства» (1811).

Взгляды И.С. Рижского на общие проблемы науки о языке и литературе и частные лингвистические и стилистические вопросы базировались на его философских и эстетических воззрениях рационалиста, приверженца «основательного любомудрия» (так себя именовали русские рационалисты 1800–1810 гг.) [см.: Соболев 1973; Фойгх 1859]. Наиболее ценным трудом И.С. Рижского является «Опыт риторики», органически связанный с «Риторикой»

ходатайству В.Н. Каразина в 1803 году. Он принимал деятельное участие в организационной работе, предшествовавшей открытию университета, и был назначен его первым ректором. Талантливый педагог, образованный человек, испытавший влияние М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, французских энциклопедистов, он оставил ряд трудов, в том числе «Опыт риторики», «Введение в круг словесности», «Наука стихотворства», в совокупности представляющих курс русской словесности. Продолжительное время они служили учебными пособиями для студентов российских университетов.

М.В. Ломоносова[12] и его учением о «трех штилях», но в весьма своеобразном переплетении с новыми идеями сентиментализма, с усиленным вниманием к проблеме «вкуса» и воспитания «чувствительности».

Влияние карамзинского взгляда на задачи литературы продиктовало И.С. Рижскому новый, несколько отличный от ломоносовского, взгляд на задачи и содержание красноречия. Если для Ломоносова «красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению» [Ломоносов 1952: 91], то Иван Степанович Рижский призывает оратора «силою слова проницать в душу других, повелевать их умами, растрогать их чувствительность разительным изображением нравственного, восхитить их воображение живейшим выражением естественного изящества...» [Рижский 1882: 5].

Этой задаче подчинена практическая сторона учебного пособия, словесный материал из русской литературы и образцы красноречия античного мира и современной автору Франции, предложенные в переводах и анализируемые автором в качестве образцов ораторского искусства. Вслед за Ломоносовым И.С. Рижский достаточно подробно останавливается на всех сторонах ораторской речи, размышляет над проблемой чистоты русского языка, точностью слова и выражений, обращает внимание читателей на синонимию русского языка, на диалектизмы, рассматривает вопрос о благозвучности языка, о синтаксических конструкциях, наиболее часто употребляемых ораторами.

В книге «Наука стихотворства» автор продолжая традицию М.В. Ломоносова, подчеркивает необходимость серьезного изучения русского языка, разностороннего знания писателем родного языка на всех его уровнях, включая и диалектные ответвления. Современный читатель «Науки стихотворства» не может не обратить внимание на то, как И.С. Рижский

[12] Ломоносов М.В. (1711–1765) – с середины 1740-х годов Ломоносов систематически занимался изучением проблем филологии, поставил на порядок дня все фундаментальные вопросы литературоведения, критики, стихосложения, стилистики художественной речи, нормализации русского литературного языка, создания совершенных словарей и грамматик. Ломоносов по праву признан основателем русской филологии нового исторического периода. Научное и литературное наследство Ломоносова чрезвычайно обширно. В своих работах Ломоносов заложил прочный фундамент научного изучения важнейших проблем общего, русского, славянского и сравнителяно-исторического языкознания, а также проблем литературы и художественного творчества.

развивает далее известные мысли Ломоносова о том явлении стилистики, которое в наши дни получило наименование «функциональных стилей», пытаясь определить отличие языка стиховорца, поэта от языка оратора, ученого:

«В рассуждении выбора слов он (поэт) по большей части удаляется таких, которые, так сказать, собственно принадлежат витии, то есть коими изображаются понятия отвлеченные; напротив того старается везде изъясниться такими речениями, которые, сообщая мысли, им изображаемые, чувственные качества, дают речи стихотворца такую живость, которая для прозы была бы чрезмерна» [Рижский 1811: 46–47, 171].

Небезынтересно и ново для того времени замечание автора «Опыта риторики» о синонимии, в котором он высказывает мысль об отсутствии в языке абсолютно тождественных слов:

«Нет слов совершенно одинозначащих, поскольку те, которые кажутся нам такими, означают только весьма сходные между собой вещи или, означая одни, тем между собой различны, что одно из них сильнее и выразительнее изображает оную, нежели другое» [Рыжский 1822: 257].

И.С. Рижского интересует также и порядок слов в различных по содержанию и целевой установке предложениях. При рассмотрении этого вопроса он уже далек от следований немецко-латинских конструкцих, весьма распространенных в русском книжном языке XVIII века, в том числе и в языке научной прозы Ломоносова. Автор «Опыта риторики» рекомендует словорасположение «сообразно течению понятий, составляющих мысль» [Рижский 1822: 168]. Взгляды И.С. Рижского фактически совпадают с рекомендациями Н.М. Карамзина[13] о словорасположении, известном как «прямой порядок слов».

[13] Карамзин Н.М. (1766–1826) – русский писатель, публицист, историк, критик. Один из основателей сентиментализма в русской литературе. Сыграл выдающуюся роль в развитии русского литературного языка, приблизивши его к разговорному. Как критик Карамзин выступал против эстетики классицизма, утверждал принципы семтиментализма. Некоторые факты и сюжеты из «Истории» Карамзина отражены в творчестве Т. Шевченка, М. Шашкевича и в научных статьях И. Франка.

Работы И.С. Рижского представляли собой полный и самый обстоятельный курс теории словесности, относящийся преимущественно к ложно-классическому периоду развития литературы. Наиболее популярными до них были переводы Буало[14] и Батте[15] и отечественные издания: «Правила пиитические Аполлона Байбакова» и «Эпистола о стихотворстве» А.П. Сумарокова. В трудах И.С. Рижского впервые в России была четко отражена логико-грамматическая точка зрения на язык [Хрестоматия 1973: 17].

В 1810 году в Харькове вышла в свет книга И. Орнатовского[16] «Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных», в которой излагались вопросы русской грамматики с ориентацией на принципы всеобщей грамматики [Хрестоматия 1973: 18].

В 1811 году Илья Федорович Тимковский[17] основываясь на идеях «универсальной» грамматики, издает «Опытный способ к философическому познанию российского языка» (1811), представляющий собой интересный образец свода теоретических положений, сопровождающихся методическими наставлениями, образцами грамматического анализа и текстами, подтверждающими мысли автора.

В книге И.Ф. Тимковского рассматривались вопросы, связанные с лексикой, фонетикой, морфологией, синтаксисом, а нередко и с семасиологией. Ученый говорит о внешних и внутренних обстоятельствах, влияющих на

---

[14] Буало (Буало-Депрео; Boileou-Despréaux) Никола (1636–1711) – французский поэт и критик, теоретик классицизма, член Французской академии с 1683 г. Закончил в 1656 г. Сорбону. Литературную деятельность начал как лирический поэт. В главном своем трактате «Исскуство поэтическое» (1674 г., состоит из 4 песен) обосновал основные принципы французского классицизма. Основа эстетики Буало – рационализм. Среди правил, которые выдвинул Буало, самое большое значение принадлежит закону о трех единствах в драме – место, время, действие. Утверждал объективное отображение действительности в исскустве, выступал против субъективизма и дилетанства, подчеркивал большое воспитательное значение исскуства. Поэтика Буало сыграла важную роль в развитии европейской литературы XVII–XVIII веков.

[15] Батте (Batteux) Шарль (1713–1780) – французский эстетик. С 1761 года член Французской академии. В эстетическом сочинении «Изящные искусства, сведенные к одному общему принципу» (1746) и «Курс изящной словесности» (1747–1748) развивал идеи классицизма. Основным принципом искусства считал подражание.

[16] Орнатовский И. – лингвист, занимавшийся вопросами универсальной грамматики. В России к числу сторонников создания универсальной грамматики можно причислить И.С. Рижского, Ф.И. Буслаева, а также В.Г. Белинского с его подражательным и неудачным опытом логической грамматики.

[17] Тимковский И.Ф (1772–1853) – профессор кафедры российского правоведения, воспитанник Московского университета (закончил юридический и философский факультеты).

развитие русского языка, подчеркивает родство русского языка, санскрита, кельтского, латинского, греческого, немецкого. Обращают на себя внимание наблюдения И.Ф. Тимковского над составом лексики русского языка, ее неоднородностью (заимствования прямые и опосретственные из татарского, греческого, латинского, из современных западноевропейских языков, а также историзмы – древние российские слова, вышедшие из употребления и получившие другое «знаменование» [Тимковский 1811: 52].

Автор «Опытного способа к философическому познанию российского языка» показывает родство русского и старославянского языков и их различие. «За 10 лет до А.Х. Востокова И.Ф. Тимковский дает детальную периодизацию «славяно-российской словесности», а вместе с тем и развию языка» [Хрестоматия 1973: 19].

Со второй трети XIX века завершается период существования словесности как совокупности нерасчлененных филологических дисциплин и проблем. А этим обстоятельством определяется тот факт, что кафедры истории русского языка и словесности Харьковского университета активно начинают разрабатывать разнообразные области науки о русском языке, как и отдельные дисциплины или части этой науки. Одной из основных проблем изучения русского языка, начиная от раздумий И.С. Рижского о месте церковнославянизмов в русском литературном языке и до работ наших современников, является исследование процесса развития и совершенствования русского языка на разных уровнях и на разных исторических этапах. Внимание как к отдельным языковым фактам исторического развития русского языка, так и к синтетическому описанию истории языка вообще характерно для языковедческой науки в Харьковском университете.

На теоретическом уровне и активизации разработки проблем языкознания в университете сказалась научная деятельность выдающегося слависта и специалиста в области истории русского языка Измаила Ивановича Срезневского,[18] который работал в Харьковском университете с 1831 по 1847

[18] Срезневский И.И. (1812–1880) – русский филолог-славист, палеограф, педагог. Учился в Харьковском пансионе с 1826 по 1829 г., а также на этико-политическом отделении философского факультета Харьковского университета, который окончил со степенью

годы.

И.И. Срезневский после командировки за границу в западнославянские страны для расширения знаний и углубления подготовки по славянской филологии приступил в октябре 1842 году к чтению лекций по курсу «Истории и литературы славянских наречий», где во вступительном разделе, в частности, доказывал насущную необходимость изучения славянских языков и литератур в России.

Четыре года И.И. Срезневский вел в университете различные теоретические курсы: введение в изучение славянской филологии, старославянский язык, обзор славянских языков и наречий в связи с культурой и литературой славянских народов, а также проводил занятия по объяснительному чтению памятников русского языка.

Как отметил Н.Ф. Сумцов, именно в харьковский период жизни и деятельности И.И. Срезневский сформировался как глубокий лингвист, который через два года по переезде в Петербург в 1849 году создал выдающийся труд «Мысли об истории русского языка» [Сумцов 1914: 70]. В Харькове И.И. Срезневским написана статья «Мысли и заметки» (1831), явившаяся подступом к его эпохальной для развития русского языкознания работе «Мысли об истории русского языка». В «Мыслях и заметках» ученый писал:

«В образованном языке есть три периода: первый период – время нужд, язык

кандидата. 16 июля 1837 г. защитил магистерскую диссертацию «О сущности и содержании теории в науках политических», вслед за этим был назначен адъюнкт-профессор кафедры политэкономии и статистики Харьковского университета. С 17 октябся 1839 по 23 сентября 1842 год находился в заграничной научной командировке (Германия, Чехия, Австрия, Венгрия, Сербия, Польша). По возвращению в Харьков стал читать в университете славяноведческие филологические курсы. 3 декабря 1846 г. защитил диссертацию «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям», за которую ему впервые в России была присуждена ученая степень доктора славяно-русской филологии. Затем профессор славянских языков в Харьковском и Петербургском университетах, с 1849 г. член Академии наук, основал «Известия Императоской Академии Наук по отделению русского языка и словесности». Главные труды: «Запорожская старина» (1833–1838); «Исторический обзор серболужицкой литературы» (1814); «Святилища и обряды богослужения древних славян» (1846); «Мысли об истории русского языка» (1849); «Древние памятники русского письма и языка» (1866); «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (1867–1876); «Древнеславянские памятники русского письма» (1866); «Сказания об Антихристе в славянских переводах» (1874); «Фриульские славяне» (1878).

выражает одно необходимое, которое ограничивается материальным. Второй период – время поэзии и первого появления наук. Третий период – время, в которое язык, совершенствуясь, стремится к усовершенствованию наук» [Сумцов 1914: 75].

Мысли И.И. Срезневского о необходимости представить во всем объеме историю русского языка нашли отражение и развитие в работах многих харьковских лингвистов.

С 1854 по 1858 годы в Харьковском университете проходила научная деятельность исследователя народного творчества, филолога и поэта Амвросия Лукьяновича Метлинского,[19] оказавшего определенное влияние на становление научных взглядов своего ученика Александра Потебни. В частности, А.А. Потебня разделял высказывания А.Л. Метлинского, относящиеся к 1852 году о том, что

«достойны внимания, сохранения, исследования – не только творения великих писателей, не только язык высшего образованного состояния, но и всякое старинное и областное слово и выражение, всякий особенный народный говор, а тем более наречие, как великорусское и малорусское, с незапамятных времен употребляемые миллионами народа. Ежели областное употребление слова, его древняя буква нередко служит к истории объяснения языка в известную его эпоху, то что же сказать об этих богатых, живых, цветущих отраслях великого русского языка, широко раскинувшего свои разнообразные ветви?» [Сумцов 1908: 83].

С 1856 года кафедру истории русского языка и русской словесности возглавил профессор Николай Алексеевич Лавровский, вошедший в историю русской филологии как автор ряда важных работ по истории русского языка. Его лингвистические интересы и взгляды формировались под благотворным воздействием учителя по Петербургскому главному педагогическому институту профессора кафедры славянорусской филологии И.И. Срезневского.

Среди работ Н.А. Лавровского выделяются исследования важнейших

[19] Метлинский А.Л. (1814–1870) – украинский поэт и собиратель фольклора. Читал у А.А. Потебни курс лекций по русской грамматике. А.Л. Метлинский благотворно повлиял на А.А. Потебню в смысле усиления в нем живого интереса к народному творчеству и этнографии. В сочинениях Потебни, особенно в ранних, часто встречаются ссылки на этого ученого. Что же касается взглядов на украинский язык, на важность областных наречий в культурном развитии народа, в этом вопросе общность позиций А.Л. Метлинского и А.А. Потебни была полной.

периодов развития русского языка, а также освещение роли и значения отдельных ученых и писателей в этом процессе. Н.А. Лавровский написал, в частности, исследование, не потерявшее научной ценности и в наше время, – «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853), в котором убедительно показал византийское влияние на синтаксис этих договоров (характер периодов, их построение), на отдельные слова и выражения.

Интересные мысли Н.А. Лавровского по отдельным вопросам истории русского литературного языка XVIII – начала XIX веков содержит его речь «Несколько слов о Ломоносове» (1865). Говоря о «пестроте доломоносовского языка», роли и значении ломоносовских языковых преобразований, Н.А. Лавровский подчеркивал:

«На его периодическую речь, сильную, замкнутую, крепко сплоченную, органическую должно смотреть как на необходимое следствие, с одной стороны, всего его образования, всей совокупности действовавших на него образовательных влияний, с другой – врожденной силы, крепкой логики его мысли» [Лавровский 1865: 5].

Н.А. Лавровский рассматривал ломоносовскую теорию трех стилей как исторически обусловленное и передовое явление. В то же время он указывал на замкнутость этой теории и ее несоответствие новым литературным и языковым явлениям конце XVIII – начала XIX веков Н.А. Лавровский писал:

«Язык при новых опытах сближения литературы с обществом, как живой организм, требовал нового развития, и поломоносовская периодическая речь, имеющая свое историческое оправдание как необходимая степень в развитии русского языка, перестала удовлетворять новым требованиям, оказалась устарелою, замкнутый период должен был развернуться в виде новых литературных запросов. Явился Карамзин» [Лавровский 1865: 7].

Привлекают своей близостью к современному разрешению поставленных Н.А. Лавровским вопросов многие мысли, высказанные им в речи «Карамзин и его литературная деятельность» (1866). Ученый высоко

оценивал деятельность Карамзина, рассматривал особенности его слога в историческом аспекте. В то же время, исследовав язык писателя и его предшественников, сделал интересный вывод:

«Если посмотреть на язык Карамзина с внешней стороны, т.е. на исключение из него церковнославянской примеси, на краткость и отрывочность предложений, вообще на то сближение его с языком образованного общества, которое прежде всего ставят его в заслугу, то нельзя не заметить, что все это сделано еще задолго до него. Если посмотреть на язык лучших статей наших сатирических журналов 70-80-х годов, на язык Фонвизина, или хотя на язык «Вступления к «Почте духов» Крылова, написанного в 1789 г., то едва ли в этом отношении можно заметить большое различие сравнительно с языком «Писем русского путешественника», в этом смысле едва ли будет справедливо повторять старую фразу о преобразовании Карамзиным литературного языка» [Лавровский 1866: 40].

Наиболее серьезные и глубокие работы были написаны Н.А. Лавровским во время его преподавания в Харьковском университете (до перевода в 1875 году на пост директора Нежинского историко-филологического института). Я.К. Грот[20] в некрологе «Н.А. Лавровский» подчеркнул, что «Харьковский период жизни Николая Алексеевича представлял расцвет его ученой деятельности» [ЖМНП 1900: 1].

Видным специалистом в области истории русского языка (хотя в его научной деятельности большое внимание уделялось и проблемам славистики) был брат Н.А. Лавровского – Петр Алексеевич Лавровский, который, как и его старший брат, обратился к изучению русского и других славянских языков под влиянием своего учителя И.И. Срезневского. Его магистерская диссертация «О языке северных русских летописей» (1852) впервые в русской филологии глубоко и разносторонне раскрывает особенности языка летописей. Эта работа

[20] Грот Я.К. (1812–1893) – русский филолог, академик Петербургской Академии наук с 1856 г. Основные его работы по истории шведской и финской литературы, скандинавскому фольклору и мифологии, русской литературе, грамматике, лексикологии и лексикографии. Установил нормы русского правописания, сохранившиеся до орфографичекой реформы 1918 г. Выполнял значительную общественную работу, активно занимался просветительской деятельностью, пытался сделать психологические и философские знания общедоступными, принимал активное участие в реформировании образования в России, а также блестяще вел свою профессорско-педагогическую деятельность.

имеет значительный научный интерес и в наше время, так как на глубоко разработанном фоне древнерусского языка, рассматриваемого до конца XV века, с выделением его характернейших особенностей, автор сравнительно полно показывает те черты языка северных (новгородских) летописей, которые «отличают его как наречие местное» [Лавровский 1852: 21]. Цель своей работы исследователь видел в том, «чтобы на основании русских летописей обозреть черты древнего языка в одной из половин великого нашего отечества, именно в северной России, и указать на то, когда и каким образом эти черты забылись и заменились новыми» [Лавровский 1852: 3].

В 1865 г. в дни празднования 100-летия со дня смерти М.В. Ломоносова П.А. Лавровский выступил на юбилейных чтениях, проходивших в университете, с речью «О трудах Ломоносова по грамматике языка русского и его русской истории». В ней впервые полно и обстоятельно устанавливается значение грамматического труда Ломоносова, весьма точно оценивается состояние русского языка в доломоносовский период, очень тонко характеризуются русский язык петровской эпохи и грамматика, вышедшие в свет до труда Ломоносова. П.А. Лавровский справедливо отметил, что успех грамматического труда Ломоносова во многом был предопределен обращением ученого и писателя к живой народной речи:

«Сама мысль – обратиться к разговорному народному языку, долгое время и после Ломоносова считавшемуся низким и подлым, могла возродиться только в чрезвычайном уме» [Лавровский 1865: 23].

П.А. Лавровский высказался о грамматике Ломоносова как о труде, в котором применяется сравнительный метод, отметил, что грамматический труд Ломоносова надолго предопределил развитие отечественной грамматической мысли

«Мы кое в чем только пополняем Ломоносова, оставляя основные положения в том же виде» [Лавровский 1865: 37].

Деятельность братьев Лавровских оказала глубокое влияние на изучение

русского языка и его истории в Харьковском университете, на зарождение и становление Харьковской филологической школы, одним из блестящих представителей которой в последствии стал А.А. Потебня. В своих автобиографических заметках А.А. Потебня писал, что «благодаря Лавровским я стал заниматься языкознанием... благодаря снисходительности Н.А. и П.А. Лавровских я выдержал экзамены (магистерские) и был оставлен в университете» [Пыпин 1891: 325].

В тоже время сам А.А. Потебня неоднозначно относился к решению Лавровских об отклонении его докторской диссертации.

С 1869 по 1884 год в Харьковском университете протекала научная деятельность известного санскритолога и специалиста в области сравнительной грамматики индоевропейских языков Викентия Ивановича Шерцля.[21]

Для истории изучения русского языка, который рассматривается В.И. Шерцлем в широком сопоставлении с другими индоевропейскими, наибольший интерес представляет «Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков» (1871–1873). В части «Фонетика» автор отмечает как особую примету русского языка присущее ему полноголосие и делает общее замечание:

«По чистоте слов, в своем строе и синтаксисе русский язык удержал славянский тип чаще остальных, лексический материал в совокупности – чисто славянский; это особенно заметно в разговорном языке простонародья» [Шерцль 1871: 95].

В «Сравнительной грамматике...» В.И. Шерцль рассматривал звуковой состав русского языка, взаимоотношения между звуками и основные способы русского словообразования. Более полно освещены некоторые вопросы

[21] Шерцль В.И. (1843–?) – русский языковед и педагог. Учился в Пражской гимназии, на юридическом факультете Пражского университета (1862–1865), в Лондонском (1866–1867) и Петербургском (1867–1868) университетах. В 1869 г. защитил магистерскую диссертацию «Личные местоимения в санскрите» и стал работать, в звании доцента, в Харьковском университете, где ему поручили вести курсы сравнительного языкознания и санскритского языка. Научные интерес Шерцля находилися в области сравнительно-исторического языкознания, которому он посвятил обширную монографию «Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков», ч. 1. Фонетика; ч. 2. Словообразование.

структуры русского языка в его работах, вышедших в Праге в 1882 и 1884 годах: «Mluvnice jazyka ruského» и «Skladba jazyka ruského».

Интерес к особенностям слога художественной литературы вообще, к языку и стилю отдельных писателей в частности (И.С. Рижский, братья Лавровские), отчетливо прослеживается и в работах профессора Харьковского университета литературоведа Николая Федоровича Сумцова.[22] В работе «А.С. Пушкин и Ф.И. Тютчев» Н.Ф. Сумцов пишет о характерных чертах языка Тютчева, сравнивая их с языком Пушкина, в исследовании «А.С. Пушкин» – о влиянии Пушкина на поэзию Лермонтова, в «Этюдах об А.С. Пушкине» ученый анализирует особенности языка и стиля ряда произведений поэта («Пророк», «Сказка о рыбаке и рыбке», цикл «Подражание Корану» и др.).

Целую эпоху в истории языкознания в Харьковском университете, в разностороннем изучении русского языка составляют работы филолога с мировым именем Александра Афанасьевича Потебни – заведующего кафедрой русской словесности с 1875 г. В научных работах А.А. Потебни вопросы сравнительно-исторической грамматики (особенно синтаксиса) занимали одно из главных мест и на долгие годы обусловили направление и характер лингвистических исследований ученых-филологов харьковской школы.

После смерти А.А. Потебни кафедру русского языка и литературы возглавил его ученик Михаил Георгиевич Халанский,[23] чьи научные интересы охватывали как проблемы славянских литератур, так и вопросы русского языка и диалектологии. В этом отношении своеобразна его педагогическая деятельность: М.Г. Халанский на филологическом факультете вел специальные курсы по истории русского языка, словообразованию, синтаксису, стилистике, заимствованиям в русском языке, курсы по фонетике и морфологии.

Из историко-лингвистических работ ученого, характеризующих харьковскую школу филологов, наиболее важными являются его исследования «Из заметок по истории русского литературного языка» (1899 и 1901). В них, в

---

[22] Сумцов Н.Ф. (1854–1922) – известный украинский фольклорист, этнограф, литературовед, глава специальной комиссии по вопросу цензурных ограничений украинского языка, созданной по поручению Академии наук в 1905 г.

[23] Халанский М.Г. (1857–1910) – филолог-славист, профессор Харьковского университета на кафедре русского языка и словесности (1891), член-корреспондент Академии наук (1909).

частности, рассматривались вопросы синтаксиса (о члене в русском языке и постпозиционных частицах -стани, -ста, -сте и др.). При этом наблюдения над синтаксическими явлениями проводятся автором на фоне общего развития русского литературного языка XVII–XVIII веков. Многие из выводов М.Г. Халанского не утратили своего значения и теперь. Так, например, интересны замечания исследователя об особенностях языка Аввакума:

«Широкое употребление живого языка Аввакум возводит в принцип... Соответственно этому язык сочинений Аввакума стоит в тесной связи с живым разговорным языком его времени и его родины, при сохранении в то же время полного общения с восточно-русским литературным, церковнославянским языком XVII века». И далее: «Аввакум явился большим новатором в области языка литературного» [Халанский 1901: 14, 15].

Значительный интерес представляет собой критическая оценка М.Г. Халанским работы Б.М. Ляпунова (ученика В. Ягича, Б.И. Ламанского, А.А. Потебни и Н.С. Дринова, работавшего с 1892 по 1901 год в Харьковском, а затем в Новороссийском университете) «Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи» (1900), где изучались в сравнительно-историческом плане редуцированные гласные этого памятника [Цілуйко 1955: 33].

В Харьковском университете работал с 1910 по 1915 год известный славист и историк русского языка Николай Николаевич Дурново.[24] В 1913 году им было опубликовано исследование «Записки по истории русского языка», которое является своеобразным подступом к итоговой работе по истории русского языка «Введение в историю русского языка» (Brno 1927).

Филологи Харьковского университета внесли большой вклад в изучение русского литературного языка и особенно его синтаксиса. Синтаксические конструкции (преимущественно период) как средство организации ораторской

[24] Дурново Н.Н. (1876–1937) – выдающийся ученый в области языкознания, занимался русской диалектологией и древнерусскими литературными памятниками, с 1903 г. – член Московской диалектической комиссии при Отделении языка и словесности Академии наук. В 1904 – приват-доцент Московского университета, в 1910 г. – перешел в Харьковский университет, оставаясь приват-доцентом, в 1937 г. был расстрелян большевиками, обвинялся в «вербовке кадров для организаций», «вредительстве» и «терроре».

речи были предметом внимания еще И. С. Рижского в его работах по риторике, поэтике и теории словесности. Вопрос о византийском влиянии на синтаксис языка договоров освещал Н.А. Лавровский. Много внимания вопросам синтаксиса уделил он и в работах, посвященных роли Ломоносова и Карамзина в истории русского литературного языка. Важным этапом в развитии учения о синтаксисе вообще, о синтаксисе русского языка в частности, стали работы А.А. Потебни, предопределившие дальнейшее развитие синтаксических воззрений его многочисленных учеников и последователей и активизировавшие разработку теории и практики научного синтаксиса русского языка.

Значительную научную ценность представляет диссертация ученика А.А. Потебни Александра Васильевича Попова[25] «Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях», напечатанная в журнале «Филологические записки» уже после его смерти. В отдельном издании она известна как «Синтаксические исследования» (Воронеж 1881). Развивая синтаксические концепции А.А. Потебни, молодой ученый в ней отходит, однако, от некоторых положений своего учителя, например, в вопросе о генезисе предложения, о последовательном развитии разных его типов. Для Потебни отправная модель исторического развития языка – двучленное предложение с подлежащим и сказуемым, а безличное предложение – позднейшее взаимозаменение двучленной структуры. А.В. Попов признает первичным одночленное предложение. По его мнению, двучленное предложение, состоящее из подлежащего и сказуемого, генетически разлагается на два одночленных.

Исследования А.В. Попова занимают видное место в развитии научной разработки вопросов синтаксиса. Академик В.В. Виноградов так оценивает работу «Синтаксические исследования»:

---

[25] Попов А.В. (1855–1880) – видный русский языковед, представитель Харьковской школы, талантливый ученик А.А. Потебни, исследователь грамматики индоевропейских языков. В 1879 г. с золотой медалью закончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Как подающий большие надежды, Попов был рекомендован для продолжения учебы при университете. Готовясь к магистерским экзаменам, Попов занялся углубленным изучением синтаксиса индоевропейских языков.

«Труд Попова ярко показал многообразие разных типов предложений, особенно одночленных или односоставных, усилил научно-исследовательское внимание к ним и пробудил стремление к описанию и историческому изучению структурных форм русского предложения» [Виноградов 1958: 360].

Данной работе А.В. Попова предшествовали две публикации: «Разбор русской грамматики Гутинкова» и «Оборот *что за* (was für ein) и сродные с ним» (Филол. Зап. 1878).

Обширным замыслам А.В. Попова не суждено было осуществиться. На кончину своего ученика А.А. Потебня откликнулся некрологом, в котором, в частности, писал, что «уже в первых курсах университета он обратил на себя внимание преподавателей, в том числе и пишущего это, редкой способностью и любовью к языкознанию, ... по его (А.А. Попова) словам, он любил работать «запоем». Но «вечеронька на столи, а смерть за плечима»..., как не встречал, так, вероятно, уже и не встречу такого» [Фил. Зап. 1881: I–II].

В историю научной разработки синтаксиса русского языка вошел еще один ученик А.А. Потебни – филолог широкого диапазона (социолог, литературовед и лингвист), профессор Харьковского университета с 1888 по 1905 год Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский. [26]

Как вспоминал позже Д.Н. Овсянико-Куликовский, что под влиянием лекций А.А. Потебни он «усвоил основные научные идеи и метод великого ученого и решил попробовать свои силы над разработкой вопросов исторического и сравнительного синтаксиса в том же духе и направлении»

[26] Овсянико-Куликовский Д.Н. (1853–1920) – известный русский и украинский филолог, языковед и теоретик литературы, педагог. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского и Новороссийского университетов. После учебы в университете готовился к профессорскому званию при кафедре сравнительного языкознания и санскрита. В течении нескольких лет находился за границей с целью изучения филологии. С января 1883 г. читал лекции по санскриту и сравнительной грамматике индоевропейских языков в Новороссийском университете. В 1887 г. защитил докторскую диссертацию. В 1888 г. переехал работать в Харьковский университет, в 1905 г. – в Петербургский университет, где читал лекции по сравнительному синтаксису индоевропейских языков, а на Высших женских курсах – по психологии художественного творчества. В 1907 г. был избран действительным членом Российской академии наук. В апреле 1920 г. переехал в Одессу и стал заведовать кафедрой русской литературы на филологическом факультете. В истории языкознания известен как автор значительного количества филологических работ, опубликованных в конце XIX – начале XX в. Исследовал проблемы теории и психологии творчества, синтаксис русского языка.

[Овсянико-Куликовский 1923: 36].

Известной работе «Синтаксис русского языка» (1902) предшествовали многочисленные статьи ученого, в которых раскрывались и популяризировались научные воззрения его учителя: «А.А. Потебня как языковед-мыслитель» (1893), «Очерки науки о языке» (1896), «Синтаксические наблюдения» (1897). Самостоятельным исследованием по синтаксису является труд «Из синтаксических наблюдений. I. К вопросу о классификации бессубъектных предложений» (1901). Ученый писал, что работа

«преследует цель методологическую и предназначена служить введением в дальнейшие историко-сравнительные исследования предпринятые автором в области бессубъектных предложений» [Овсянико-Куликовский 1901: 1].

Работа представляет собой развитие идей А.А. Потебни и заканчивается выводами – программой будущих изысканий ученого, частично реализованных в его «Синтаксисе русского языка». Д.Н. Овсянико-Куликовский писал:

«И наконец, в 1901 году я задумал написать книгу, в которой были бы изложены в общедоступной форме основы научного синтаксиса русского языка. В 1902 году эта книга появилась в издании Д.Е. Жуковского (второе издание, исправленное и дополненное, вышло в 1912 г.). Она удостоилась премии Поливанова, присужденной Историко-филологическим факультетом Московского университета. Из моих научных работ по синтаксису это мое любимое детище» [Овсянико-Куликовский 1901: 40].

В предисловии к «Синтаксису русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовский подчеркивает, что «в основу изложения положена система Потебни» [Овсянико-Куликовский 1902: 111].

А далее в разделе «Заключение» Овсянико-Куликовский, основываясь на анализе использованного материала русского языка, делает вывод, полностью соответствующий учению А.А. Потебни о том, что

«синтаксические формы подвижны и изменяются в течение веков и что эти изменения совершаются в определенном направлении, а именно в сторону

наибольшего развития глагольных форм и убыли именных» [Овсянико-Куликовский 1902: 307].

Вслед за А.А. Потебней, который, по словам В.В. Виноградова, «связал так тесно и прочно грамматические вопросы, вопросы языковой техники и речевого творчества с формами мышления и сознания» [Виноградов 1958: 33], Д.Н. Овсянико-Куликовский очень точно разграничивал различные языковые явления. Например, он разделяет мнение А.А. Потебни о том, что А.Х. Востоков[27] слишком широко трактует явление согласования и выделяет его из понятия примыкания.

Ученые Харьковского университета серьезно занимались также проблемами диалектологии,[28] которая, по словам Л.А. Булаховского,[29] «в эпоху Потебни собственно делала только первые свои шаги» [Булаховский 1952: 23].

Особое внимание ученые уделяли русским говорам, которые граничили с украинским языком, а также факты размещения носителей русских говоров на территории Украины со всеми вытекающими отсюда лингвистическими последствиями.

Вполне закономерным является то, что диалектологические работы получают особое развитие в творчестве учеников А.А. Потебни, уделявшего много внимания народному русскому и украинскому языкам вообще, различным говорам в частности. Так, М.Г. Халанский внимательно изучал

[27] Востоков А.Х. (1781–1864) – выдающийся русский филолог, писатель, переводчик. С 1794 г. Востоков был студентом Петербургской академии художеств, где изучал искусство живописи, обучался архитектурному делу. Освободившись от чиновничьей службы в разных учреждениях еще в 1824 г. Востоков с этого времени все больше увлекается научно-исследовательской работой в области древней славянской и русской письменности, а также современного русскского языка. В 1835 г. он вошел в состав «Комитета для издания словаря по азбучному порядку», созданного при Академии наук. В 1844 г. Востоков вышел в отставку и продолжал работу по разным лингвистическим проблемам. За большие заслуги перед филологией он был избран в 1841 г. ординарным академиком Академии наук в Петербурге. В разных отрослях филологии Востоков сделал так много, что имя его стоит в числе выдающихся славистов 20-60-х годов XIX века.

[28] Вероятно, первая диалектологическая работа, выполненная в стенах Харьковского университета, принадлежит Н.А. Лавровскому (Русский язык в области наречия. – «Москвитянин», 1856, 4)

[29] Булаховский Л.А. (1888–1961) –русский языковед, академик АН УССР с 1939 г., член-корреспондент АН СССР с 1946. Закончил в 1910 году Харьковский университет. С 1916 приват-доцент Харьковского университета, с 1917 профессор Пермского университета. С 1944 директор Института языкознания им. А.А. Потебни АН УССР. Основные труды посвящены различным проблемам русского и украинского языкознания. Булаховский вместе с В.В Виноградовым и другими исследовал грамматическую систему Потебни и его лингво-философские воззрения.

южнорусские говоры Курской области, граничащей с Харьковской. Глубоки и оригинальны для своего времени его работы «Черты народного говора южной части Курской области и северной – Харьковской» (1882), а также «Сведения и заметки о говорах русского языка» (1883).

В 90-е годы XIX века и в первые десятилетия XX века диалектологические исследования в Харьковском университете связаны с именами профессоров Дмитрием Константиновичем Зеленина[30] и Николай Николаевичем Дурново.

Д.К. Зеленин, ученик акад. А.А. Шахматова, в 1913 году защищает докторскую диссертацию «Великорусские говоры с неогран『ческим и непереходным смягчением согласных в связи с явлениями поздней великорусской колонизации», которая представляла собой ценность не только большим фактическим материалом и серьезностью выводов, но и свежей и смелой для его времени трактовкой вопросов о воздействии на язык экстралингвистических факторов. В речи, произнесенной на диспуте перед защитой диссертации, Д.К. Зеленин говорил:

«Язык имеет две разные истории: одну – внутреннюю, звуковую, историю слов и форм, изменяющихся по законам физиологическим и психологическим, другую – внешнюю, историю той среды, в которой протекает жизнь народа» [Зеленин 1915: 1].

Богатый фактический материал, приведенный и проанализированный в работе, и выводы, которыми завершаются разделы исследования, впоследствии были использованы Н.Н. Дурново в его известной работе «Введение в историю русского языка».

Н.Н. Дурново во время работы в Харьковском университете по вопросам диалектологии были написаны «Записки по истории русского языка. I. Фонетика и диалектология» (1912); «Краткий очерк русской диалектологии» (1914); «Диалектологическая карта русского языка в Европе» (1914); «Краткий отчет Дурново о диалектологических поездках в Рязанскую, Владимирскую,

[30] Зеленин Д.К. (1878–1954) – русский и украинский советский этнограф, фольклорист и диалектолог, член-корреспондент АН СССР с 1925 года. В 1904 г. закончил Юрьевский (теперь Тартуский) университет. С 1916 г. был профессором Харьковского, с 1925 г. – Ленинградского университетов. Основные труды в области этнографии восточных славян.

Нижегородскую и Симбирскую губернии летом 1910 и 1913 гг.» (1914). Ученый выполнял ряд ответственных заданий Московской диалектологической комиссии, результатом чего были публикации: «Свод материалов по великорусским говорам» (1911) и «Свод диалектологического материала по Саратовской и Тамбовской губерниям» (1912).

Лексикологические работы ученых Харьковского университета в подавляющем большинстве были связаны с исследовательскими планами и изданиями Академии наук. В работе над знаменитым лексикографическим трудом – «Словарем Академии Российской, по азбучному порядку расположенному» (1806–1822) принимал активное участие И.С. Рижский. В 1864 году братьям Лавровским Академия наук поручила обработку слов на букву «П» для нового издания «Областного слова русского языка». П.А. Лавровский подготовил «Сербско-русский словарь» (1870) и «Русско-сербский словарь» (1880), имевшие большое практическое значение.

Д.К. Зеленин редактировал IV том «Словаря русского языка», издававшегося II отделением Российской Академии наук, и работал (1918) над словарем языка поэтических произведений П. Вяземского. Если бы этот труд был завершен, то мы имели бы возможность считать его автора одним из первых создателей словаря писателя – совершенно нового лексического жанра, получившего свое развитие лишь в дальнейшем.

Филологов Харьковского университета всегда интересовал вопрос о месте русского языка среди языков мира, о его изучении в других странах. Как бы опережая ряд работ ученых филологических факультетов в советское время, профессор кафедры всеобщей литературы С.В. Соловьев[31] в 1912 г. публикует статью «Современное положение русского языка и литературы во Франции», в которой сообщает о преподавании русского языка с 1873 г. в Ecole des languses orientales, с 1902 года в Сорбонне, а с начала XX века в Дижонском и Лилльском университетах.

Ученые-филологи Харьковского университета всегда уделяли большое внимание просветительской, популяризаторской работе по созданию учебников и учебных пособий различного типа, разработке вопросов методики

[31] Соловьев С.В. – профессор кафедры всеобщей литературы Харьковского университета, автор учебника «Учебная книга по русской истории»,

преподавания лингвистических дисциплин. Н.Ф. Сумцов справедливо подчеркивал, что «выдающейся и характерной чертой профессоров-словесников Харьковского университета являются их живые педагогические интересы» [Сумцов 1905: 16].

Эти интересы находили свое выражение в высоком научном уровне создаваемых харьковскими филологами учебников, разнообразии и научной значимости общих курсов и спецкурсов, во внимании к вопросам методики преподавания.

Фактически с учебников началась в Харьковском университете научная разработка проблем теории и практики русистики (работы И.С. Рижского), и эта традиция жива до наших дней. Учебным пособием и в то же время серьезным научным трудом является упомянутый уже «Синтаксис русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского, впоследствии модифицированный применительно к новым методическим задачам в виде учебника «Руководство к изучению синтаксиса русского языка» (1912) и другие издания.

Н.Н. Дурново в соавторстве с Д.Н. Ушаковым создает учебное пособие по диалектологии «Хрестоматия по великорусским диалектам» (1912). Автором ряда учебников по старославянскому языку является Степан Михайлович Кульбакин,[32] работавший в Харьковском университете с 1904 по 1919 год. Его перу принадлежит «Учебник по русскому языку» (1916) для IV класса гимназии, «Русский язык в историческом освещении» (1913) и др.

Харьковский университет стал фундатором и руководителем ряда научных обществ, среди которых видное место занимало Историко-филологическое общество, созданное в 1877 году и функционировавшее до 1919 года Предшественником всех научных обществ при университете и Историко-филологического общества было Общество наук, образованное в 1812 году. В его задачу входило «распространение наук и знаний как через

[32] Кульбакин С.М. (1873–1941) – русский языковед, член-корреспондент Российской академии наук с 1919 г. В 1896 г. закончил Новороссийский университет. С 1905 г. профессор Харьковского университета. С 1919 г. эмигрировал в Югославию, был профессором университетов в Скопье и в Белграде. Автор трудов в области истории церковнославянского, польского, сербского, украинского языков. Кульбака автор языковедческих статей в многотомном издании «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний», в которой популярно и полно показано богатство и разнообразие славянских языков и на их фоне достаточно подробно и научно (для такого типа изданий) описан русский язык (с наречиями) с его характерными чертами и особенностями, его история и современное состояние.

ученые изыскания, так и через издание в свет общественных сочинений» [Сумцов. 1904: 3]. Общество наук состояло из двух отделений – естественных наук и словесности.

На заседаниях Историко-филологического общества слушались и обсуждались доклады и сообщения по различным вопросам истории, этнографии, фольклора, истории литературы и языка; многое из того, что было доложено на заседаниях, публиковалось в сборниках и вестниках общества. Возглавляли работу общества крупнейшие ученые университета (с 1878 по 1890 год председателем общества был А.А. Потебня, с 1890 по 1895 год – М.С. Дринов, а затем – Н.Ф. Сумцов). С докладами на его заседаниях и в качестве авторов публикаций в изданиях общества выступали как профессора университета, так и другие члены общества, среди которых много было преподавателей различных учебных заведений Харькова и других городов.

Так, на одно из заседаний общества А.А. Потебня выступил с докладами: «О значении слова «Русь» в связи с некоторыми явлениями русского полногласия», «О значении множественного числа преимущественно в русском языке» и другие; Б.М. Ляпунов[33] сделал сообщение «О языке первой новгородской летописи». Интересными были темы и других докладов: «Философия языка в трудах А.А. Потебни» Д.Н. Овсянико-Куликовского; «Труды Буслаева по русскому языку и словесности» М.Г. Халанского; «О статьях А. А. Потебни, посвященных языку» В. И. Харциева.

Историко-филологическое общество систематически проводило публичные лекции и общедоступные научные чтения для широкой аудитории. Постоянный интерес к методике преподавания лингвистических дисциплин в средних и высших учебных заведениях, стремление преодолеть преграду между научными и школьными курсами грамматики, познакомить учащихся средних учебных заведений через их преподавателей с научными

[33] Ляпунов Б.М. (1862–1943) – российский и украинский филолог-славист, педагог, академик Адакемии наук УССР с 1923 г. Закончил Петербургский университет. Ученик А.А. Потебни. С 1892–1899 гг. преподавал в Харьковском, а с 1900 (с 1902 – профессор) в Новороссийском университетах. С 1924 г. возглавлял сектор славяноведения в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде. Исследовал происхождение и взаимосвязь славянских языков, старославянского и давнерусского языка. Издал курс лекций сравнительной фонетики славянских языков (1913–1914). Автор трудов о А.А. Потебне, И. Ягиче, А. Шахматове, П. Лаврове.

филологическими проблемами вообще, современного русского литературного языка в частности, предопределило создание в составе Историко-филологического общества с 1892 года специального Педагогического отдела.

На заседаниях Педагогического отдела слушались и обсуждались доклады, связанные, в частности, и с наиболее важными вопросами преподавания русского языка в средних учебных заведениях, например, «О методе обучения писанию сочинений в средних учебных заведениях», «О введении письменных работ по русскому языку» (М.Г. Халанский), «О преподавании грамматики русского языка в низших классах гимназии» (В.И. Харциев[34]), «Пути обновления школьной грамматики» (С. Новицкий[35]) и др.

Значительный научный интерес и большое практическое просветительское значение имело распространение грамотности, предпринятое Историко-филологическим обществом. В этот период при основополагающем участии профессуры университета выходит в свет многотомное издание «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний», 7-й том которой был посвящен языкознанию и истории литературы (1911). Языковедческая часть тома представлена главами, содержащими сведения по общему языкознанию и истории русского языка. Авторами языковедческих статей были профессора университета Н.Н. Дурново и С.М. Кульбакин (редактор тома). В книге популярно и полно показано богатство и разнообразие славянских языков и на их фоне достаточно подробно и научно (для такого типа изданий) описан русский язык (с наречиями) с его характерными чертами и особенностями, его история и современное состояние.

В 1895 году Историко-филологическим обществом были организованы женские курсы, в программе которых серьезное внимание уделялось изучению русского языка.

---

[34] Харциев В.И. – публикатор таких курсов лекций А.А. Потебни, как «Психология поэтического и прозаического мышления» и «Основы поэтики», который мог вносить в тексты специфические оттенки. Популяризировал взгляды Потебни на миф в сборниках «Вопросы теории и психологии творчества»

[35] Новицкий С. – вместе с Н.Сумцовым, В. Харциевым и другими ставил ударение на необходимости практической реализации школьной и вузовской практикой именно педагогических достижений А.А. Потебни относительно языка: как формы мышления, средства формирования воображения, суждений; преподавания информации, познания, общения; становления языковой личности.

За все время существования Харьковского университета его ученые внесли весьма существенный вклад в научную разработку различных проблем русского языка, его истории и диалектологии как в теоретическом, так и в практическом направлениях. Всеобщее признание получили работы филологов Харьковской школы, основоположником которой явился А.А. Потебня. Характерной особенностью научной, педагогической и просветительской деятельности харьковских ученых было стремление решать наиболее сложные и актуальные вопросы современной им лингвистической русистики, органически связать теоретические исследования с педагогической, практической деятельностью, с широким популяризированием филологических знаний и заботой об уровне преподавания языка в средних учебных заведениях.

Таким образом, в развитии филологической науки в Украине, безусловно, ведущая роль принадлежит Харьковскому университету.

Безусловно, этому способствовало введение статута 1884 года, по которому профессорский состав получил возможность больше времени отдавать научной и педагогической деятельности вместо административной. [см.: Вернадский 1912–1929: 8].

Конечно, были сложности в организации научной работы. Так, по свидетельству современников, условия для научной работы ухудшались через недостаточное обеспечение научно-материальной базы университета.

Научные результаты специалистов признавались только тогда, когда они позитивно оценивались за границей. Исследования не финансировались, публикации в основном печатались за счет автора [см.: Шип 1991: 27].

Только в 1904 году вышел приказ министерства о том, чтобы российские университеты обменивались между собой докторскими и магистросткими диссертациями [Циркуляр 1904: 19].

В июне 1920 года историко-филологический и физико-математический факультеты, оставшиеся от старого университета, объединяются во Временные высшие педагогические курсы, которые в июле 1920 года реорганизуются в Академию теоретических знаний.

В мае 1921 года Академия теоретических знаний упраздняется, и на ее основе организуется Харьковский институт народного образования с двуми

факультетами – социального воспитания и профессионального образования. Одним из пяти отделений профессионального образования было отделение языка и литературы, готовившее педагогические кадры для массовых школ профессионального образования.

В августе 1930 года Харьковский институт народного образования был преобразован в два самостоятельных вуза – Педагогический институт профессионального образования и Институт физико-химико-математических наук.

В конце 1932/1933 учебного года институты объединились в единое учреждение – Харьковский государственный университет. Тринадцатилетний период реорганизаций, реформ и экспериментов кончился. 1 сентября 1933 года Харьковский университет возобновил свою работу на семи факультетах, в том числе и на литературно-лингвистическом, на том, где в свое время преподавал и Алаксандр Афанасьевич Потебня, основатель психологической школы в филологии.

После смерти А.А. Потебни, его научное наследство пытался популизировать А.Г. Горнфельд. Подготовленное им издание «Вопросы теории и психологии творчества» (8 томов, 1907–1923) было задумано как попытка популяризации идей А.А. Потебни и А.М. Веселовского.

Однако, во время работы над изданием образовался целый круг людей, которые изучали сферу теории и психологии творчества художественного и научного, а также общих вопросов эстетики.

Это дало возможность говорить о «харьковской школе» в области литературоведения.

К данной школе примкнули и ученики А.А. Потебни – Д.М. Овсянико-Куликовский и И. Гливенко (последний сменил С.В. Соловьева на кафедре западноевропейских литератур) [Белецкий 1959: 15].

Уже в одной из первых своих работ «Мысль и язык» (1862) А.А. Потебня выдвинул значительную часть своих гипотез, заложил основы своей филологической концепции. По-новому переосмысляя идеи Вильгельма Гумбольдта, который в начале XIX века выступил как один из выдающихся основоположников сравнительно-исторического языкознания, Потебня

подошел к языку как к «духовной деятельности», выдвинул на первый план его семантику, его содержательную основу.

Но подлинное признание пришло к Потебне лишь после опубликования его исследовании «Из записок по русской грамматике» (1874), где он блестяще подтвердил многие свои положения анализом колоссального количества фактов истории русского, украинского и других славянских языков.

Критически отвергая принцип формального, антиисторического подхода к развитию языка, Потебня показал, что язык изменяется в зависимости от развития и усложнения духовной жизни общества, что этот процессе требует все более разнообразных возможностей высказывания. Последнее же, в свою очередь, ведет к эволюции синтаксиса с более четкой выраженностью членов предложения и одновременно вызывает сдвиги и изменения в морфологии. Справедливо считают, что Потебня один из первых разработал исторический синтаксис славянских языков.

Кроме лекций по историческому синтаксису, фонетике и морфологии, Потебня из года в год читал в Харьковском университете курсы теории словесности, истории народной поэзии, посвятил немало лекций творчеству выдающихся писателей.

Параллельно с лингвистическими трудами Потебня опубликовал ряд интересных исследовании по поэтике фольклора и литературы «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1860), «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865), «Малорусская народная песня по списку XVI века» (1877), «Слово о полку Игореве», текст и примечание» (1878), «Разбор книги «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким» (1878), «Объяснения малорусских и сродных народных песен» (1883–1887) и другие. Последняя из названных работ Потебни настолько обширна и так богата по материалам, что может соперничать с фольклорными хрестоматиями.

Жизнь А.А. Потебни оборвалась в расцвете творческих сил. В его архиве осталось много рукописей, посвященных искусству слова, очерков и конспектов по теории и истории литературы, по вопросам фольклора и мифологии, заметок о творчестве многих писателей. Значительная часть

литературоведческих исследований, осуществленных в наиболее зрелый период научного творчества, – не была опубликована. Почти все осталось в черновиках и не было подготовлено к печати. Близкие Потебни, его ученики и последователи знали, как много сделано им в этой области, они и попытались собрать и издать важнейшие литературоведческие работы. Его вдова – Мария Францовна (Владимировна) Потебня – обратилась в Академию наук с просьбой выделить средства на издание трудов Потебни. Но настоящей поддержки не нашла и была вынуждена фактически самостоятельно издавать работы ученого [см: Франчук 1974].

В 1894 году М.Ф. Потебня издала на свои средства в Харькове небольшую книгу «Из лекций по теории словесности». Это была стенографическая запись десяти лекций с «небольшими поправками по черновым наброскам самого автора», как значилось в предисловии, написанном одним из учеников Потебни В.И. Харциевым. Другая книга «Из записок по теории словесности», где были собраны почти все литературоведческие статьи и заметки Потебни, была издана только через одиннадцать лет – в 1905 году, тоже на средства М.Ф.. Потебни, и тоже в Харькове при участии В.И. Харциева, который подбирал и редактировал все материалы.

Насколько трудно било подготовить и издать эту книгу говорится в письме В.И. Харциева к Н.Ф. Сумцову от 12 мая 1902 года, где он сообщает, что М.Ф. Потебня (очевидно не видя возможности издать все целой книгой) собирается издавать «Записки по теории поэзии» отдельными випусками.

М.Ф. Потебней была также издана третья книга «Из записок по русской грамматике» (1899), переизданы ранние работы Потебни по поэтике фольклора и литературы с прибавлением некоторых неопубликованных материалов (заметки о «Задонщине» и др.). В Харьковском сборнике «Вопросы теории и психологии творчества» в 1914 году были опубликованы черновые заметки Потебни о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском и о мифе. Ученики Потебни, В. Харциев и Б. Лезин, выступили с публикацией его лекций по основам поэтики [см.: Лезин 1910; Харциев 1910]. Эти материалы весьма существенны, поскольку они (в особенности публикация В. Харциева) в основном довольно

точно воспроизводили курсы лекций, читавшиеся Потебней.

В. Харциев, одним из первых разбиравший архив Потебни, опубликовал в 1892 году обзор «Посмертные труды А.А. Потебни» (1892). В сущности это первое и наиболее полное описание архива, когда все бумаги были еще в том состоянии, как их оставил покойный ученый, и ничего еще не было утрачено. В своем описании Харциев упоминал, что среди бумаг А.А. Потебни имелись два конспекта его курсов теории словесности, относящихся к разному времени.

«Один из них составлен довольно полно самим Александром Афанасьевичем, другой, очевидно, одним из его слушателей» [Памяти... 1892: 84].

В другом описании архива ученого, сделанном уже после 1917 года, при участии И.Я. Айзенштока, А.В. Ветухова, Б.А. Лезина, К.М. Немчинова и А.Н. Синявского и опубликованном в Бюллетене редакционного комитета по изданию собрания сочинений Потебни (1922), эти конспекты уже не упоминались. Не упоминались они и в описании документальных материалов личного фонда А.А. Потебни, опубликованном в 1960 году Харьковским филиалом ЦГИА УССР .

Основательное изучение архивов Потебни показывает, что цельных конспектов там сейчас нет, а встречаются лишь фрагменты разработок по отдельным темам. Поэтому можно думать, что упомянутые В. Харциевым конспекты были скорее всего утрачены давно, еще до революции. Следовательно, публикация В. Харциевым «Основ поэтики А.А. Потебни» (1910) имела особое значение. Есть все основания полагать, что она составлена на материале упомянутых конспектов и является, таким образом, одним из немногих источников, знакомящих нас с курсом лекций Потебни по теории словесности в систематизированном и последовательном изложении.

В этом убеждают и текстологические сопоставления «Основ поэтики А. А. Потебни» со всеми работами, опубликованными им самим, а также с посмертными публикациями его трудов «Из лекций по теории словесности» (1894) и «Из записок по теории словесности» (1905). Объективно-стилистические методы определения авторства, разработанные В.В. Виноградовым, дают возможность увидеть, что материалы, опубликованные В.

Харциевым, за исключением самых незначительных вкраплений, принадлежат, очевидно, Потебне и соотносятся с его манерой строить систему доказательств, с типичными для его стиля синтаксическими конструкциями, с подбором образных сравнений, пояснений, примеров, и, наконец, с самим материалом анализа, до мелочей совпадающих с материалом таких работ Потебни, авторство которых не подлежит никакому сомнению.

Уже после Октября 1917 года были опубликованы такие крупные работы Потебни, как четвертая книга «Из записок по русской грамматике» (1941) и «Ударение» (1973), а также наброски отдельных лекций и некоторая часть его эпистолярного наследия. В 1976 году были, наконец, переизданы после долгого перерыва такие работы, как «Мысль и язык», «Язык и народность», «Из лекций по теории словесности», а также фрагменты из других работ по эстетике и поэтике.

Созданный еще в 20-е годы редакционный комитет по подготовке собрания сочинений Потебни действовал не всегда единодушно и энергично и в силу разных причин работу свою не довел до конца и даже не успел приступить к публикации архивных материалов. Был выпущен в 1922 году лишь первый том, в котором содержалось 4-е издание работы «Мысль и язык».

В годы Великой Отечественной войны некоторые рукописи Потебни, хранившиеся в Харьковском архиве,[36] были утрачены. Затерялись в общих книжных фондах и книги из личной библиотеки А.А. Потебни, переданные когда-то М.Ф. Потебней в дар библиотеке Харьковского университета.

Таким образом, изучение филологического наследия Потебни сопряжено с определенными трудностями. Хотя основные его работы и были изданы, многие из них, особенно литературоведческие, нуждаются во всесторонней сверке с архивами Потебни, в уточнении и дополнении их теми материалами, которые до сих пор еще ждут научно выверенной публикации.

В связи с тем, что сам А.А. Потебня не успел отредактировать большую часть своих литературоведческих работ, есть нужда в определенной

[36] К сожалению, нет возможности восстановить многие важные факты из истории преподавания русского языка в Харьковском университете в дореволюционное время и в советский период до Великой Отечественной войны (особенно биографии ученых и материалы, связанные с особенностями учебного процесса), так как в период фашистской оккупации Харькова архив университета понес невосполнимые потери.

систематизации оставленных набросков и высказываний. Фрагментарность, непоследовательность изложения, определившиеся желанием издателей публиковать после смерти А.А. Потебии «все в таком виде, как оно оставлено было покойным профессором» [Потебня 1905: 111], и различными недостатками редактирования, порой без необходимости затрудняли понимание самого хода научной мысли Потебни, усугубляли ее противоречия. Все это в свою очередь не раз приводило к своеобразному, нецелостному восприятию его филологического наследия, когда одни его мысли принимались или оспаривались, а другие – вовсе не замечались или замалчивались. В литературе о А.А. Потебне такая фрагментарность постоянно дает о себе знать.

Все эти факты, безусловно, позволяют говорить о том, что в изучении творчества этого выдающегося ученого еще существуют «белые пятна», дающие простор для дальнейших исследований.

Р А З Д Е Л 2
ИССЛЕДОВАНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АЛЕКСАДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

2.1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИЦИЙ УЧЕНОГО В НАУКЕ. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Научное наследие А.А. Потебни так значительно и велико, что для исследователя есть немало работы, чтобы в полной мере раскрыть его роль в развитии филологической науки славянских народов, осветить его значительный вклад в науку о языке, особенно — в развитие русского и украинского языкознания.

Творчество ученого состоит:

а) из большого количества трудов по народной словесности и этнографии;

б) из многочисленных трудов по языкознанию;

в) из значительного числа исследований историко-литературного характера;

г) из ряда философских трудов, связанных с проблемой происхождения и развития языка и с другими вопросами языкознания.

Кроме того, его перу принадлежат немало историко-литературных и критических работ.

Исследованию научного наследия Потебни посвящено большое количество работ разных ученых в разные периоды. Достаточно вспомнить труды таких известных ученых как А.А. Шахматов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов. Труды Потебни изучались также такими учеными как Д. Багалий,[37] А.Н. Пыпин, М.Г. Халанский. К сожалению, многие работы Потебни, его черновые материалы и письма до сих пор не опубликованы, а часть оставленного им рукописного фонда была утрачена. После знакомства с

[37] Багалий Д.И. (1857–1932) – историк, академик ВУАН (с 1919), ректор Харьковского университета (1906–1910 гг.). С 1919 г. – первый глава историко-филологического отделения ВУАН. У 20–30-е гг. возглавлял научно–исследовательскую кафедру истории Украины, Институт истории украинской культуры и Институт Т.Г. Шевченка.

рукописями ученого, исследователь О.П. Пресняков констатировал, что хотя основные его работы и были изданы, многие из них, особенно «Из записок по теории словесности», «нуждаются во всесторонней сверке с архивами Потебни, в уточнении и дополнении их теми материалами, которые до сих пор еще ждут научно выверенной публикации» [Пресняков 1978: 9].

В конце XIX – начале XX века ученики А.А. Потебни обрабатывали и готовили к изданию его рукописные материалы, публиковали письма, лекции, биографические данные, своими воспоминания об ученом издавали отдельными трудами. Ценные материалы, связанные с жизнью Потебни и его преподаванием в Харьковском университете, были опубликованы в сборнике «Памяти А.А. Потебни» (1892), в статьях Н.Ф. Сумцова (1904 и 1908) и М.Г. Халанского (1909).

Сохраняют свое значение работы «Современная малорусская этнография» Н.Ф. Сумцова (1892) и «А.А. Потебня как языковед-мыслитель» Д.Н. Овсянико-Куликовского (1893). В первой работе давалась общая характеристика фольклорно-мифологических трудов ученого, а во второй – анализировалась его лингво-философская концепция.

В XX веке ведущая роль в осмыслении творческого наследия А.А. Потебни принадлежала лингвистам А.А. Булаховскому в работе «Александр Афанасьевич Потебня» (1952), В.В. Виноградову – «Учение А.А. Потебни о стадиальности развития синтаксического строя в славянских языках» (1946: 3–27), «История русских лингвистических учений» (1978: 91-104, 182-187, 309-310), А.И. Белодеду – «Грамматическая концепция А.А. Потебни в истории отечественного языкознания» (1976: 2–48), С.Д. Кацнельсону – «История типологических учений» (1985: 6–58) и «Теоретико-грамматическая концепция А.А. Потебни» (1985: 59–78), Ф.П. Филину – «Методология лингвистичеких исследований А.А. Потебни» (1935: 121–160), В.Ю. Франчук[38] – «Олександр Апанасович Потебня» (1985), а также об этом писали А.Н. Портнов – «Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–

[38] Франчук В.Ю. (род. 17.I.1932, г. Тирасполь, Молдавия) – украинский языковед. Окончила филологический факультет Харьковского университета (1954), аспирантуру того же университета (1957). Кандидат филологических наук (1961). С 1958 по 1961 гг. – референт Института языковедения им. А.А. Потебни АН УССР, с 1961 г. – научный сотрудник (с 1971 г. – старший) того же института.

XX вв.» (1994: 287–299), Ю.В. Рождественский «В. Гумбольдт и Я. Гримм в русской литературе по филологии XX века» (1987: 162–186), Т.А. Амирова с группой авторов в работе «Очерки по истории лингвистики» (1975: 387–406), Ф.М. Березин – «К вопросу о философских основах лингвистической теории А.А. Потебни» (1974: 65–83), «Русское языкознание конца XIX – начала XX века» (1976: 9–71), А.В. Бондарко – «Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века» (1985: 72–123) и другим. Они исследовали грамматическую систему Потебни и его лингво-философские воззрения, установили отношения А.А. Потебни к концепциям В. Гумбольдта, Г. Штейнталя и других немецких мыслителей, языковедов и психологов, его связь с традицией русского языкознания.

Ученых интересовали не только работы А.А. Потебни, но и сама его личность, поэтому о нем неоднократно писали в своих трудах философы и психологи. Это такие как О.Г. Розенберг «До характеристики філософічних поглядів О.О. Потебні» (1926), М.Г. Ярошевский «Философско-методологические воззрения А.А. Потебни» (1946), С.Я. Коган в работе «Философские вопросы лингвистической концепции А.А. Потебни» (1960), А.И. Колодная «Философская концепция А.А. Потебни» (1965), «Мировоззрение А.А. Потебни и некоторые философские вопросы его лингвистической концепции» (1967) и «Проблема походження та генезису релігійних вірувань у науковій спадщині О.О. Потебні» (1972), Д.Ф. Острянин «О философских взглядах Потебни» (1986), Р.П. Трофимова «К характеристике философского наследия А.А. Потебни (К 150-летию со дня рождения А.А. Потебни)» (1985) и «Философско-методологическая концепция «духовной жизни» в творческом наследии Потебни» (1986) и другие.

Для современного постижения филологических взглядов Александра Афанасьевича Потебни большую роль сыграли работы А.П. Чудакова «Психологическое направление в русском литературоведении» (1975) и О.П. Преснякова «Литературоведение и филология в научном наследии А.А. Потебни» (1978), «А.А. Потебня об особенностях художественной речи» (1981). О.П. Пресняков предпринял попытку восстановить целостное видение литературной теории Александра Афанасьевича Потебни в своих книгах: «А.А.

Потебня и русское литературоведение конца XIX - начала XX века» (1978) и «Поэтика познания и творчества: Теория словесности А.А. Потебни» (1980).

На широком фоне европейской науки XIX–XX веков идеи А.А. Потебни рассматриваются в книге Джона Фицера «Психолингвистическая теория литературы А.А. Потебни» (1988).

Общую характеристику фольклористических разысканий А.А. Потебни в разное время давали А.Н. Пыпин в своей работе «История русской этнографии» (1891: 147–153), Н.Ф. Сумцов «Современная малорусская этнография» (1892), О.В. Ветухов «Етнологічно-етнографічні роботи Потебні» (1928), В.С. Бобкова «А.А. Потебня как фольклорист» (1949), «О.О. Потебня про художню символіку народної поезії» (1960: 61–67) и «О.О. Потебня – дослідник народної поетичної творчості» (1962: 25–39), М.К. Азадовский «История русской фольклористики» (1963: 205–208), Н.И. Толстой «О некоторых этнолингвистических наблюдениях А.А. Потебни» (1981: 68–81), Н.К. Дмитренко «Язык фольклора в концепции А.А. Потебни» (1983: 157–164), «Монографічне дослідження О.О. Потебні про народні пісні» (1983: 53–56), «А.А. Потебня – собиратель и исследователь фольклора» (1985) и «Олександр Потебня і народна пісня» (1985), В.М. Гацак «Наследие А.А. Потебни и вопросы историко-поэтического изучения фольклора» (1988: 8–18).

Наиболее подробно наследие А.А. Потебни-фольклориста изучено в кандидатской диссертации Н.К. Дмитренко «Теория народной словесности как направление отечественной филологической науки 60-80-х годов XIX века (Фольклористические труды А.А. Потебни)» (1983). Диссертация включает три раздела: «Фольклористическое наследие А.А. Потебни», «Концепция народной словесности А.А. Потебни и фольклористические теории 60-80-х годов XIX века» и «Исследование поэтики фольклора».

Взгляды Александра Афанасьевича Потебни на миф неоднократно рассматривались в статьях и монографиях, посвященных творческому наследию ученого. Об этом писали в своих работах такие исследователи как В. Гутякулова «Некоторые проблемы образного мышления в теории А.А. Потебни» (1970: 144–155) и «Проблема художественной образности в теоретическом наследии А.А. Потебни» (1971), В.Д. Ефимцев «Проблема

единства художественного и научного мышления в эстетике Харьковской психологической школы» (1974: 45–54), А.П. Чудаков «Психологическое направление в русском литературоведении» (1975), Н. Иваньо, А. Колодная «Эстетическая концепция А. Потебни» (1976), О.П. Пресняков «Поэтика познания и творчества: Теория словесности А.А. Потебни» (1980: 144–155), М.А. Мацейкив «Психологические воззрения А.А. Потебни» (1987: 88-90, 100-101), А.К. Байбурин «А.А. Потебня: философия языка и мифа» (1989: 3–14).

К этой теме обращались и участники конференций – «Творческое наследие А.А. Потебни и современные филологические науки» и «А.А. Потебня - исследователь славянских взаимосвязей», проведенных в Харькове в 1985 и 1991 годах. На этих конференциях прозвучали выступления Ф.Т. Евсеева «Наследие А.А. Потебни и некоторые особенности мифопоэтического мышления» (1985), Р.Н. Поддубная «Суждения А.А. Потебни о «мифическом мышлении» и их значение для осмысления мифологических тенденций в современной литературе» (1985), А.Д. Панченко «Вопросы мифотворчества в концепции А.А. Потебни» (1985), В.А. Гречко «Категории формы и содержания в методологии А.А. Поебни» (1991), Э.С. Прутовых «Диалектика мифологического мышления и язык» (1991), М.Ф. Амфіренко «Міфічні джерела слов'янскої ідіоматики» (1991).

Ценные наблюдения о мифологической концепции Потебни имеются в общих трудах по истории изучения мифологии, этнолингвистики и предыстории семиотики – В.С. Иванов «Очерки по истории семиотики в СССР» (1976: 13, 34, 35-37), Н.И. Толстой «Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике» (1995: 24, 34, 39, 73) и другие.

Сопоставительному анализу культурологических концепций А.А. Потебни и А.Н. Веселовского была посвящена докторская диссертация Р.П. Трофимовой «Философия культуры русского академизма» (1994), в которой она, в частности, рассматривает взгляды А.А. Потебни и А.Н. Веселовского на миф и мифологическое мышление [Трофимова 1994: 209-238]. Диссертация включает разделы: «Философия и методология», «Философия и язык», «Эстетика и культура». К этой теме Р.П. Трофимова обращается также в

заметке «Мифология и религия в культурологических теориях России» (1994: 43– 47) [см. также: Трофимова: 1985; 1986; 1987).

Особый интерес представляют собой также мемуары студентов и профессоров Харьковского университета за период с 1860–1900 годов.

2.2. РОЛЬ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ В ФОРМИРОВАНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В НАУКЕ

Девятнадцатое столетие, наверно, не знало себе равных по расцвету самых разнообразных и захватывающих новых идей и течений, но именно в XIX веке, сомнения, посеянные ренессансными мыслителями, наконец дали всходы, и уже ничто не мешало образованным людям полностью утвердиться в мысли, что человеческий разум вполне способен познать и изменить человеческую жизнь. Именно эта уверенность и привела к невиданному расцвету разных идей и теорий.

Начиная с 60-х годов XIX века в России отмечался всеобщий интерес к идеям «народничества», к «хождениям в народ». Это было связано с общим подъемом демократического движения. Не обошли эти тенденции и Украину.

Так в XIX веке возникает новое чувство – чувство нации, основанное на общности языка, привязанности к родной земле, традициям, обычаям и культуре. В Украине, как и повсюду в мире, возникновение и постепенное распространение идеи нации, основанной на этническом родстве, становится одной из важнейших тем.

Украинская интеллигенция, как и всякая другая восточноевропейская, сосредоточила главное свое внимание на таких неповторных чертах своего этноса, как история, фольклор, язык и литература, и народ, простой народ наконец-то занимает подобающее ему место в умах: его речь, его обычаи, его традиции начинают ценится превыше всего, и при соодинении этих ключевых

элементов со временем возникает чувство национальной общности, национальное самосознание.

Убедительные обоснования важности местных языков и фольклора приводит в своих трудах немецкий философ Иоганн Гердер.[39] В противовес «безличным и безжизненным» имперским системам, «искусственным увлечениям иностранным модам и языкам, царивших при дворах монархов и в салонах знати, И. Гердер все свое внимание сосредоточил на этнически своеобразной культуре крестьян [Субтельный 1994: 284].

Среди интеллигенции Восточной Европы взгляды Иоганн Гердера нашли особенно горячий отклик.

В XIX веке увлечение фольклором становится почти повальным среди украинской интеллигенции. Интерес к крестьянским обычаям, традициям, песням преобретает небывалые формы. Поскольку украинцы в основном были крастьянским народом, богатый и живой фольклор составлял одну из наиболее привлекательных их черт. Сам Иоганн Гердер настолько был очарован его красотой, что заявил: «Украина станет второй Грецией. Придет день, и пред очами изумленного мира предстанут ее прекрасное небо, жизнерадостный дух ее народа, ее естественная музыкальность, ее благодатная земля», а польский поэт Адам Мицкевич признавал, что украинцы – «самый поэтичный и музыкальный народ среди славян» [Субтельный 1994: 293]. Поэтому не удивительно, что едва ли не вся интеллигенция Украины пошла в этнографические экспедиции, собирая, а потом публикуя жемчужины народного творчества.

Среди первых энтузиастов украинского фольклора был князь Николай Андреевич Цертелев[40]. Грузин по происходжению, русский по культуре, который вырос в Украине и влюбился в ее культуру и язык1. В 1819 году (на восемь лет раньше сборника М. Максимовича) в Петербурге он выпустил в

---

[39] Гердер (Herder) Иогенн Готфрид (1744–1803) – немецкий философ и писатель-просветитель. В 1764–1769 гг. пастор в г. Риге, с 1776 – в Веймаре, теоретик «Бури и натиска», друг И.В. Гете. Проповедовал национальную самобытность искусства, утверждал историческое своеобразие и равноценность различных эпох культуры и поэзии. Написал трактат о происхождении языка, сочинения по истории философии, собирал и переводил народные песни.

[40] Цертелев Н.А. (?–1869) – энограф.Был первым этнографом, обратившийся к изучению малорусской народной поэзии.

свет сборник малорусских народных дум: «Опыт собрания старинных малорусских песен» (всего 10 дум). В предисловии, к которому, Н. Цертелев говорит о ценности песен как источника, по которому можно судить о целом народе, о нравах прошедших времен, особо отмечая, что «малороссов» всегда отличала чистота морали [Субтельный 1994: 293].

Гораздо более полное и систематическое исследование по украинской этнографии – «Малороссийские народные песни» – опубликовал в 1827 году Михайло Максимович[41]. Он происходил из украинской казацкой семьи, был профессором Московского университета, а в 1834 году стал первым ректором университета Святого Владимира в Киеве (сегодня это Национальный университет им. Т.Г. Шевченко). Другой украинский профессор Московского университета, Осип Максимович Бодянский[42], в 1837 году защитил магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен», основанную на сравнительной поэзии русских и украинских народных песен. Известный историк Н. Костомаров, рассказывая о своих студенческих годах вспонимал, что очень скоро он пришел к убеждению, что историю нужно изучать не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе. С этой целью он начал делать этнографические экскурсии из Харькова по соседним селам и «шинкам», которые в то время были настоящими народными клубами. Слушал разговоры, песни, записывал выражения, распрашивал о народной жизни [Субтельный 1994: 293].

Увлечение фольклором безусловно имело положительные стороны: оно дало толчок к развитию науки о происхождении языка, позитивно сказалось на развитии литературы того времени – неслучайно данный период называли «золотым веком русской литературы», а М.К. Азадовский писал о всеобщем

---

[41] Максимович М (1804–1873) – украинский историк, филолог, этнограф, ботанык, поэт. Закончил Московский университет (словесное и природоведческое отделение философского факультета, а потом, и медицинский факультет). Был почетным членом нескольких украинских и российских университетов,а также с 1871 г. был членом-корреспондентом Российской Академии наук Поддерживал тесные контакты с Т.Г. Шевченко, П. Гулаком-Артемовским, М. Костомаровым, М. Щепкиным, А. Мицкевичем.

[42] Бодянский О.М.(1808–18677) – известный славист. По окончанию курса в Полтавской Духовной семинарии поступил студентом в Московский университет, гда окончил курс по словесному отделению. Был заведующим кафедны истории и литературы словянских наречий в Московском университете. В звании секретаря Московского общества истории и древностей Российских издавал «Чтения» этого общества. В 23-х книга «Чтений» О.М. Бодянский поместил многие девние памятники русской и словянской писменности.

интересе к фольклору в те времена:

«Вопрос изучения народной поэзии, как и вообще всего народного мировоззрения и уклада народной жизни приобретают в эти годы неслыханную дотоле популярность... Причем, фольклористические изучения не мыслятся только в узко академическом плане, но имеют общественный характер и значение и представляются неразрывно связанными с кардинальными социально-политическими проблемами эпохи» [Азадавский 1963: 86].

Но по воспоминаниям некоторых классиков[43] было все же много показного в данном увлечении, дань моде, которая выражалась в ношении национальной одежды, стрижках «в кружок», запускание чуба, как у казаков, неуместного употребления просторечных выражений в повседневной и деловой речи.

Но как уже неоднократно отмечалось в первой главе, юные годы Александра Афанасьевича Потебни, первые его шаги в науке тесно связаны с увлечением фольклором. В своей автобиографии ученый отметил, что именно это увлечение побудило его перейти с юридического факультета на историко-филологический. Покоренный красотой и силой народной поэзии А.А. Потебня зачитывался фольклорными сборниками, собирал народные песни, пословицы и поговорки. Начиная с шестнадцатилетнего возраста будущий ученый начал самостоятельно записывать украинский фольклор от своих родных и близких. Уже тогда он собрал около 350 украинских песен и сам был их талантливым исполнителем [см.: Дмитренко 1985: 11–16], а в 1988 году фольклорное собрание А.А. Потебни было издано отдельным томом в серии «Українські народні пісні в записах письменників» [Потебня 1988].

Вся эта работа проводилась в каникулярное время в виде своеобразного «хождения в народ» и давала Александру Афанасьевичу Потебне богатейший материал этнографических и, так сказать, социологических наблюдений.

Для ученого увлечение фольклором стало толчком к формированию его научного мировоззрения, из глубин народного языка и литературы А.А.

[43] О негативных тенденциях «моды на народничество» писали И.С. Нечуй-Левицкий, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой.

Потебня черпал материал для своих научных исследований. В автобиографическом письме 1886 года к А. Патере ученый пишет по поводу того импульса, который побудил его к изучению народной словесности:

«Обстоятельствами моей жизни условлено то, что при научных моих занятиях «сходной точкой моей иногда заметною, иногда незаметною для других был малорусский язык и малорусская народная словесность. Если бы эта исходная точка и связанное с ней чувство не были мне даны, и если бы я вырос вне связи с преданием, то, мне кажется, едва ли я стал бы заниматься наукой» [Потебня 1962: 93].

При этом следует подчеркнуть, что любовь А.А. Потебни к Украине не мешала ему последовательно выступать за бережное отношение к национальной культуре других народов, утверждая этим самым свой подходом к языку и литературе, к народной поэзии именно эти принципы. Ученый решительно и безоговорочно отказывался от сотрудничества с агрессивно настроенными националистическими течениями. Он считал, что их позиции выражают интересы паразитических верхов и не имеет ничего общего с подлинной любовью к родному народу.

Д.Н. Овсянико-Куликовский, много раз беседовавший с Александром Афанасьевичем Потебней по этим вопросам, вспоминал:

«Вопросы национально-культурного развития Украины были для него не только предметом теоретического интереса, но и живой, и жгучей проблемой жизни... Но при всем том он не был «украинофилом» в обычном в те времена смысле слова: ему совершенно были чужды все те пристрастия и предпочтения, которые внушаются «местным патриотизмом», исключительною и обидчивою приверженностью к «своему», «родному». Его национализм был рациональным национализмом мыслителя, уравновешенным, спокойным и критическим. Помимо этого он живо ощущал в себе рядом с украинской другую национальность – общерусскую. Обиходным языком в его доме был общерусский, а не украинский. Языком его мысли и его научного творчества был, конечно, все тот же общерусский язык, орган великой русской литературы, которую он высоко ценил и знал в совершенстве» [Овсянико-Куликовский 1923: 180].

Александр Афанасьевич Потебня высоко ценил роль народа в процессе развития научной мысли. Он утверждал, что «.... труды ученых ….есть только продолжением деятельности племен и народов. Масса безымяных для нас личностей, масса, которую можно рассматривать, як одного великого ученого, великого философа, уже тысячелетия усовершенствует способы распределения по общим разрядам мыслей и оставляет на пользу последующим поколениям плоды своих усилий» [Потебня 1958: 642].

2.3. ИСТОРИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПОТЕБНИ

Увлечение Александра Афанасьевича Потебни историей еще со студенческой скамьи, отражено в его первой научной работе – кандидатской диссертации «Первые годы войны Хмельницкого».

А.Н. Пыпин, оценивая этот первый труд Потебни, писал:

«Народные песни и другой фольклорный материал использовались в ней, главным образом, как исторические свидетельства, сохранившиеся в памяти народной» [Пыпин 1891: 421].

Следует отметить, что само исследование фольклора в качестве исторического источника не являлось чем-то новым, ведь существовал целый ряд псевдоисторических произведений, авторы которых достаточно вольно обращались с фольклорным материалом. В этом плане труды русских ученых Ф.И. Буслаева и А.Н. Афанасьева, рассматривающих фольклор как отражение мыслительной деятельности наших предков имели инновационное значение в формировании научного подхода к фольклору.

Исследователи творчества ученого – в частности А.А. Пресняков – отмечают перекликание этого труда А.А. Потебни с трудами Н.К. Костомарова и прежде всего с его трудом «Об историческом значении русской народной

поэзии» (1843).

А.А. Потебня, ведущий активную переписку с А.Н. Пыпиным, называет эту книгу Н.К. Костомарова как ту, которая имела на него огромное влияние. [см.: Пыпин 1891: 423], а в другом автобиографическом письме прямо указывает, что его диссертация не была бы напечатана и не могла бы иметь интереса «после вышедшего позднее в своих сочинениях Костомарова» [Потебня 1962: 92]. Почему так бы интересен для молодого Потебни Костомаров? И почему он в письме к А.Н. Пыпину упоминал, что книга Н.К. Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии» в некоторых отношениях ему не нравилась? [Пыпин 1891: 421].

Александр Потебня высоко оценивал труды Н.К. Костомарова. Положительными сторонами учения последнего, безусловно, были:

- Н.К. Костомаров рассматривал фольклор «как летописи событий, источники для внешней истории», «как изображения народного быта», «как памятники воззрения народа самого на себя и на все окружающее» [Костомаров 1843: 10–11]. Таким образом, исследователи отмечают, что тезисы Н.К. Костомарова намечали определенный диахронический ориентир, вызывали мысли о возможных и закономерных структурных отношениях между фольклором и историческим самосознанием народа.
- В трудах Н.К. Костомарова прослеживалась связь между научным и поэтическим мышлением [Костомаров 1843: 7].

Данные высказывания были близки А.А. Потебне – начинающему исследователю, и стали основой для формирования его научного мировоззрения. Но как настоящему ученому, Потебне требовалась более точная, фактическая и научно-обоснованная база для формирования его подхода к языкознанию и литературоведению как к наукам, которые должны формироваться на строгих и основательных доказательствах.

Заслуживает особового внимания оригинальный перевод А.А. Потебни на украинский язык безсмертной «Одиссеи» Гомера. Идея перевода на украинский язык античной классики возникла у Потебни в послединие годы жизни. Хотя ученый был одним из лучших знатоков украинского языка, он

долго и тщательно готовился к этому труду. Работая над переводом, он проявял исключительно трепетное отношение к летописям, к украинской народной поэзии.

В архиве ученого, в отдельной папке, хранятся сделанные им выписки слов, выражений и фраз, которые могли бы пригодиться ему для передачи названий предметов, действий, характеристик, что встречаются в «Одиссеи». Потебней было сделано более 2500 выписок. Эти выписки, лексического материала с фиксацией соответствующих источников показывают, что ученый внимательно перечитал Геродота, Ипатиеевскую летопись и Летопись Очевидца (Літопис Самовидця)[44], украинские фольклорные записи Матвея Номиса,[45] П.П. Чубинского,[46] А.Л. Метлицкого, Я.Ф. Головацкого[47] и других. Он подверг самому детальному анализу произведения И.П. Котляревского, Г.Ф. Квитки-Основяненко, П.П. Гулака-Артемовского, Е.П. Гребенки, Т.Г. Шевченко, Л.И. Глибова, Марка Вовчка, отбирая из их произведений наиболее

---

[44] «Летопись Очевидца» – одна из самых известных историко-графических памятников и одна из самых достоверных исторических источников XVII века, оригинальная памятка украинского языка и литературы. Как исторический источник, написаный очевидцем, в «Летописи» имеется ценная фактическая информация по истории украинского, белорусского, русского, польского и других народов второй половины XVII века. Многое из этой информации носит уникальных характер. «Летопись Очевидца» была впервые опубликована в 1846 г. А. Бодянским в московских «Чтениях».

[45] Матвей Номис (Матвій Номіс) – был не только фольклористом, знатаком народной жизни, но и писателем, автором ряда прозаических сочинений на украинском и русском языках. Как писатель он не выходил за предела своего пристрастия – этнография и народный язык. В конце концов это была дань времени, которому подчинялся и Номис: увлечение украинским фольклором имело широкие границы и свидетельствовало о желании интеллигенции стать ближе к народу, собрать и сохранить от потери его драгоценное словесное сокровище и показать на лучших примерах красоту и багатство народной души. Самую большую известность писателю принес составленый им сворник «Украинские пословицы, поговорки и другое».

[46] Чубинский П.П. (1839–1884) – украинский и русский этнограф и фольклорист. В 1867 г. изучал экономические ресурсы и этнографию северных губерний России. В 1869–1870 гг. возглавлял экспедицию в юго-западные губернии России, материалы которой – богатейший источник по исторической этнографии Украины, обычному праву, быту, фольклору, говорам украинцев и других народов изданы в «Трудах этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом» (т. 1–7, СПб, 1872–1879). Автор государственного гимна Украины.

[47] Головацкий Я.Ф. (1814–1888) – украинский поэт, фольклорист. С 1848 г. был профессором украинского языка и литературы во Львовском университете, затем ректором. Вместе с писателями М. Шашкевичем и И. Вагилевичем является зачинателем новой украинской литературы в Галиции. Выступил со стихами в альманахе «Русалка Днестровая», который был издан в 1837 г. в Будайской типографии. В 1846 г. в сборнике «Вінок русинам на обжинки» опубликовал 20 сербских песен в переводе на украинский язык. Пропагандировал идею единства украинского народа, боролся за развитие литературы на родном языке. В 50-х гг. Я.Ф. Головацкий стал близок славянофилам. Представляют ценность собранные Я. Головацким «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (1878, кн. 1–4,).

типовые, самобытные поговорки, присказки, идиомы, разнообразные метафоры, эпитеты, являющиеся сокровищами языка украинского народа.

В труде «Александр Афанасьевич Потебня» (1924) философ Т. Райнов провел несколько интересных наблюдений над переводом «Одиссеи» и, по его мнению, перевод А.А. Потебни, не только стоит на одном уровне с классическим переводом на русский язык, сделанный В. Жуковским, но и даже его превосходит.

Ранние работы Александра Афанасьевича Потебни по фольклору и мифологии отличаются от его поздних исследований. В своей двухтомной работе «Объяснения малорусских и сродных народных песен» (1883–1887) он как бы заново переписал многие странницы своих ранних статей. Особенно настойчиво он возвращался к теме фольклора и к тем украинским песням, которые сам собирал в молодости. [см.: Потебня 1988: 598–615].

Фольклорные работы А.А. Потебни условно можно разделить на два цикла, которые соответствуют двум разным этапам его научной деятельности.

Первый этап датируется примерно 1858–1866 годами. На материалах песенной традиции славян, в том числе – и собственных записей, Потебня как ученый-этнограф впервые успешно проявляет себя в работе «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1858, опубликовано в 1860). В это время Потебня также пишет книги «Мысль и язык» (1862), «О мифическом значении некоторых обрядов и поверей» (1863, опубликовано в 1865) и целый ряд статей на эту тему.

В творческом отношении этот период не является цельным, так как иногда создается впечатление, что книгу «О некоторых символах в славянской народной поэзии» писал один человек, «Мысль и язык» – другой, «О мифическом значении некоторых обрядов и поверей» – третий, а цикл статей 1865–1866 годов – четвертый.

Во второй половине 1860-х и на протяжении 1870-х годов Александр Афанасьевич Потебня усердно работает исключительно над языковедческими проблемами и в это время его основной труд это первые два тома «Из записок по русской грамматике» (1873 и 1874 гг.; переизданы в дополненном и доработанном виде в 1888 г.).

Вновь А.А. Потебня возвращается к фольклору в конце 1870-х годов. Он публикует работы «Малорусская народная песня по списку XVI века: Текст и примечания» (1877), «Объяснения малорусских и сродных песен» (т. 1–2, 1883–1887).

Результатом глубокого изучения поэтики фольклора, анализ процессов, рождающих в нем устойчивые и традиционные образные и безóбразные компоненты, позволили А.А. Потебне по-новому переосмыслить известные идеи Ф.И. Буслаева о роле традиции в народной поэзии.

А.А. Потебня также, как и Ф.И. Буслаев, придавал огромное значение поэтической традиции и много раз отмечал зависимость самых новейших поэтических форм от исторически сложившихся образов, бытующих в языке, фольклоре и литературе.

Однако, отдавая должное традиционным формам фольклорной поэтики, Александр Афанасьевич Потебня впоследствии счел нужным внести существенные критические поправки в научное осмысление этого вопроса. Он постепенно пришел к конкретному выводу, что, несмотря на существующие довольно устойчивые и традиционные формы, фольклорная поэтика – явление, которое в своем историческом бытовании динамично и подвергается непрерывной обработке, вливаясь в художественную речь разных эпох.

В своих переводах и комментариях к «Одиссее», к «Слову о полку Игореве», к «Задонщине» А.А. Потебня не только подтвердил мнение тех, кто видел в основе этих произведений фольклорное начало, но и высказал важные соображения о том, что разнородные элементы фольклорной поэтики «ассимилируются» единым планом литературного произведения в художественное целое, приобретают в его контексте качественно новые образотворческие возможности. Согласно А.А. Потебни, любые поэтические образы, возникшие в древние времена на фольклорной основе, при определенных условиях могут органично входить в поэтику самого современного писателя [Потебня 1905:592–593].

Выводы эти немаловажны и для актуальных проблем литературы нашего времени. Ведь говоря о роли фольклора в современной литературе, имеют в виду только фольклор прошлого и забывают, что в современном языке живет

множество фольклорных образов, которые злободневны и выражают мировосприятие человека наших дней. О непрерывном развитии фольклорной образности свидетельствует хотя бы активное развитие в наши дни таких жанров, как песня, частушки, коломыйки, крылатые выражения, поговорки и т.п.

Исследуя историю языка и народную поэзию, Аленсадр Потебня показал, какое множество фольклорных образов продолжает жить в языке даже тогда, когда их происхождение забыто. Цельность и глубина фольклорных поэтических образов всегда служила для писателей образцом меры, источником богатого художественного опыта.

Современники и ученики Александра Афанасьевича Потебни пишут в своих воспоминаниях, что ученый относился с уважением к фольклору самых разных народов, считал, что для каждого народа должны быть созданы все условия культурного развития. В своих филологических исследованиях он постоянно повторял, что язык каждого народа глубоко выражает его национальную самобытность, и в этом причина трудностей перевода художественных произведений на другой язык.

Высказывания А.А. Потебни актуальны и тогда, когда мы встречаемся с произведениями писателей, для которых обращение к фольклорной поэтике – это бегство в идеализированное прошлое. Ведь именно в таких случаях характерно вульгарное стилизаторство «под фольклор». Научная принципиальность критических отношений к таким явлениям может быть подкреплена результатами исследований А.А. Потебни по выяснению происхождения и бытования многих поэтических образов и символов народной поэзии. Его анализ огромного количества фактов русского, украинского, белорусского, литовского, сербского, болгарского, польского фольклора показывает, что в основе каждого фольклорного образа – конкретные особенности жизни народа, его подсознание.

Также, по мнению ученого, естественная простота и художественная целесообразность всегда были присущи лучшим фольклорным образам. Умение понимать и оценивать по достоинству самобытные элементы в творчестве каждого народа помогло Александру Афанасьевичу Потебне

увидеть в фольклоре культурные связи между разными народами. Говоря о развитии филологической науки в XIX веке, А.А. Потебня заметил, что «никогда не выяснялась та чрезвычайная сложность взаимовлияния поэтических произведений разных, часто очень отдаленных народов» [Потебня 1905:534]. При этом А.А. Потебня был очень далек и довольно сдержано относился к идеям компаративизма. В своих трудах по изучению бытования образа в фольклорной поэтике, в баснях, в пословицах на протяжении веков А.А. Потебня открыл много общего у разных народов и показал, что такая общность чаще всего свидетельствует о том, что в жизни разных народов были похожие обстоятельста и тенденции развития. В итоге А.А. Потебня сделал очень важный вывод, что фольклор не только выражает национальную самобытность народа, но может быть той точкой соприкосновения, где народы лучше всего понимают друг друга. Можно сказать, что Александр Афанасьевич Потебня здесь пошел намного дальше других филологов и, в частности, дальше Ф. Миклошича, одним из первых указавшего на родственность поэтики славянских народных песен.

Юношеский интерес А.А. Потебни к истории своего народа впоследствии перерос в потребность изучения и исследования через исторический подход поэтического творчества и языковых явлений. Ученый понимал, что только метод исторического и филологического анализов может обеспечить научное толкование этих явлений. В одной из рукописей А.А. Потебни сохранилась такая запись об этом:

«Текущему столетию принадлежит историческая точка зрения на язык. Язык есть деятельность. Наука о языке в высшем своем проявлении и может быть только историей, частью общей истории человечества. Описание языка как предмета есть только первая грубо-эмпирическая ступень языкознания. Ничто в языке не может быть объяснено иначе как своим происхождением» [Ф. 205, оп. 1, ед. Хр. 164, л. 157 об].

А далее конкретизируя эту мысль пишет, что «явления языка следует изображать с различных точек зрения, но при этом так, чтобы каждый раз точки зрения по возможности точно определялись, и с каждой показывать не более того, что с нее видно» [Потебня 1977: 290].

Со вре́менем историзм становится для ученого основным ключевым методологическим принципом, который позволет рассматривать язык и поэтическое творчество как историческую деятельность, имеющую в себе обоснование, содержание и перспективу.

Именно на основе историзма и широкого филологического осмысления всех данных языка и искусства слова Потебня-ученый стремился понять, как осуществляется сложнейший и неуловимый синтез познания и творчества в процессе освоения человеком мира, выявить исторические закономерности развития человеческого мышления и речи.

По признанию исследователя О.П. Преснякова, в сущности все гипотезы и выводы Потебни-лингвиста теснейшим образом связаны с его фольклористическими и литературоведческими идеями, а последние, в свою очередь, неотделимы от его лингвистических концепций.

Важно понять, что в то время, как для некоторых современников Александра Афанасьевича Потебни такое совмещение лингвистических, психологических, фольклористических и литературоведческих интересов объяснялось экстенсивностью и нерасчлененностью тематики, нечеткостью научных критериев, то для самого А.А. Потебни такая «общефилологическая» установка оказалась принципиальной. Она выражала цельность и сосредоточенность ученого в постижении таких явлений духовной жизни человечества, которые при отсутствии широкого диалектического и синтетического рассмотрения долгое время казались вообще необъяснимыми.

В развитии историзма ученого известную роль сыграла культурно-историческая школа и ее предшественники И. Гердер, И. Тэн, А.Н. Пыпин, Н.С. Тихонравов и другие. Принципы исторической детерминированности культуры и поэтического творчества, в частности, были для А.А. Потебни весьма существенны, поскольку они давали ключ к системе и последовательности анализа развития человеческого мышления.

Сравнительно-исторический подход применялся А.А. Потебней, как в работах по языкознанию (особенно это ярко прослеживается в трудах по исторической грамматике), так и по сравнительному литературоведению.

Рассмотрим некоторые исследования ученого по исторической фонетике,

так как в то время историческая фонетика стала отправной точкой для развития многих лингвистичеких идей и методик, то уже в первой части работы «К истории звуков русского языка» (1888) А.А. Потебня установил три основных требования к описанию языкового материала.

Ученый считал, что падение редуцированных связано не с графическим исчезновением *ъ, ь* или заменой их, а с качественным изменением звуков, что проявилось, например, в известных следствиях падения *ъ, ь* в украинских словах: *конь* > *куонь* > *кінь*, но *дьнь* > > *ден'* и т.д. Таков реальный взгляд на фонетическое изменение, который строго различает, его графические, орфографические и собственно фонетические аспекты. Конечно, сто лет назад эта мысль Александра Афанасьевича Потебни была не просто новой – она казалась совершенно непонятной. Тем не менее некоторые исследователи еще и сегодня иногда пытаются строить заключения о фонетических изменениях только на основе рукописных данных; другие, наоборот, отрицают за ними всякое значение и осуждают любую попытку разобраться в сложностях этого весьма благодарного для историка источника. Обе крайности одинаково вредны для науки, именно об этом и говорил А.А. Потебня. Приводя слова М. А. Колосова, который говорил о том, что он не видел особой пользы в сопоставлении фактов современного и древнего русского языка, на что Александр Потебня заметил:

> «Нам кажется, что польза этого сопоставления ничем не заменима, и что памятники прошедшего, сами по себе, без сравнения с настоящим, никогда не бывают достаточно ясны» [Потебня 1888, ч. 1: 6].

Таким образом, в отличие от крайних позиций А.А. Шахматова и А.И. Соболевского (в основе такого исследования должны лежать факты исторического памятника) точка зрения Потебни отличается не аналитическим, а синтетическим отношением к источникам: это ориентация не на их разделение и автономное исследование, а на совместное их изучение, причем памятники без сравнения, а современные говоры без истории рассматриваются как одинаково ненадежные в источниковедческом отношении. Так уже в этом особом отношении к источнику в сознании исследователя совмещаются

сравнительный и исторический подходы к проблеме.

Даже мертвые языки (например, старославянский) нуждаются в такого рода исследовании: и старославянский, «подобно всякому другому, изменялся, стало быть, согласно с действительностью мог быть изображен только исторически, а не описательно» [Потебня 1888, ч. 1: 14].

Второе обязательное условие изучения языковых фактов исходит из того, что поскольку каждое явление языка — процесс длительный, адекватное представление о нем может дать только историческое исследование, Потебня иллюстрирует это на примере тех же редуцированных гласных, давая хорошо теперь известную и общепризнанную последовательность изменения: *сънъ* > *сонъ* > *сон* – и утверждая, что двусложность слова сохранялась еще и в момент прояснения редуцированных (перехода их в гласные полного образования), потому что изменение *ъ*, *ь* происходило не изолированно от других гласных и вне контекста, а в зависимости от окружающих согласных – «в одно и то же время конечные глухие звуки могли быть разной силы, смотря по тому, какова предшествующая согласная» [Потебня 1888, ч. 1: 5].

Сравнение исторических фактов с фактами польского языка показало А.А. Потебне, что после «глухих» согласных «глухие» (редуцированные) гласные сохранялись дольше, чем после звонких. Сочетания редуцированных с плавными типа *tъrt* = *търгъ* (относительно их А.А. Потебня также высказался правильнее, чем его современники) рассматриваются им в широких границах всех славянских наречий, поскольку речь идет о достаточно древних преобразованиях праславянской фонетической системы, и следствия их сохранились во всех славянских языках. Все возможности сравнения как исследовательского процесса сходятся для ученого в одном результате: фонетический слог есть та арена действия фонетической гласности, без которой ни один фонетический сдвиг древнеславянского языка решен быть не может. Этой, на первый взгляд, чисто внешней установкой на фонетичность как исходную базу научного наблюдения определяются многие наблюдения А.А. Потебни над праславянской фонетикой, которые впоследствии были обоснованы другими учеными.

Без этих положений Александр Афанасьевич Потебня, например, не мог

бы открыть явление «второй палатализации» заднеязычных или высказаться о «йотации» вообще.

Отсюда же вытекает и третье важнейшее требование сравнительно-исторического изучения языковых фактов, о которых А.А. Потебня говорил, что необходимо искать причины звуковых изменений в фонетическом окружении. И снова перед нами научная позиция, по характеру своему синтетическая, а не дробно-аналитическая, которую интересовали бы только частности и исключения.

Таков же подход ученого и к остальным аспектам исторической фонетики, например к истории носовых гласных в древнеславянском языке, что доказывает не случайность, а именно принципиальность позиции ученого в этом вопросе. Он добавляет, что «нельзя пренебрегать и тем, что доныне сделано, ибо благодаря всегдашней непоследовательности человеческой мысли, даже ошибочность общего решения вопроса не устраняет совершенно верных взглядов на входящие в него частности» [Потебня 1888, ч. 2: 119].

С этим положением о необходимости учитывать научные достижения предшественников еще и в настоящее время, по-видимому, не согласятся многие лингвисты, избегающие цитировать представителей других научных школ или указывать на первоисточник той или иной идеи. Между тем общеметодологическое (и даже этическое) значение этого требования исключительно велико. Оно позволяет строго различать объект исследования и предмет описания.

В примере с открытием носовых гласных яснее выступит отличие позиции А.А. Потебни от точки зрения его предшественника А.Х. Востокова. А.А. Потебня-исследователь проводит широкое сравнение всех славянских языков не только польского с русским и с церковнославянским, как у А.Х. Востокова, но притом в историческом их изменении. Сюда он включает – в соответствии с первым требованием анализа источников – и графические изображения в старых рукописях, но обязательно в сопоставлении с реальным звучанием сохранившихся рефлексов носовых гласных в современных славянских говорах. Ученый пользуется и произношением заимствованных слов — прием, вошедший в обыкновение только в XX веке.

Конкретными исследованиями в области исторической фонетики Потебня демонстрировал возможности многофункционального подхода к реконструкции праязыка. Не одна лишь морфема, как основная единица языка, столь счастливо найденная сравнительным методом, но и само слово становится основным объектом исследования в историческом языкознании. Грамматическое слово в известном контексте – это и стало содержанием работ Александра Потебни-ученого.

Таким же синкретическим подходом к материалу объясняется и неоднократно непринятая позиция А.А. Потебни относительно частей речи и членов предложения: части речи нельзя классифицировать строго научно без одновременного рассмотрения членов предложения.

Это все тот же комплексный и динамический подход к объекту исследования, совершенно неизбежный в тот момент, когда многие составляющие языковой системы не было еще выявлено, даже было неясно, насколько тесно связаны психологические или логические основы речевого поведения с языковой системой. Все эти хрупкие и тонкие связи необходимо было обнаружить, точно отделить друг от друга, чтобы со временем во всеоружии новой научной теории приступить к описанию отделенной и максимально отвлеченной от психологической или логической системы языка.

Комплексность такого подхода заключается не только в одновременном подходе к объекту с разных точек зрения, но и в его целостности, не придаваясь к рассечению на аналитические фрагменты достаточно мелкого масштаба. Ученый как бы снимая шар за шаром наслоения писал:

«мы должны направлять наши исследования от современного к прошедшему, иначе от настоящего более известного к прошедшему неизвестному: таковы условия нашей мысли» [Потебня 1981: 158].

Такая позиция вполне понятна. Не последовательное описание истории языка от прасостояния до современного состояния (что только в наши дни по силам лингвисту), а именно строго документированное продвижение в глубину: с точкой отсчета в современности. Начало исследовательского процесса всегда таково: от известного к неизвестному. По этой же причине во

времена А.А. Потебни мы ничего не могли бы узнать о прогнозирующем языкознании и о тех предложениях относительно возможных в будущем преобразованиях системы, которые определяются всей суммой прошедших (и уже изученных) изменений этой системы в прошлом. Для этого ретроспекция должна была сначала преобразоваться в историческую перспективу, на вершине которой стало бы возможным прогнозирующее исследование, а это произошло лишь после решающих открытий XX века. Пока же А.А. Потебня предупреждает, что

«всякий анализ необходимо должен идти постепенно, т.е. (...) было бы величайшею ошибкою, недостатком правильного метода, от слова, данного в нашем нынешнем языке, сделать прыжок прямо в то доисторическое время, неизвестно на сколько столетий от нас отстоящее » [Потебня 1981: 159];

«всякое языкознание, будет ли оно называться историческим или не будет, необходимо должно быть историческим. Всякое объяснение, которое мы можем представить для объяснения данного явления в языке, непременно сводится на то, что прежде было иначе; наука имеет целый ряд ступеней, по которым данное явление прошло до настоящего времени»[[Потебня 1981: 156];

«правильный метод есть метод исторический» [Потебня 1981: 159].

Системность авторской позиции проявляется в том, что Александр Потебня строго разграничивает реальную ситуацию жизни («явление») и языковые средства ее выражения и передачи: предмет, качество, действия, отношения и связи даны в реальной жизни взаимосвязаны и неразрывны одна от другой, но языковое сознание представляет их аналитически, как составляющие цельной мысли. Это положение проходит через многие работы ученого и является своеобразной доминантой его научного метода. Ключевым для метода ученого является принцип, сформулированный им афористически, впрочем как формулировались все кардинальные положения его теории:

«Анализ образа или понятия происходит посредством синтеза» [Потебня т. 3: 64].

Сегодня, когда исследовательская процедура обогатилась многими

частными методиками и общий взгляд на объект, который все определеннее становится приближенным к модели синтеза, не очень трудно уловить тенденции подобного исследования в трудах выдающихся лингвистов прошлого. Однако, в отношении ученого такое сомнение было бы несправедливым. Нужно подчеркнуть, что и самый подход к объекту исследования у А.А. Потебни намеренно синтетический. Подвергая анализу любое частное явление языка, он рассматривает его как форму или функцию языковой системы в целом: фонетист увидит эту особенность исследования Потебни в его очерках по исторической фонетике, синтаксист — в исследованиях по грамматике, морфолог и лексиколог — во многих этюдах и статьях по этимологии и морфологии.

Оценивая научное творчество Александра Афанасьевича Потебни с позиции нашего времени, следует принять во внимание и собственно методологические его установки, и конкретные открытия, сделанные им в области теории языка, впоследствии в своей совокупности составившие предмет современного языкознания.

В первом случае, когда речь идет об общеметодологических установках, больше всего противоречивых суждений имеется о результатах деятельности Александра Потебни.

С одной стороны, его упрекают за «субъективно-идеалистическое отношение к слову как к индивидуально-неповторимому акту духовного творчества», полагая, что это «закрыло перед Потебней социальную общность лексемы как средства речевой коммуникации, отражающего действительность и – вместе с тем – отношение к ней целого человеческого коллектива» [Виноградов 1938, вып. 1: 11].

Психологические основы лингвистической теории А.А. Потебни-ученого, во многом определяемые теоретическим уровнем науки того времени, в глазах авторитетного историка науки заслоняют заслуги Александра Потебни в разработке научных основ языкознания. Ведь самого исследователя интересовала индивидуальная психология личности только как возможность объективно доступного для наблюдений лексических (а шире и грамматических) изменений. На самом деле его всегда привлекало в языке

именно коллективное языковое сознание, речевое мышление или, как ее называют современные исследователи, контенсивная грамматика языка.

Исходной точкой исследования для всех современных-ученых, работающих в данной области лингвистического знания, являются труды А.А. Потебни. Если же вдуматься в суть индивидуальной и коллективной психологии и осознать отношение Алексадра Афанасьевича Потебни к ней, окажется, что ученого в конечном счете интересует тот самый народный язык.

Вместе с тем содержательная сторона языка, интерес к ней, глубокое изучение так называемых понятийных категорий языка (А.А. Потебня называл их «кардинальными понятиями» речи [см.: Потебня т. 1: 3]) отчасти сближали теоретическую позицию А.А. Потебни с установками логической грамматики. Тем не менее основного представителя этой школы в России Ф.И. Буслаева Алексанрд Афанасьевич Потебня не раз осуждал за крайности и преувеличения, допущенные в исследовании конкретного материала.

Р А З Д Е Л 3
ТЕОРИЯ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

В основу одного из центральных положений теории Александра Потебни была положена идея В. Гумбольта о языке как деятельности. В своей главной теоретической работе – введению к трехтомному труду «О языке кави на острове Ява» (опубликованом посмертно, в 1836–1840 гг.) В. Гумбольт определил:

«Язык есть не продукт деятельности (erfon), а деятельности (energia) <...> Деятельность мышления и языка представляют поэтому неразрывное единство. В силу необходимости мышление всегда связано со звуком языка, иначе оно не достигает ясности» [Гумбольдт 1956: 73–78].

Эту идею Александр Афанасьевич Потебня развивал и продолжил во всех своих сочинениях. Подробные обоснования мы уже можем читать в его труде «Мысль и язык»; неоднократно возвращается А.А. Потебня к ней и в последнем, так и не завершенном труде «Из записок по теории словесности», в которой он писал, что мир наших понятий мы извлекаем из нашего сознания как со дна колодца и, что средством для такого извлечения нам служит слово, но это слово не просто оформляет наши мысли и его нельзя считать выражением уже готовой идеи и «оно вынуждается работою мысли – служить необходимым для самого мыслящего средством создания мысли из новых восприятий и при помощи прежде воспринятого» [Потебня 1905: 31].

Каждое сказанное нами слово намечает русло для течения любой новой мысли. Если бы язык только фиксировал уже созданную мысль, то для нее было бы безразлично, на каком языке эта мысль выражена. Разные языки, сравнивает А.А. Потебня, были бы значимы не более разных шрифтов, которыми напечатана одна и та же книга. Но на самом деле все происходит иначе и вот что об этом говорил ученый:

«Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому,

изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение её влияние лишь посредственно. Это усилие может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы» [Потебня 1905:167–168].

В идеях о решающем влиянии языка на человеческое сознание и поведение, Потебня превзошел многие положения известной гипотезы Сепира–Уорфа.[48] Его мысли в этой области надолго определили направление исследований в той сфере проблем психологии творчества, которую ученик Александра Афанасьевича Потебни А.Г. Горнфельд обозначал как муки слова. А.А. Потебня утверждал мысль, что любые явления духовной и нравственной жизни достигают определенности и упрочиваются лишь при помощи языка. Созданию всякого словесного художественного произведения предшествует аналитическая работа мысли, осуществляемая посредством слова.

Свою теорию слова, как и основанную на ней теорию искусства, А.А. Потебня строил в сугубо историческом плане, его ищущая мысль постоянно обращалась к древнейшим периодам развития человеческой речи – в том числе и к тем, которые не зафиксированы никакими дошедшими до нас памятниками.

Согласно теории А.А. Потебни, первый этап возникновения слова – элементарное отражение чувств человека в звуке. Так появляются междометия – непосредственное обнаружение этих чувств, как бы моментальный отклик на то или иное состояние души. Оно не осознано, не заметно сознанию субъекта; обращенною на него мыслью междометие уничтожается, перестает быть самим собою. Рефлексия чувств в звуках, по Потебне, единственный источник звукового материала языка. Часть междометий так и осталась в своем прежнем качестве; другая же часть, в результате направленной на них мысли, превращается в слова.

Александр Афанасьевич Потебня устанавливает две группы условий, способствовавших созданию языка. Первая: имманентно-психологические

[48] Сепир (Sapir) Эдуард (1884–1939) – американскии языковед и этнолог. Его труды написаны по проблемам общего языкознания, языкам американских индейцев. Дал типологическую классификацию языков. Оказал влияние на развитие современного американского структурализма. Выдвинул гипотезу о воздействие языка на формирование системы представлений человека о мире (гипотеза Сепира–Уорфа легла также в основу этнолингвистики).

условия каждого индивидуального сознания, в котором постепенно уменьшается необходимость непосредственного отражения чувства в звуке и одновременно возникает другого рода связь звука и представления.

«Звук, издаваемый человеком, воспринимается им самим, и образ звука, следуя постоянно за образом предмета, ассоциируется с ним. При новом восприятии предмета или при воспоминании прежнего повторится и образ звука, и уже вслед за этим (а не непосредственно, как при чисто рефлексивных движениях) появится самый звук» [Потебня 1926: 74].

Но процесс возникновения слова для А.А. Потебни не исчерпывается индивидуально-психологическими причинами. Вторая группа условий, в которых протекает этот процесс, связана с социально-психологическими причинами. Слово – социальный продукт, оно «только в устах других может стать понятным для говорящих» [Потебня 1926: 75]. Ассоциация восприятия предмета и звука, происходящая внутри одного сознания, еще не дает понимания, так как вообще может не замечаться человеком. Ведь «язык создается только совокупными усилиями многих < > общество предшествует началу языка» писал А.А. Потебня [Потебня 1926: 75].

Однако процесс понимания в субъективно-психологической трактовке ученого – сугубо индивидуальный акт. Этот процесс А.А. Потебня сравнивает с возгоранием одной свечи от другой:

«Пламя свечи, от которой зажигаются другие свечи, не дробится; в каждой свечи воспламеняются свои газы. Так при понимании мысль говорящего не передается слушающему; но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего» [Потебня 1926: 101–102].

Как и для В. Гумбольдта, для А.А. Потебни не существует полисемии. Он говорил, что слово, которое мы употребляем является только в одном значении и слово как акт мысли имеется только одно значение. Самое незначительное изменение в значении слова делает его другим словом. А дальше он пишет:

«на деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» [Потебня 1958: 15–16].

Поэтому не существует истории значений слова, опирающихся на понимание языка как структуры. Речь может идти только о возникновении нового слова, а не развитии каких-либо семантических оттенков одного и того же слова.

Аналогично у А.А. Потебни и понимание грамматической формы. Как при неизменности звукового облика новое вещественное значение образует всякий раз новое слово, так и при образовании грамматической формы «звуки, служившие для обозначения первой формы, могут не изменяться и при образовании последующих» [Потебня 1958: 39], но это будет не омоморфия. Потебня полемизирует здесь с «обычными взглядами», представителем которых он выбирает академик И.В. Ягича, который говорит, что, одна и та же форма в разных отношениях получает различные значения; но еще никому не приходило в голову сказать, что это не одна форма, а две, три и более, но для Потебни дело обстоит именно так, что это каждый раз новая форма.

Таким образом, признавая роль социально-коммуникативных факторов в развитии языка, А.А. Потебня не ставит их в центр внимания. Его прежде всего занимает слово «как творческий акт речи и познания, а не как коммуникативная единица» [Виноградов 1938: 10].

В концепции А.А. Потебни структура слова состоит из трех элементов:

«единства членораздельных звуков, то есть *внешнего знака* значения; представления, т.е. *внутреннего знака* значения и самого *значения*. Другими словами, в это время в двояком отношении есть (имеется налицо) *знак значения*: как звук и как представление» [Потебня 1958: 19].

Важнейшей категорией в этой трехэлементной структуре оказывается внутренняя форма, или представление.[49]

[49] Эти термины употребляются у Потебни как синонимы: «Внутренняя форма по отношению к тому, что посредством нее мыслится < > есть *представление* в тесном смысле этого слова» («Мысль и язык», 1926: 113). «Внутренняя форма кроме фактического единства образа дает еще значение этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, т.е.

Понятие внутренней формы слова и ее модификации стоит в центре теории Александра Афанасьевича Потебни.

Внутренняя форма – это главный инструмент появления новых слов; она – источник образности языка; с ней связана проблема прозы; внутренняя форма, это – основа художественного целого литературного произведения. Она возникает уже на первых стадиях проявления языка – вместе с пониманием. Слово любого языка выражает не все содержания мысли, а только один из ее признаков. А.А. Потебня иллюстрирует это положение на примере свола «стол». «Образ стола» может заключать в себе множество признаков, «но слово «стол» значит только простланное (корень «стл», тот же, что в глаголе «стлать») и поэтому оно может одинаково обозначать всякие столы, независило от их формы, величины, материала» [Потебня 1926: 77].

Этот один признак («простланное»), первородное этимологическое значение, и есть внутренняя форма слова.

Внутренняя форма в современном языке осуществляет преемственность сегодняшнего значения с предыдущим, она указывает на прежнее значение.

С категорией внутренней формы в теории Александра Потебни связывается проблема поэтичности. Ее основа – сам язык. Но поэтично (т.е. производит эстетическое впечатление) не всякое слово, а только такое, которое сохраняет свою внутреннюю форму. Если некто воспринимает в слове звуковой комплекс и определенное содержание (значение), но для его сознания потеряна связь между звуком и значением, то «эстетическое понимание этого слова ему не дано» [Потебня 1926: 136]. И «для восстановления в сознании красоты слова < > нужно знание, что известное нам его содержание условлено другим» [Потебня 1926: 136]. Слово, потерявшее свою внутреннюю форму, безóбразно. Слово, ее имеющее, – образно. Поэтичность же слова целиком определяется его образностью, поэзия и есть образ, а формула, представляющая концепцию Потебни, что образность слова равна его

представление» (там же, 116). Следовательно, значение термина «представление» (Vorstellung Гумбольдта) у Потебни, понимается как признак, который замещает собою другие, «представляет» их, отличается от общепринятого, что неоднократно подчеркивал сам Потебня (см., например, его работу «Из записок по русской грамматике», т. I–II: 18). По Булаховскому, «представление» у Потебни «вводит в настоящее значение слова» (Л.А. Булаховский. «Александр Афанасьевич Потебня» Изд. Киевского университета, 1952: 26).

поэтичности – многие годы была основной в научной полемике вокруг вопросов поэтики.

Если забыто наглядное значение слова, то слово непоэтично. Поэтому народная поэзия как говорил Потебня «восстановляет чувственную, возбуждающую деятельность фантазии сторону слов посредством так называемых эпических выражений, т.е. таких постоянных сочетаний слов, в которых одно слово указывает на внутреннюю форму другого» [Потебня 1926: 157].

Но А.А. Потебня вступал в противоречие с самим собой, считая для новых поэтов нехарактерным восстановление внутренней формы, но все развитие русской поэзии XIX и особенно XX веков с ее сложной речевой игрой показало, что восстановление и обновление внутренней формы слова – одно из коренных и всеобщих свойств поэтического мышления всех эпох. С идеей изначальной поэтичности слова Потебня связывает и происхождение поэзии. Членораздельный язык в историческом развитии человечества появился раньше пения, требующего умения справиться со своим голосом, и прежде способности к ваянию и зодчеству, предполагающему известный уровень материальной культуры.[50] Кроме того, зодчество, ваяние и живопись предполагают личное творчество, язык же, будучи продуктом коллективного творчества, несомненно, возник раньше. А так как слово по сути своей поэтично, ведь «первое слово уже есть поэзия» [Потебня 1905: 150], то поэзия, таким образом, предшествует всем прочим искусствам.

Внутренняя форма, по теории Алксандра Афанасьевича Потебни, наиболее подвижный элемент из трех, составляющих структуру слова.

«Звук и значение навсегда остаются неприменными условиями существования слова, представление же (т.е. внутренняя форма) теряется» [Потебня 1905: 19].

Потеря внутренней формы – явление невостановимое, так каконо связано

[50] Высказывания А.А. Потебни о первичности словесного воплощения мифа: «миф есть первоначально словесное произведение, т.е. по времени всегда предшествует живописному или пластическому изображению мифического образа» («Из записок по теории словесности» 1905: 587). Но само слово предшествует мифу: оно «существует на ступени развития низшей, чем та, на которую указывают доходящие до нас мифы» («Из записок по теории словесности» 1905: 401); и миф – в полной мере продукт языка: «Язык есть главное и первообразное орудие поэтического мышления» («Из записок по теории словесности» 1905: 589).

с образованием понятий из чувственных образов и этот процесс в языке постоянен.

В качестве одной из иллюстраций возникновения обобщающих языковых категорий А.А. Потебня рассматривает словосочетание «зелена трава», где ученый говорит, что первоначально слово «зеленый» обозначало светлый цвет вообще и было связано с каким-то определенным чувственным óбразом светлого предмета. Но когда оно соединилось со словом «трава», то тогда осозналось и отношение двух чувственных óбразов, до этого момента существовавших отдельно [Потебня 1926: 119–120].

Исчезновение внутренней формы А.А. Потебня, следовательно, самым прямым образом связывает с возникновением понятийности, т.е. абстрагирующими процессами, который возникает в языке и когда слово стремится стать только знаком мысли.

«Если с образованим понятия теряется внутренняя форма, как в большей части наших слов, принимаемых за коренные, то слово становится чистым указанием на мысль, между его звуком и содержанием не остается для сознания говорящего ничего среднего» [Потебня 1926: 126].

Этот процесс приводит к возникновению прозы.

Поэтичность в понимании Александра Потебни и его школы – категория полностью языковая. Проза – также явление самого языка. Отсюда и «требование, выставляемое лингвистической теорией, – изучать поэзию и прозу параллельно, в их взаимных соотношениях, как в языке, так и в высшем мышлении. Проза, подобно поэзии, рассматривается как «факт языка» [Овсянико-Куликовский 1907: 231]. Если певоначальная образность языка, связанная с живостью в слове внутренней формы, есть его поэтичность, то забвение внутренней формы рождает прозу.

«По мере того, как мысль посредством слова идеализируется и освобождается от подавляющего и раздробляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий, слово лишается исподволь своей образности. Тем самым полагается начало прозе, сущность коей – в известной сложности и отвлеченности мысли»

[Потебня 1926: 168].

Прозаическое слово – это такое слово, в котором есть только знак значения и отсутствует конкретный образ, пробуждающий значение. Поскольку символичность (поэтичность) языка А.А. Потебня считает его исконным свойством, то поэзия, таким образом, есть явление гораздо более раннее, чем проза. Появление и развитие прозы – это путь от первичной метафоричности к позднейшей отвлеченности и «количество прозаических стихий в языке постоянно увеличивается» [Потебня 1926: 168].

Проза и поэзия, по теории Александра Афанасьевича Потебни, взаимообусловленны; они возникают, развиваются, существуют только в такой соотношении. Плодотворность этой идеи не раз была подтверждена в литературоведении.

Считая, что поэтичность языка зависит от степени живости внутренней формы, которая в старых словах забывается все больше, А.А. Потебня, однако, категорически отрицал мнения о «порче» языка «которой, по нашему мнению, никогда не было» [Потебня 1905: 590], о том, что его поэтичность сокращается ученый писал:

«Образность языка в общем не уменьшается. Она исчезает только в отдельных словах и частях слов, но не в языке; ибо новые слова создаются постоянно, и тем больше, чем деятельнее мысль в языке, а непременное условие таких слов есть живость представления. Чем сильнее развивается язык, тем более в нем количество слов этимологически прозрачных. Поэтому нельзя утверждать, что степень звуковой первообразности языков соответствует их поэтичности» [Потебня 1905: 103].

Кроме того, в новейшей поэзии неиссякаемым источником вновь творимой óбразности служат сложные сочетания слов, ведь «элементарная поэтичность языка, т.е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний, как бы ни была она заметна, ничтожна сравнительно с способностью языков создавать образы из сочетания слов, все равно, образных или безóбразных» [Потебня 1905: 104].

Поэтому ученый решительно выступал против «мифа о поэтическом

прошедшем, например о поэтичности средних веков» [Потебня 1905: 105], против утверждении о падении поэзии в новое время и прогрессировании этого падения во время новейшее, расценивая их как сугубо неисторические. На вопрос «не будет ли когда-либо поэзия вовсе вытеснена прозою» [Потебня 1905: 102–103], А.А. Потебня отвечает отрицательно, что «гибель поэзии невозможна» [Потебня 1926: 169]. Ведь все дело только в том, заключает А.А. Потебня, что «характер поэзии должен меняться от свойств стихии языка, т.е. от направления образующей их мысли и количества предполагаемых ими степеней» [Потебня 1905: 125–126].

В литературной науке не раз отмечалось, что эти постоянные качественные изменения в самих типах словесно-поэтического творчества, поэтических форм часто не в состоянии понять современная поэту критика, воспитанная на определенных видах поэзии и пытающаяся отыскать их в постоянно движущейся и развивающейся литературы.

Глубокая мысль Александра Афанасьевича Потебни о связи поэтических форм с развитием самого языка необычайно перспективна для истории литературы. Совершенно очевидно, что характер русской поэзии, скажем, 1820-х и 1920-х годов зависит в значительной мере от тех процессов, которые происходили в русском литературном языке каждой из этих эпох. В будущей исторической поэтике русской литературы мысль А.А. Потебни об изменении характера поэзии с изменением «первоэлемента литературы» – языка, несомненно, займет надлежащее место. Александр Потебня об этом писал:

«История литературы должна все более и более сближаться с историею языка, без которой она так же ненаучна, как физиология без химии» [Потебня 1926: 169].

Наибольшей определенности и выраженности прозаический тип мышления достигается в науке.

А.А. Потебня ставит в этой связи существеннейший для искусствознания вопрос – о соотношении научного и художественно-поэтического мышления.

Центральные категории науки – факт и закономерность в корне отличны от сходных категорий искусства – образа и значения. Факт науки предполагает критическое осмысление и проверку. Искусство в такой проверке не нуждается. Оно не устанавливает тождества какой-либо метафоры с

действительностью. Единственная истина здесь – точность и меткость слова.

В науке факт должен совпадать с определенной закономерностью; если этого совпадения нет, встает вопрос об истинности закономерности. В искусстве между образом и значением всегда существует неравенство: А (образ) <Х (значение). Х по отношению к А всегда нечто иное, с ним не совпадающее. Установление тождества превратило бы образ в научный факт, а значение – в закон.

В науке отношение частного случая к закономерности доказывается аналитическим путем, и чем полнее анализ, тем более доказательно утверждение. В искусстве же «связь образа и значения не доказывается. Образ возбуждает значение не разлагаясь, а непосредственно. Если бы попытаться превратить изгибы поверхностей, образующих статую, в ряд математических формул, то, не говоря уж о том, что при этом многое осталось бы не-анализированным, совокупность этих формул, воспринимаемых последовательно, не дала бы впечатления статуи» [Потебня 1905: 101].

Поэзию и науку А.А. Потебня рассматривал как равноценные методы познания, так как и поэзия и проза равноправные способы мышления и ни в коем случае нельзя сказать, какой из них главнее.

В теории А.А. Потебни и наука и искусство являются самостоятельными формами познания, но формами существенно различными.

Несомненно, огромной заслугой Александра Афанасьевича Потебни явилось противопоставление прозы и поэзии. И уже не столь важно, в какой степени приемлемы сейчас те объяснения, на основании которых это разделение было произведено, ведь важен сам факт научного выдвижения этой проблемы. После А.А. Потебни стало анахронизмом видеть отличие поэзии от прозы в бóльшем количестве сравнений и риторических украшений или только в ее ритмическом строении. Стало очевидным, что речь идет о разных типах отношения к слову. И несомненно, что противопоставление поэтического и практического языка, исходит именно от А.А. Потебни, – хотя полемика с ним и занимала существенное место в первых работах формалистов.

Одним из важнейших положений Александра Потебни – аналогия между словом и художественным произведением и именно на этой аналогии строится

его теория поэтического произведения и художественного творчества в целом.

Трем элементам, выделяемым А.А. Потебней в слове, соответствуют три элемента поэтического произведения.

Внешней форме слова соответствует внешняя форма поэтического произведения, его словесная воплощенность. Именно это прежде всего отличает литературу от прочих искусств – оно объективно закреплена при помощи слов.

Второму элементу слова, его внутренней форме, в произведении соответствует óбраз или ряд óбразов, которые, как и в отдельном слове, не есть содержание, но знак, или символ, лишь указывающий на содержание.

Содержание, представляемое образом, есть третий элемент произведения; его аналог в слове – лексическое значение. Содержание – это совокупность мыслей, вызванных в читателе образами романа.

Отдельное слово, с другой стороны, «во всех отношениях можно рассматривать как поэтическое произведение» [Потебня 1905: 113]. «В слове мы находим те же самые элементы, которые встречаются в более сложных словесных произведениях» [Потебня 1905: 113]. Эта аналогия позволяет не только делать выводы о свойствах произведения: она лишний раз подчеркивает и утверждает фундаментальное положение поэтики А.А. Потебни – о поэтичности слова как субстанциональном его свойстве.

«Находя, что художественное произведение есть синтез трех моментов (внешней формы, внутренней формы и содержания) < >, т.е. видя в нем те же признаки, что и в слове, и наоборот, открывая в слове идеальность и цельность, свойственные искусству, мы заключаем, что и слово есть искусство, именно поэзия» [Потебня 1926: 149].

Аналогия эта проводится очень последовательно, оговорки по поводу возможных различий А.А. Потебня снимает сам.[51]

Эти же составные части Александр Афанасьевич Потебня находит и в явлениях других искусств.

[51] «Разницу между внешней формой слова (звуком) и поэтического произведения та, что в последнем, как проявлении более сложной душевной деятельности, внешняя форма, слова, проникнут мыслью; Гумболдт может понять его только как «работу духа» (Потебня 1926: 139].

«Те же стихии и в произведении искусства, и нетрудно будет найти их, если будем рассуждать таким образом: «это – мраморная статуя (внешняя форма), женщина с мечом и весами (внутренняя форма), представляющая правосудие (содержание)». Окажется, что в произведении искусства образ относится к содержанию, как в слове представление к чувственному образу или понятию» [Потебня 1926: 135].

Внешняя форма скульптуры, следовательно, – определенным образом обработанный, получивший определеннуь форму мрамор, внутренняя форма – образ женщины с соответствующими атрибутами, содержание – идея правосудия.

Как слово не выражает уже готовую мысль, а ее формирует, так и художественное произведение, говорит А.А. Потебня, – не отражение какой-то готовой, завершенной в сознании художника идеи, а является только средство построения этой идеи, этого содержания. Содержание, которое художник имеет в душе до создания произведения, не тождественно тому, какое заключает в себе уже готовое произведение. Идея готового произведения может значительно отличаться от той, которая была у художника в его первоначальном замысле. И не только потому, что представлялась неясно. Она могла видеться ему достаточно отределенно, но в процессе создания она стала другой идеей, возникшей во время самого акта, процесса художественной деятельности. Если бы творчество заключалось лишь в том, чтобы выразить уже сложившееся в сознании художника содержание, то оно было бы ненужным.

Отсюда выходит, что «поэт создает прежде для себя, потом для публики» [Потебня 1905: 34], когда он творит, продолжая фразу Потебни словами его ученика он «меньше всего думает о передаче своих мыслей другим: он поглощен внутренним процессом создания этой мысли» [Овсянико-Куликовский1923: 19]. Осмысление в процессе творчества мысли самому себе – важнее всего остального. Этот процесс аналогичен любой речевой деятельности и А.А. Потебни говорит, что

«слово прежде всего имеет значение *для себя* (для говорящего, думающего), а потом *для других* (слушающих, понимающих). Оно есть средство преобразовывать

мысль, объективировать, делать ее предметом наблюдения, изучения, и в этом смысле оно является средством создавать мысль новую. То, что обыкновенно называют борьбой с выражением, с этой точки зрения есть не борьба, а стремление к этому преобразованию, более ясному для себя выражению» [Харциев 1907, т. 1: 172].

В архиве А.А. Потебни сохранилось множество выписок и высказываний самих поэтов, которые делал ученый, свидетельствущъих о том, что «поэт создает для себя» – это стихи, отрывки из писем и разговоров Гёте, Лермонтова, Пушкина, Тургенева, Гоголя.

Процесс творчества, как и речевая деятельность, проэктируется А.А. Потебней на внутренний мир художника в целом и тесно связывается с ним, а сам характер феноменов искусства выводится предже всего из психологии их творца.

Но притом у Александра Потебни творчество «для себя» и творчество «для других» – не взаимоисключающие моменты, это видно даже по тем, не вполне обработанным комментариям к его выпискам, которые опубликованы среди материалов по этой теме. А.А. Потебня в них писал, что «противоречие между «для себя» (для внутренних целей, для удовлетворения потребностей самого автора) и «для других» (для внешних целей, каковы деньги, слава, гражданское служение), как и противоречие между процессом создания <...> и созданным <...> и отношением автора к тому и другому, непримиримы, лишь пока рассматриваются как одновременные моменты. В действительности они разновременны» [Потебня 1905: 55].

В соответствии с основным тезисом, что значение содержания самого акта творчества, качество достигнутого художественного результата А.А. Потебня ставит в прямую зависимость от степени «настойчивости» и «тревожности» возникающей мысли:

«Чем настойчивее вопрос, чем тревожнее потуги рождающей мысли, чем желаннее успокоение чувства, прояснение мысли, чем необходимее все это для поэта – тем, при равенстве прочего, совершеннее и милее для других его произведение» [Потебня 1905: 32].

Но прежде всего феномен художественности произведения, как и отдельного слова, зависит от внутренней формы или образа.

Произведение, утерявшее внутреннюю форму, теряет и свое эстетическое качество, а осознание этой внутренней формы его возвращает. Для того чтобы почувствовать поэтичность такого сравнения Александр Афанасьевич Потебня, для примера, рассматривает украинскую народную песню:

Кроковеє колесо
Вище тину стояло,
Много дива видало.
– Чи бачило, колесо,
Куди милий поїхав?
– За ним трава зелена
І діброва весела.
Кроковеє колесо
Вище тину стояло,
Много дива видало.
– Чи бачило, колесо,
Куди нелюб поїхав?
– За ним трава полягла
І діброва загула [Потебня 1999:160–161].

Если воспринимать эту песню буквально, то ее абсольтно не возможно понять. Далее А.А. Потебня объясняет, что «все черты того, что изображено здесь, все то, что становится впоследствии внешнею формою, будет схвачено душою, а между тем в результате выйдет нелепость: шафрановое колесо, которое смотрит из-за тыну? Но пусть эта бессмыслица получит и внутреннюю форму, и от песни повеет на нас весною природы и девичьей жизни. Это желтое колесо – солнце; солнце смотрит сверху и видит много дива. Оно рассказывает певице, что куда проехал ее милый, там позеленела трава и повеселела дубрава и проч.» [Потебня 1926: 139].

Содержание, которое представлялось автору, всегда беднее образа, получившегося в результате творческой деятельности, ведь образ может вызывать в читателе или слушателе такие чувства, о которых его создатель и не помышлял. Цель образа – произвести некоторое субъективное впечатление в воспринимающем, и, чем образ глубже, совершеннее, тем богаче палитра оттенков его восприятия, его индивидуальных применений.

Внутренняя форма слова, давая направление мысли слушающего, не

ставит ей пределов. Это же свойственно и внутренней форме как образу целого произведения. Она также указывает лишь общее русло, по которому пойдет творчество читателя, не предопределяя конкретно всех его направлений.

Одно из центральных положений психологии восприятия речи у А.А. Потебни – гумбольдианская мысль о том, что «всякое понимание есть вместе с тем непонимание» и «никто не думает при известном слове именно того, что другой». У каждого человека слово застает иное сочетание представлений и поэтому оно образует с ними всегда разные комбинации. В качестве óбразной иллюстрации А.А. Потебня приводит украинскую сказку про Ивана Голика, где один из двух братьев собирается из трех дубов срубить комору, а другой из них же – сделать виселицу.

Это положение, в соответствии со своей идеей о единообразии психических процессов речи и искусства в целом (оба процесса – равно творческие), А.А. Потебня переносит и в сферу восприятия художественного произведения и пишет, что в каждом сознании образ связывается со своим сугубо индивидуальным пониманием и «одно и то же художественное произведение, один и тот же образ различно действует на разных людей и на одно и то же лицо в разное время» [Потебня 1926: 136].

Но если содержание художественного произведения при каждом новом восприятии иное, то имеется ли в нем что-либо устойчивое? Такое единственно-устойчивай объективной данностью А.А. Потебня считал внутреннюю форму, его образ. Образ – это как сказуемое к бесчисленным расположившимся во времени подлежащими, образ – неподвижен и стабилен при бесконечной изменчивости того содержания, которое он вызывает.

Исходя из понимания языка как орудия мысли и категории внутренней формы А.А. Потебня пришел к ряду важных теоретических следствий.

Прежде всего была поставлена проблема образности и связанные с ней проблемы поэтичности языка, а также поэзии и прозы как соотносительных категорий – глубоко перспективная научная идея. В связи с этим решался и другой важнейший для литературоведения вопрос – о соотношении научного и художественного мышления.

Художественное произведение не оформляет уже известную идею, а

формирует, строит ее – подобно слову, которое является органом, творящим мысль. Эта идея Потебни направлена против представлений, упрощающих процесс художественного творчества и сводящих его к иллюстрированию какой-либо заранее известной автору философской или общественно-социальной предпосылки.

Особым видом человевеческого мышления наряду с поэтическим и прозаически-научным Александр Афанасьевич Потебня считал мышление мифическое.

Наряду с увлечением в России «народничеством», а на Украине «украинофильством», давшим всплеск к формированию интереса к фольклору, в Западной Европе сформировалась сильная «мифологическая» школа, самыми яркими представителя которой были бр. Гримм, В. Маннгардт, М. Мюллер.

Мифология в тот период считалась основой в области этнографии и фольклористики. Идеи мифологов, поднимавших проблемы эстетической и нравственной ценности фольклора, видевших в нем отражение духовной жизни народа, чрезвычайно импонировали Александру Потебне.

Общеизвестно, что первой работой Александра Афанасьевича Потебни в области мифологии была работа «О некоторых символах в славянской народной поэзии», которую он в 1860 году защитил как магистерскую диссертацию, окрыленный успехом, он развивает свои идеи и вскоре приходит к очень перспективным гипотезам, которые ложатся в основу его новой большой работы «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865).

Достаточно длительное пребывание молодого А.А. Потебни в Германии дало ему возможность познакомиться с богатейшей германской мифологией, которая по своему содержанию и поэтическому уровню не уступала древнегреческой, тем не менее, его диссертация не имела достаточной прочной научной платформы, многие факты не имели доказательной силы, а особенно слабой была техника сравнений, во многом просто натянутой и слишком прямолинейной.

Однако, несмотря на то, что диссертация А.А. Потебни была отклонена,

его интерес к изучению мифа и мифологии не пропал, а наоборот, на на протяжении всей жизни развивался в разных направлениях.

Мифологическая теория со многих точек зрения рассматривается и в трудах филологов, и историков, и психологов, и социологов.

Разделение мифа на философское и историческое впервые ввел еще Ф. Шеллинг, чьи труды по философии мифа были хорошо известны в России. В своем «Историко-критическом введении в философию мифологии» он отмечал, что «философское наследие – это, вообще говоря, всякое такое, которое поднимается над простым фактом, т.е. в данном случае над существованием мифологии, и задается вопросом о природе, о сущности мофологии, тогда как простое ученое, или историческое, исследование довольствуется тем, что констатирует данные мифологии» [Шеллинг 1989: 162].

К тому времени немецкая наука – достаточно вспомнить немецкую классическую философию – играла главную роль в формировании многих научных течений. Суммарное определение мифа с позиций выдающихся немецких ученых – Ф. Крейцера, О. Мюллера, Я. Гримма, Ф. Шеллинга дал исследователь Д.М. Щепкин:[52]

«Миф есть дело доисторического настроения души, плод живого воображения, увлеченного в мир символических сближений, возникающих естественно для свежего впечатления из самой фигуры вещей» [Щепкин 1859–1861: 7].

Русские ученые, безусловно, видели в мифе самостоятельную проблему. Об этом свидетельствуют уже сами названия их работ: «Мифические предания о человеке и природе» Ф.И. Буслаева, «Сказка и миф», «Происхождение мифа, метод и средства его изучения» А.Н. Афанасьева, «Сравнительная мифология и ее метод» А.Н. Веселовского. Потебня тоже придавал философскому началу в мифе большое значение, он связывал воедино миф и мышление, миф и религиозное мышление. В изданной посмертно книге ученого «Из записок по теории словесности» (1905) третья часть названа «Мышление поэтическое и мифическое», она открывается главой «Характер мифического мышления», а в приложении к книге помещены очерки «Миф и слово», «Об участии языка в

[52] Щепкин Д.М. – рассматривал в кн. «Об источниках и формах русского баснословия» (1859–1861, вип. 1–2) три основних направления в интерпретации мифа: эвгемеризм, «школа символическая», «школа лингвистическая».

образовании мифов», «Религиозный миф» и другие.

Также хочется сказать о том, что в рамках одностороннего традиционного подхода к осмыслению индивидуальной творческой эволюции того или иного исследователя невозможно осветить всю широту его взглядов. Очевидно, что чем крупнее ученый, тем труднее четко очертить границы его взглядов. Исследователь А.Л. Топорков отмечал, что ни один из крупных филологов XIX века не был «чистым» теоретиком, научные труды возникали порой как отклик на новое издание, вырастали из вступительных статей к публикациям текстов или из комментариев к ним. Поэтому нецелесообразно называть А.А. Потебню мифологом, так как его интерес к мифологии давал толчок ко всем другим его изысканиям [Топорков 1997: 37].

В трудах русских исследователей творчества Александра Потебни советского времени (например, Ф. Медведева) звучит мысль о том, что увлечения мифологией ученого свидетельствовало о его нематериалистических подходах к науке, о его субъективно-психологических подходах к данному вопросу. Учитывая специфику того времени, мы можем с уверенностью сейчас сказать, что это очень однобокое трактование мировоззрения ученого. Подвергалось критике также в работах советского периода и увлечение А.А. Потебней творчеством такого выдающегося исследователя мифолога как В. Гумбольдта.

Еще в первых своих работах молодой А.А. Потебня сделал попытку рассмотреть миф как ключ к изучению целостного мировоззрения целого народа. Со временем А.А. Потебня все более отходил от изучения отдельных фактов, скажем, в изображении природы, и все ближе подходил к обобщениям – к примеру, через описание солнца, огня, воды определял отношение к языческой религии.

По сравнению с книгой «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» интересы ученого в его следующих работах явственно переместились на исследование внутренних механизмов мифопоэтического мышления. Так в статье «О доле и сродных с нею существах» исследователи сразу увидели емкую характеристику «мифического мировоззрения», которую А.А. Потебня развернул позднее в своих заметках, опубликованных в книге «Из записок по

теории словесности» (1894). В данной статье он размышляет о соотношении мифа, поэтического творчества и интелектуально-познавательной деятельности.

Задачами изучения мифологии, за А.А. Потебней, является:

«Мифология есть история мифического миросоцерзания, в чем бы оно ни выражалось: в слове и сказании или в вещественном памятнике, обычае и обряде. Теории словесности миф подлежит лишь подлежит лишь как словесное произведение, лежащее в основании других, более словесных произведений. Когда мифологог по поповоду частных вопросов своей науки высказывает взгляды на ее основание, именно определяет приемы мифического мышления порседством слова; решает, есть ли миф случайный и ложный шаг личного мышления или же шаг, необходимый для дальнейшего развития всего человечества – то он работает столько же для истории (языка, быта и проч.), сколько для психологии и теории словесности» [Потебня 1989: 249]

Таким образом, мифологическое исследование, по определению А.Л. Топоркова, охватывает всю область языка культуры и языка постольку, те являются носителями символических значений [Типорков 1997: 267].

Исходя из кантианской теории познания, А.А. Потебня видел основную когнитивную функцию языка в создании мира из сырого материала ощущений [Райнов 1924: 72]. В связи с этим вставал вопрос о том, каковы те законы душевной жизни, по которым происходит это воссоздание. В работе «Мысль и язык» Александр Афанасьевич Потебня пытался найти качественные различия между мышлением «человека периода мифов» и современным мышлениям «не во внутренных особенностях сознания самих по себе, а в тех отношениях, которые складываются между сознающим субъектом и познаваемым им содержанием» [Гутякулова 1970: 155]. А.А. Потебня утверждал, что

«причины, почему человеку периода мифов мир представлялся таким, а не другим» заключались именно в его сознании, а не во внешней природе или чем-нибудь другом [Потебня 1989:.155].

«Законы душевной деятельности одни для всех времен и народов; не в этих законах разница между нами и первыми людьми…, а в результате их действия, потому что прогресс предполагает два производителя, из коих один, именно законы душевной

деятельности, представляется величеною постоянною, другой – результаты этой деятельности – переменною» [Потебня 1989: 53].

Причина возникновения мифов, по мнению А.А. Потебни, не имеет метафизического или мистического характера, но она не сводится также и к примитивному страху перед природой или обожествлению непонятных и враждебных человеку сил.

Главной особенностью образного мифического мышления по А.А. Потебне заключается в том, что

«Миф есть словесное выражение такого объяснения (апперцепции), при котором объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом» [Потебня 1905: 587].

Мифический тип мышления предшествует поэтическому, так как поэтический является более высокой ступенью. Образный арсенал прошлого используется и сегодня, ведь греческие и библийские мифы использует и современная поэзия, но отношение образа к значению теперь совершенно другое.

Мифология не исчерпывается поэзией, так как она охватывает не только словесные выражения мифического мышления, но и живописные, скульптурные, а также танцы и обряды. Но все, что в мифологии относится к слову, – поэтично, потому что образно и если рассматривать два рода словесных произведений – поэзию и прозу, то миф относится к первой, но опережает во времени.

В соответствии с общими лингвистическими основаниями своей поэтики Потебня считает миф прежде всего явлением языка. Как и поэтическая и научная деятельность, мифотворчество невозможно вне речи.

Переход от, мифического мышления к поэтическому происходит не вдруг. На этом пути являются более сложные, сравнительно с мифическими, формы образности – тропы.

Проблема соотношения мифов и поэтических тропов, таких как метафора, метанимия, синекдоха, неизменно привлекала внимание Потебни.

Троп – перенесение сравнения в широком смысле слова. Но, по Потебне,

сравнение лежит в основе любого мыслительного процесса, который и состоит в сопоставлении, сравнении между вновь познаваемого с прежде познанным. Поэтому для него совершенно неприемлем взгляд традиционной риторической поэтики на троп как на внешнее украшение речи. Опираясь на античных мыслителей, рассматривавших тропы как необходимое средство, используемое как и поэтами, ораторами, так и в речи обыденной, Потебня считал тропы важнейшим элементом поэзии и одним из факторов образования языка вообще. Всякое слово, рассматриваемое с точки зрения его истории, óбразно и даже в простом сочетании звука и значения уже можно видеть метонимию (восприятие заменяется звуковым óбразом), то есть троп.

Терминологически частично совпадая с традицией, теория А.А. Потебни о тропах представляет собой логическое упорядочение и переработку традиционного учения.

Он утверждал, что любой троп предполагает искомое (х) и данное (А), прежде познанное, а также ученый выделяет три основных видов тропов: синекдоху, метонимию и метафору.

Синекдоха есть такой переход от *А* к *х*, когда значение *А* со всеми признаками заключено в *х* или наоборот. Например, человек (А) и люди (х)

При метонимии понятие *А* заключается в *х* лишь частично. Например, птицы (х) и лес (А). Это переходит в лесные птицы.

Разница между синекдохой и метонимией Потебня видит в том, что в первом случае переход идет одновременно, а во втором – он основан на последовательном восприятии.

Еще более отдаленная ассоциация между *А* и *х* в метафоре. Ученый сравнивает понятия *подошва обуви* и *часть горы*:

> «Но психологически сочетания А и х приводятся в связь тем, что оба непосредственно или посредственно приводят на мысль третье сочетание Б, или же оба производят сходные чувства» [Потебня 1905: 208].

В языке постоянно происходит процесс перехода от уже познанного к познаваемому. В метафоре это особенно ощущается и в понимании А.А. Потебни метафора – это способ создания новой мысли. Далее по теории А.А.

Потебни каждое слово, даже прозаическое может быть метафорой. Также в понимании Александра Афанасьевича Потебни метафоры не частичные приемы поэтической речи, а одно из центральных ее понятий. Ученый разграничивает метафоричность в широком и узком смысле слова.

Метафоричность в широком смысле «есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору» [Потебня 1905: 590]. Метафоричность в узком смысле развивается сравнительно поздно, только с падением мифологического мышления. «Появление же метафоры в смысле сознания разнородности образа и значения есть тем самым исчезновение мифа. Но о другой метафоричности при создании мифа в слове не может быть и речи. Для человека, для коего есть миф *туча=корова*, одновременное с этим название тучи коровою есть самое точное, какое только возможно» [Потебня 1905: 590].

Имея дело с языковым тропом или образом, мы никогда не можем с абсольтной точностью сказать, троп это или миф. С одной стороны, такая ситуация отражает неполноту наших знани о том, как смотрит на вещи говорящий, но с другой стороны – то, что вчера или у говорящего было мифом, то завтра у другого будет тропом и наоборот. Для осмысления этой динамики в соотношении мифологии и поэзии важна мысль Потебни о том, что «качество тропа изменчиво» [Потебня 1905: 406].

Именно óбразное и поэтическое отношение к слову представляется ученым изначальным и психологически естественным. Начиная с «Мысли и языка», А.А. Потебня постоянно повторяет, что «значение во *всяком* слове обозначается символически» [Потебня 1989: 102], а также он причисляет себя к тем, «кто считает все фигурные выражения (а в языке, сказать между прочим, нет непереносных выражений) не за роскошь и прихоть, а за существенную необходимость мысли» [Потебня 1989: 103]. К этой теме ученый неоднократно возвращается и в своих поздных трудах.

Как представитель психологической школы, Александр Афанасьевич Потебня при рассмотрении слова и художественного произведения уделял большое внимание на психологию их восприятия, анализировал само переживание воспринимающего субъекта.

Говоря о формировании философских взглядов ученого, также хочется затронуть вопрос этнической психологии, которая занимает непоследнее место в научном наследии ученого. А.А. Потебня выделял этнопсихологию как самостоятельную отрасль науки, которая изучает высшие духовные ценности – речь, мышление, сознание, самосознание.

Еще в 40–60 годах были предприняты попытки сформировать принципы этнической психологии (К. Кавелин, А.А. Потебня, М. Надеждин). Все эти ученые считали, что необходимо стремиться к определению характера народа путем определения его психологических возможностей в их взаимосвязи. Ведь народ – это такое же органическое образование как и отдельный человек, поэтому необходимо исследовать его обычаи, предрассудки, способы мышления, но рассматривать их следует в взаимосвязи, таким образом можно выявить особенности, которые отличают один народ от другого.

Также необходимо помнить, что именно Александр Афанасьевич Потебня был первым в изучении проблемы «точки зрения» («point of view») в художественном произведении, которое очень активно развивается в современной науке.

Оценивая теорию А.А. Потебни не нужно забывать, что многие его идеи не были завершены.

Р А З Д Е Л 4
ДИАЛОГ И ПОЛЕМИКА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

4.1. АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ И ФЕДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ

Этнолингвистичекий подход и мифологическая тема были неотъемлемой частью всей общелингвистической и даже обще филологической концепции работ А.А. Потебни.

В своих лекциях по теории словесности он утверждал:

«Говорить значит не передавать свои мысли другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли»; «Сказанное о слове вполне применяется к поэтическим произведениям. Разница между словом и поэтическим произведением только в большой сложности последнего» [Потебня 1894: 152].

Еще в ранней работе «О некоторых символах…» А.А. Потебня писал, что «новые понятия, входя в мысль и язык народа, обозначались звуками,[53] уже прежде имевшими смысл, и основанием при этом служило единство основных признаков в новых и прежде забытых понятиях» [Потебня 1914: 1].

Опираясь на теоретические посылки мифологов (бр. Гримм,[54] В. Маннгардт, М. Мюллер, Ф.И. Буслаев, А. Афанасьев, А. Котлярский и др.), Александр Афанасьевич Потебня задумал создать большую работу, в которой на материале славянского фольклора хотел опровергнуть ходячие

[53] Исследователь Н. Толстой считает, что в данном случае речь идет о лексеме. Исследователь отмечает, что семема содержит дифференциальные семантические признаки, относящиеся к предмету – референту и не содержит интегральных признаков. Мысль о том, что древний человек называл предметы и явления по какому-либо одному мотивирующему признаку принадлежала и старшим современникам А. Потебни М. Мюллеру и А. Афанасьеву. Дальнейшее объяснение происхождения мифа у М. Мюллера, А. Афанасьева и А. Потебни было различно. Общим у этих ученых было отношение к слову как к источнику мифа.

[54] Об исключительном влиянии Я. Грима на А.А. Потебню говорит хотя бы тот факт, что в работе «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» Потебня проводит слишком прямолинейное сравнение русских образов бабы Яги с пресонажами германской низшей мифологии, известными под именами Хольда, фрау Холле, Перхта и т.д. На эту слишком прямолинейную связь указывал еще П.А. Лавровский.

представления о том, что славяне не имели такой же богатой и поэтически развитой мифологии, как, например, древние греки или германцы. Собирая и изучая фольклор, он все более убеждался, что в языке и народной поэзии славянских народов живут древние образы языческой мифологии, родственные мифологическим образам других народов и ничем не уступающие им по своей поэтической силе и жизненному содержанию.

Для концепции А.А. Потебни существенно прежде всего широкое понимание мифа.[55] Александр Афанасьевич Потебня под мифом понимал очень простые поэтические объяснения явлений: для наших древних предков, согласно ученому, «самое первоначальное название земного огня, коровы и т.д. было уже мифом, но этот миф послужил только материалом для создания мифов, имеющих предметом явления более потрясающие и потому божественные» [Потебня 1976: 447].

А.А. Потебня обладал редкостной остротой восприятия фольклора и литературы как «искусства слова». Понимая процессы их развития в самом широком историческом плане, он оказался одним из немногих, кто вместе с тем постоянно учитывал языковую специфику фольклора и литературы, связывал их с коренными проблемами развития мышления и речи. Все это определило наиболее плодотворные идеи его ранней работы «Мысль и язык», все это привело его к смелому и грандиозному замыслу: понять и объяснить прогресс человечества, направление его культурно-исторического развития данными языка, особенностями воплощения разных видов человеческого познания и мышления в разных видах речи и, особенно, в речи художественной, свойственной народной поэзии и литературе.

Для достижения этой цели анализ конкретных языковых явлений представлялся Потебне тогда наиболее прочным и надежным с точки зрения возможности оперировать «точными» фактами и доказательствами, помогал приходить к достаточно обоснованным и «наглядно» неопровержимым выводам [см.: О.П. Пресняков 1980: 23–25**]**.

Мифолога и этнолингвиста А.А. Потебню более всего интересовало

[55] Некоторые исследователи – в частности Н. Толстой – считают, что учение А.А. Потебни о мифе схематично и отрывочно, что кроме работы «О символах…» у А.А. Потебни отсутствуют законченные работы по теории мифа.

зарождение и функционирование мифического и поэтического мышления, их соотношение и использование ими языковых средств.

Взгляды А.А. Потебни на сущность мифа и мифологии, на соотношение мифа и языка в значительной степени формировались в творческой полемике с Ф.И. Буслаевым, А.Н. Афанасьевым и А.Н. Веселовским.

Исключительную роль в русской филологической науке XIX века сыграл Федор Иванович Буслаев. На его труды во многом опирались и А.Н. Афанасьев, и А.Н. Веселовский, и А.А. Потебня, и А.А. Котляревский и многие другие ученые второй половины XIX столетия. Ф.И. Буслаев больше, чем кто бы то ни был другой в России, сделал для становления мифологической теории. По словам А.А. Котляревского, в российских мифологических исследованиях именно Ф.И. Буслаеву «принадлежит честь первого почина и счастливых указаний на многие стороны предмета» [Котляревский 1890: 262].

Осмысление мифа в российской науке XIX века нельзя рассматривать изолировано от проблематики исследования славянского фольклора.

В историко-графической литературе развитие фольклористики XIX века осмысляется обычно как последовательная смена научных направлений.

Научные школы в русском литературоведении и фольклористике действительно существовали, но скорее – как некие совокупности идей. Однако, это очевидно, что чем талантливее и ярче был ученый, тем более многообразными были подходы, которыми он пользовался. Разные направления, школы и теории в истории науки не всегда сменяли друг друга последовательно, часто они совместно сосуществовали, сталкивались и переплетались. Крупные ученые не помещались в рамки одного направления, и их принадлежность к той или иной школе является достаточно условным.

Так возникновение в России мифологической школы связано с именем крупнейшего русского ученого Федора Ивановича Буслаева (1818–1897). Ему принадлежит выдающаяся роль в постановке научного изучения литературы и народной поэзии, древнерусского и византийского искусства, языкознания и археологии. Труды Ф.И. Буслаева в каждой из этих областей знания составили целый этап в развитии не только русской, но и мировой филологической науки.

В свое время Ф.М. Селиванов, А.И. Баландин и С.Н. Азбелев обратили

внимание на то, что нельзя однозначно причислять Ф.И. Буслаева к мифологической школе, а ведь он традиционно считается ее «главой» в России (см.: Селиванов 1968; Баландин 1975; Баландин 1988; Азбелев 1991; Азбелев 1992). С.Н. Азбелев предлагает на ряду с «исторической школой» ввести также более широкое понятие исторического направления в исследовании русского эпоса, которое бы охватило не только В.Ф. Миллера, признанного главу «исторической школы», но также и Ф.И. Буслаева, и А.Н. Веселовского [см.: Азбелев 1991: 15.]

Начало научной деятельности Федора Ивановича Буслаева[56] совпало с общим оживлением европейской научной мысли, особенно в области языкознания, утверждением в науке нового сравнительно-исторического метода.

Знакомство с работами европейских ученых, особенно В. Гумбольдта и Я. Гримма, оказало заметное влияние на формирование теоретических взглядов Ф.И. Буслаева и во многом определило круг его научных интересов.

Выделить в наследии Ф.И. Буслаева какие-либо конкретные работы, посвященных проблеме мифа, довольно сложно. Круг интересов ученого был необычно широк; проблема мифа так или иначе затрагивается им в трудах, посвященных фольклору и верованиям, эпосу и мифологии, древнерусской литературе, исторической грамматике и методике преподавания русского языка, искусству античности, средневековья и нового времени. При этом и фольклор, и мифологию, и язык, и литературу, и изобразительное искусство он исследовал в совокупности и во взаимном взаимодействии друг с другом. А.Н. Веселовский верно отметил, что Ф.И. Буслаев постоянно рассматривает искусство «в связи с культурным развитием вообще, особливо с литературой» [Веселовский 1886: 156–168].

Такой подход определяет в первую очередь широту интересов Ф.И.

[56] К научной работе Ф.И. Буслаев приобщился уже в Московском университета (1834–1838), где он получает основательную, лингвистическую прежде всего, подготовку. Так, по поручению проф. И.И. Давыдова он переводит «Общую грамматику» А.И. де Саси (в немецкой переделке И.С. Фатера), дополняя ее примерами из русских и старославянских памятников письменности; для проф. С.П. Шевырева составляет систематический свод грамматики М. Смотрицкого, М.В. Ломоносова, академической грамматики 1802 г., грамматик Н.И. Греча и А.Х. Востокова, грамматики старославянского языка И. Добровского. Занятия в библиотеке проф. М.П. Погодина способствовали знакомству Буслаева с памятниками древнерусской письменности и древнерусского искусства.

Буслаева, его колоссальную эрудицию в самых разных областях гуманитарного знания. Ученому было свойственно убеждение в единстве человеческой культуры, в каком бы конкретном материале она ни выражалась – в слове или песне, в живописи или обряде.

Обращаясь к разработке проблемы мифа у Ф.И. Буслаева, хорошо прослеживаются три этапа, которые последовательно сменяют друг друга.

На первом этапе своей деятельности Ф.И. Буслаев выступает преимущественно как ученый-лингвист. Он стремится распространить методику сравнительно-исторического анализа, давшую столь блестящие результаты в работах немецких ученых, на изучение русского языка и его истории. С воодушевлением воспринимает он важнейшее положение лингвистической теории В. Гумбольдта и Я. Гриммов об отражении в языке духовной жизни народа. В дальнейшем Буслаев писал, что «разумную цель лингвист имеет тогда, когда, не ограничиваясь исследованием букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка изучать духовную жизнь самого народа» [Буслаев 1855: 37].

Действительно, отличительной особенностью Буслаева-лингвиста 40–60-х годов является его широкая культурно-историческая ориентация. Уже в своей первой крупной работе «О преподавании отечественного языка» (1844), оказавшей большое влияние на развитие русского исторического языкознания, он рассматривает историю русского языка в неразрывной связи с историей русской культуры и народной поэзии. Ф.И. Буслаев стремится определить характерные черты древнейшего мировоззрения людей, отразившиеся в их языке, и ряде очерков из истории русского литературного языка показывет, как в языке выражается жизнь народа.

В том же культурно-историческом плане написана и магистерская диссертация Ф.И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию» (1848). Этот труд до сих пор остается одним из самых лучших опытов истории языка, понимаемой в связи с движением жизни и культуры. Сопоставляя два древних перевода евангелия – готский и славянский, Ф.И. Буслаев выделяет словарный пласт, внесенный в древний язык христианством, и доказывает, что славянский язык задолго до

Кирилла и Мефодия подвеглся влиянию христианских идей. В древнейший период истории языка, говорит ученый, слово как выражение преданий и обрядов, событий и предметов понималось в теснейшей связи с тем, что он выражает. Следовательно, история языка дает возможность восстановить материальный и юридический быт, культуру и верования народов в доисторическую, то есть мифологическую, эпоху их жизни.

На втором этапе мифологических расысканий внимание ученого в большей мере привлекают связи мифологии и эпоса. Он обращается к изучению русских былин и духовных стихов и посвящает им статьи: «Русский народный эпос» (1861), «Русские духовные стихи» (1861), «Русский богатырский эпос» (1862), «Следы русского богатырского эпоса в мифических преданиях индоевропейских народов» (1862). Эти работы являются непосредственными откликами на публикации былин и духовных стихов из собраний П.В. Кириевского, В.Г. Варенцова, П.И. Якушкина, благодаря которым совершилось «открытие» русского эпоса, известного ранее в основном по так называемому «Сборнику Кирши Данилова».

На третьем этапе Ф.И. Буслаев выступает главным образом как автор развернутых рецензий и статей обзорного характера. В обширной серии очерков «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (1872–1873), к которой примыкает также статья «Догадки и мечтания о первобытном человечестве» (1873), ученый подвергает критическому разбору современные подходы к мифологии, эпосу и народной культуре – как отечественные, так и зарубежные.

Предлагаемая периодизация, как и всякая другая, имеет условный характер, однако она позволяет уловить реальную динамику интересов Федора Ивановича Буслаева. Сошлемся на мнение Е.И. Семенова:

«...принято считать, что научные взгляды Буслаева эволюционировали соответственно преобладающему влиянию, которое приобретала та или иная «школа» на определенном этапе разработки специальных методов исследования. Выступив на научном поприще как глава «мифологической школы», он затем провел немало интересных исследований, пользуясь «культурно-историческим» методом, а в конце стал популяризировать бенфеевскую «теорию заимствования». Собственное значение

Буслаева для научного прогресса ограничилося при таком взгляде, естественно, ролью старого мудреца соглашателя, который, стремясь не отстать от века, сглаживал и примирял крайности модных литературных теорий. Факты, однако, свидетельствуют о другом. Буслаев не только учитывал все ценное, созданное современной ему наукой, но и всегда занимал и отстаивал самостоятельную научную позицию в спорах по важнейшим актуальным проблемам общественной жизни и культурного развития.» [Семенов 1982: 72–73].

Формирование мифологической теории в России лишь отчасти связано с исследованием мифологии и архаических верований. Мифологические исследования в XIX веке сплетались с широким кругом проблем изучения языка, фольклора, традиционной народной культуры, древнерусской литературы. Характерно, что в России так и не сложилась специальная научная дисциплина, изучающая мифологию.

Необходимо учитывать, что научная деятельность большинства русских филологов XIX века не замыкалась в рамках изучения истории литературы и фольклора. Пожалуй, основной недостаток историографии русской фольклористики заключается в том, что фольклорные разыскания рассматриваются изолированно от других сторон деятельности тех же ученых.

Такие научные дисциплины, как русская и славянская фольклористика, этнография, сравнительно-историческое языкознание, сравнительная мифология, история древнерусской литературы, история русского искусства, формировались в России середины XIX века переллельно и в тесном взаимодействии друг с другом. Наиболее значительные исследователи фольклора и мофологии XIX – начала XX века были также или лингвистами, или историками литературы, или этнографами.

Для современного осмысления мифологической школы основополагающее значение имеют работы А.И. Баландина. В книге «Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев» (1988), которая до настоящего времени остается наиболее полным и основательным исследованием, пришел к выводу о том, что именно ученые-мифологи ввели в науку о народной словесности сравнительно-исторический метод, признали органическую связь языка, мифологии и фольклора, выявили коллективную

природу народно-поэтического творчества. Вот что он об этом пишет:

«Мифологическая школа впервые выступила с цельной научной теорией, которая позволяла рассматривать отдельные и, казалось, разрозненные явления народной словесности в их органическом единстве. По сохранившимся памятникам устной и письменной литературы, фактам языка и реалиям народного быта ученые восстанавливали целый мир древнейших народных представлений, мифологических в своей основе, из который впоследствии развились все формы поэтической деятельности» [Баландин 1988: 4].

В последнее время интерес к мифологической школе приобрел качественно новый характер. С изменением общей ситуации в гуманитарной науке отпали многочисленные ограничения, которые долгое время сдерживали развитие фольклористики. Исследователи вновь обратились к заговорам и духовным стихам, народным обрядам и языческим верованиям, к апокрифической литературе и народным легеднам, т.е. как раз к тем темам, которые – в числе прочих – разрабатывали ученые XIX века. Более того, неожиданно оказались актуальными вопросы о сущности славянского язычества и народного православия, о характере взаимодействия народных и церковных традиций, которые так интересовали гуманитариев XIX – начала XX века. Возродившийся интерес к научному наследию Ф.И. Буслаева и А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни и А.Н. Веселовского во многом обусловлен тем, что они предложили свои решения «вечных» вопросов истории русской культуры. Без учета этой традиции не будут полными наши знания о русской общественно-философской мысли XIX века.

Современные исследователи мифологии и теории мифа, как правило, используют наблюдения ученых XIX века в теоретико-практическом аспекте. Для них это предшествующая ступень науки, определенный этап в ее развитии. Мы видим, что на рубеже 1860–1870 годов наступает критическая реакция на мифологическую школу. Обнаруживается исчерпанность мифологической теории в ее старых версиях, и в то же время зарождается целый ряд новых направлений, которые или вовсе отказываются от понятия мифа, или весьма существенно его модифицируют. Однако ученые, связанные с мифологической

школой, сделали и открытия, многие из которых подтвердила наука XX века. Поэтому так важен дифференцированный подход к их наследию.

И потому метод, первоначально связанный с сравнением языков, установлением общих форм слов и возведением их к праязыку индоевропейских народов, впервые в русской науке был перенесен Буслаевым в фольклористику и применен для изучения мифологических преданий славян. Впоследствии сравнительно-исторический метод прочно войдет в практику научных исследований филологов, но его первое применение в фольклористике и литературоведении навсегда закрепится за Федором Ивановичем Буслаевым.

А.А. Потебня, также как и Ф.И. Буслаев, хорошо был знаком с немецкой философией и языкознанием, но в то же время он был органически связан и с отечественной научной традицией. На отдельные переклички между фольклористическими и общефилологическими взглядами А.А. Потебни и Ф.И. Буслаева указывали многие исследователи [см.: Пресняков 1978; Дмитренко 1983: 68–69, 90–96, 127–128 и др.]. Об истории личных взаимоотношений ученые рассказала В.Ю. Франчук, которая привела в своей книге отрывки из сохранившихся писем Ф.И. Буслаева к Александру Афанасьевичу [Франчук 1986: 31–32, 85–86]. По сообщению В.Ю. Франчук, личное знакомство ученого с Ф.И. Буслаевым произошло в 1869 году во время работы первого Археологического съезда в Москве [Франчук 1986: 71].

Научные взаимоотношения между А.А. Потебней и Ф.И. Буслаевым не были простыми. В первом томе своей книги «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебня подверг критике грамматические взгляды ученого. Эта критика касалась как частных интерпретаций отдельных грамматических явлений, так и принципиальных вопросов лингво-методологического характера: соотношения языкознания и логики, исторического развития языка, понятий формы и содержания в языке, учения о предложении и его членах и другие.

Эта ситуация, когда молодой ученый как бы восставал против своего знаменитого предшественника, по-видимому, смущала Александра Афанасьевича Потебню, и он обратился к Ф.И. Буслаеву с письмом, в котором

поделился с ним своими сомнениями. 6 ноября 1873 года Ф.И. Буслаев ответил Потебне на его письмо, полным благородства и духовной высоты.

«Вы пишете, что уважение к авторитету не исключает полемики. Я скажу еще более. Всякая живая идея потому и плодотворна, что зарождает массу новых идей, которые и должны относиться к ней полемически, чтобы идти вперед, семя должно пустить в землю корни и само уничтожиться, чтобы дать цветущие побеги. Тот же закон природы управляет судьбою исторического прогресса, и тот профессор, который не радуется, что его слушатели дальше и шире его идут в науке, не только не ценит своего достоинства, но и делает капитальный грех против своего прямого призвания» [Франчук 1986: 85].

В том же письме Ф.И. Буслаев просил у Александра Афанасьевича Потебни разрешения причислить его к числу своих «самых ранних и лучших слушателей» [Франчук 1986: 31].

Ф.И. Буслаев еще раз написал А.А. Потебне уже после того, как получил от харьковского ученого его книгу и детально познакомился с ней.

«Исправляя мои ошибки, Вы только разъяснили мне то, что мне самому смутно мерещилось. Хоть я исходил от твердого намерения протеставить грамматику против логики, но, делая уступки обычаю, сворачивал с прямого пути. Теперь по вашим «Запискам» я окончательно убедился в тех принципах, которых нетвердо держался» [Франчук 1986: 86].

И завершал свое письмо Ф.И. Буслаев такими словами: «Итак, Вы видите, что нашли во мне внимательного и благодарного читателя» [Франчук 1986: 86].

Еще в молодости А.А. Потебня испытал благотворное влияние лингво-фольклористических исследований Ф.И. Буслаева, среди которых он особенно выделял статью «Эпическая поэзия». В автобиографии, написанной для «Истории русской этнографии» А.Н. Пыпина, Александр Афанасьевич Потебня вспоминал о своем первом знакомстве с трудами Ф. Миклошича и В. Караджича и добавлял, что «из других книг, имевших на меня влияние, укажу Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии», сочинение, которое в некоторых отношениях мне не нравилось, и статью

Буслаева «Об эпической поэзии» [Потебня 1989: 13].

В черновом варианте своей автобиографии, сохранившемся в архиве А.А. Потебни, еще яснее, чем в опубликованном тексте, отмечено влияние Ф.И. Буслаева на молодого ученого:

«Кроме книжных влияний (между прочим Буслаева), я не пользовался, к сожалению, никогда ничьими советами и работал вполне уединенно» [Франчук 1974: 539].

В своих воспоминаниях о А.А. Потебне Б.М. Ляпунов также приводит его слова о том, что кроме Н.И. Костомарова и «Эпической поэзии» Ф.И. Буслаева на А.А. Потебню влияли «только иностранные ученые» [см.: Сб. ХИФО 1892: 27].

Множество перекличек с идеями Ф.И. Буслаева имеется в первых книгах А.А. Потебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1860) и «Мысль и язык» (1862). В книге «Мысль и язык» А.А. Потебня разработал наблюдения Ф.И. Буслаева о художественном начале языка, об аналогии между отдельным словом и поэтическим произведением, о том, что слово было первоначально художественным образом и лишь впоследствии стало обозначать отвлеченное понятие. Если утверждения Ф.И. Буслаева имели несколько общий и импрессионистический характер и подогревались скорее эстетическим чувством, чем анализом языковых явлений, то А.А. Потебня существенно их конкретизировал, дополнял и модифицировал.

Ученый разделял с В. Гумбольдтом и Ф.И. Буслаевым представление о языке как творчески активном начале и третьей реальности, стоящей между миром и человеком. Концепция внутренней формы слова, лежащая в основе лингво-философской теории А.А. Потебни, развивалась им с опорой на идеи В. Гумбольдта, но он, несомненно, учитывал и опыт Ф.И. Буслаева. В то же время Александр Афанасьевич Потебня исходил из той психологической трактовки В. Гумбольдта, которую продолжали Г. Штейнталь, Р.Г. Лотце, М. Лацарус и другие немецкие языковеды и психологи середины XIX века и которая для Ф.И. Буслаева осталась достаточно чуждой. А.А. Потебне были особенно важны наблюдения В. Гумбольдта об антиномиях языка и о диалектическом

соотношении понимания и непонимания, между тем как Ф.И. Буслаев прошел мимо этих идей немецкого языковеда и философа. Если Ф.И. Буслаев только коснулся вопроса о происхождении прозы и поэзии в связи с историей языка и человеческого мышления [см.: Буслаев 1992: 301], то А.А. Потебня, основываясь на идеях В. Гумбольдта, создал относительно стройную теорию эволюции языка и мышления «от мифа к поэзии, от поэзии к прозе и науке» [Потебня 1905: 587].

Вслед за Ф.И. Буслаевым А.А. Потебня строил мифологическую теорию с опорой на сравнительно-историческое языкознание и на представление о слове-мифе, подчеркивал практический и познавательный характер языческих верований, исследовал многообразные символические и ритуально-мифологические функции языка, развивал учение о тропах как элементах человеческой мысли.

И Ф.И. Буслаев, и А.А. Потебня занимались параллельно исторической грамматикой славянских языков и лексикологией, с одной стороны, и фольклором и мифологией – с другой. Ф.И. Буслаев, а позднее Александр Афанасьевич Потебня писали работы, в которых исследование народно-поэтических символов сочеталось с семасиологическим и этимологическим анализом ограниченных групп лексики, описывающей культурные концепты и другие фрагменты внеязыкового мира. Они уделяли много внимания истории русских слов и выражений и их внутреннему образному содержанию, причем оба полагали, что образность в слове первична, а безобразное состояние вторично.

Ф.И. Буслаева и А.А. Потебню объединяет этнографизм, внимание к многообразным явлениям народного быта (обряды, обычаи, верования), они видят в языке выражение духовной культуры, хранилище старинных верований и представлений, источник народного поэтического творчества. По существу в своей первой книге А.А. Потебня ставил перед собой ту же задачу, которую Ф.И. Буслаев решал в «Эпической поэзии», – объяснить «начало эпической поэзии в связи с историею языка и жизни народной» [Буслаев 1861: 76].

Уже в первой фразе книги «О некоторых символах в славянской народной поэзии» можно видеть своеобразную отсылку к «Эпической поэзии» Ф.И.

Буслаева. Александр Афанасьевич Потебня пишет:

«Слово выражает не все содержание понятия, а один из признаков, именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим» [Потебня, 1989: 285].

А у Ф.И. Буслаева эта мысль звичит таким образом:

«Свежесть впечатления, производимого предметом на певца, выражалась названием того отличительного свойства, которое резче других бросалось в глаза певцу и затрагивало его фантазию» [Буслаев 1861: 73].

На той же странице А.А. Потебня объясняет происхождение постоянных эпитетов народной поэзии «потребностью восстановлять забываемое собственное значение слов» [Потебня 1989: 285]. В «Эпической поэзии» об этом сказано:

«...Постоянный эпитет обыкновенно восстановляет в названии, к которому прибавляется, первоначальное впечатление, впоследствии утраченное...» [Буслаев 1861: 22].

Своеобразный прообраз книги «О некоторых символах...» можно видеть в том фрагменте «Эпической поэзии», который посвящен народно-поэтическому осмыслению сокровенных чувств человека [Буслаев 1861: 72–73]. Ф.И. Буслаев обратил здесь внимание на то, что в метафорических описаниях душевных движений встречаются друг с другом «природа вещественная с нравственною, которую эпический поэт также не умел, да и не любил ни анализировать, ни описывать» [Буслаев 1861: 72]. А.А. Потебня в своей первой книге также уделяет особое внимание истории слов и поэтических образов, в которых отражается человеческая психология.

Интерсно, что у Александра Афанасьевича Потебни почти нет точек соприкосновения с исторической грамматикой Ф.И. Буслаева, но зато множество перекличек с его работами по фольклору и истории поэтического языка. Однако присутствие идей Ф.И. Буслаева ощущается во многих местах книги «Мысль и язык», особенно на последних страницах главы IX, где речь идет о сакральных функциях языка, и в главе X «Поэзия. Проза. Сгущение

мысли».

Так, А.А. Потебня отмечает, что «в языке и поэзии есть положительные свидетельства, что, по верованиям всех индоевропейских народов, слово есть мысль, слово – истина и правда, мудрость, поэзия» [Потебня 1989: 158] и дальше, что «слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологическою связью слов, обозначающих *слово* и *вещь*, сколько распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений» [Потебня 1989: 158].

Между тем еще в 1844 году Ф.И. Буслаев писал:

«Всякий предмет существует для человека только тогда, когда им сознается, когда входит в его мысль и выражается словом. Мысль есть основная сущность вещи, потому в языках название вещи происходит от слов мыслить, вещать» [Буслаев 1992: 275].

Александр Афанасьевич Потебня пишет:

«Непосредственно истинным и действительным на первых порах кажется человеку только ощутимое чувствами, и слово имеет для него всю прелесть дела» [Потебня 1989: 132].

У Федара Ивановича Буслаева мы читаем:

«...Как слово есть вместе и действие, поступок человека, так и поэзия получает название от понятия о деле...» [Буслаев 1861: 5–6].

В «Мысль и язык» А.А. Потебня высказывает предположение о том, что «человек обращается внутрь себя сначала только от внешних предметов, познает себя сначала только вне себя» [Потебня 1989: 189]. Возможно эта формулировка навеяна А.А. Потебне словами, которые он читал у Ф.И. Буслаева о том, что «свою собственную душу человек понимает первоначально не иначе, как в связи с явлениями мира внешнего» [Буслаев 1861: 137] и далее: «Речь наша чрезвычайно замедлялась бы, если бы мы постоянно вдумывали в живое представление каждого предмета и взвешивали каждое слово с таким же

сочувствием к нему, с каким оно создавалось в древнейшую пору» [Буслаев 1992: 301].

В этом замечании Ф.И. Буслаева можно видеть один из источников концепции «сгущения мысли» А.А. Потебни.

Наиболее явно связаны с Ф.И. Буслаевым (вплоть до совпадения отдельных формулировок) размышления ученого о восстановлении внутренней формы слова в народной поэзии, об успокоительном (катартическом) действии искусства (в этом случае и Ф.И. Буслаев, и А.А. Потебня опирались на одни и те же наблюдения В. Гумбольдта), о взаимной связи языка и поэзии и их общем подчинении религии [см.: Потебня 1989: 174–175, 177, 184–186].

Может нам показаться, что Потебня знал наизусть целые фрагменты буслаевских текстов и их формулировки непроизвольно всплывают в его памяти. Например, харьковский мыслитель отмечает, что «новые поэты не так проникнуты стариною языка, как простонародная поэзия» [Потебня 1989: 186], а у Федора Ивановича Буслаева говорится что, «язык так сильно проникнут стариною...» [Буслаев 1861: 7].

Александр Афанасьевич Потебня отмечает, что «язык есть полнейшее творчество, какое только возможно человеку, и только потому имеет для него значение» [Потебня 1989: 198]. Эту мысль неоднократно повторяется и Ф.И. Буслаевым, что «...слово есть первый проводник человеческого творчества. На созидании форм своего языка народ впервые делает свои творческие попытки» [Буслаев 1861: 355].

Не ограниченное никакими пределами творчество языка, по мнению Ф.И. Буслаева, проявляется «всегда новыми и свежими формами» [Буслаев 1861: 178].

Ф.И. Буслаев исследовал соотношение языка и поэзии в содержательном и генетическом отношениях. А.А. Потебня вводит понятие внутренней формы слова и выдвигает на первый план изоморфизм внутренней структуры слова и произведения искусства:

«Язык во всем своем объеме и каждое отдельное слово соответствует искусству, притом не только по своим стихиям, но и по способу их соединения» [Потебня 1989: 165].

Уже в своей первой книге «О некоторых символах» А.А. Потебня высказал взгляд на проблему языковой эволюции, полемически направленный против концепции двух периодов в развитии языка, которую в целом разделял Ф.И. Буслаев:

«...жизнь языка состоит не в одной только утрате изобразительности и грамматической стройности: язык в настоящем своем виде есть столько же произведение разрушающей, сколько и воссозидающей силы» [Потебня 1989: 287].

В «Мысль и язык» А.А. Потебня уже прямо пишет о том, что «прогресс в языке есть явление несомненное» [Потебня1989: 23].

В первом томе «Из записок по русской грамматике» ученый последовательно выступает против восхваления первобытного языка, как особенно живописного и изобразительного. А.А. Потебня утверждает, что «Пресловутая живописность древних языков есть детская игрушка грубого изделия сравнительно с неисчерпаемыми средствами поэтической живописи, какие предлагаются поэту новыми языками...» [Потебня 1888: 43].

Полемизируя с Ф.И. Буслаевым, ученый предлагает интепретацию различий отвлеченное-конкретное и изобразительное-неизобразительное. Он тонко отмечает, что «в слове можно сознавать и сравнительно конкретное посредством значений сравнительно отвлеченных» и подтверждает свою мысль сравнением с изобразительным искусством:

«Нынешняя ландшафтная живопись, именно в силу своей большой сложности, как продукта мысли, сравнительно с живописью предшествующих веков, по содержанию более конкретна, чем эта последняя» [Потебня 1888: 43].

Работы А.А. Потебни «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» и «О доле и сродных существах» свидетельствуют о том, что он постепенно выходит из орбиты притяжения буслаевских идей. Здесь ученый впервые открыто вступает в полемику с Ф.И. Буслаевым по конкретным вопросам, которые, впрочем, не имели для последнего принципиального характера, например, по поводу интерпретации украинской сказки об Ивасе и

ведьме или образа Горя-Злочастия из известной стихотворной повести XVII в. [см.: Потебня 1865: 127–130; Потебня 1989: 483–485].

Алаксандр Афанасьевич Потебня многократно обращался к идеям Ф.И. Буслаева в своих записях и лекциях 1870–1880-х годах, мнения Федора Ивановича Буслаева рассматривались А.А. Потебней в широчайшем контексте отечественной и мировой культуры. Характерно такое свидетельство А.Г. Горнфельда, который учился у А.А. Потебни в Харьковском университете:

> «Он (А.А. Потебня) легко, широкой рукой черпал груды доказательств из области сравнительного языкознания, истории литературы, философии, психологии. Русское словечко, только что выхваченное из недр народной жизни, и «Изречение» Гёте, «Гамлет» и «Египетские ночи», новелла Бокаччио и фраза из «Копперфильда», книга Аристотеля и замечание Буслаева, Гейне и Ливии, Апулей и Мицкевич, поговорка и роман, песенка и поэма проходили чредой пред учеником, разом вызывая, развивая и подкрепляя требуемую мысль» [Сб. ХИФО 1892: 16].

В заметках, опубликованных в книге «Из записок по теории словесности» под заглавием «Условия процветания и падения поэзии», «Цивилизация и народная поэзия», «Поэзия устная и письменная», «Пессемизм и ретроспективность мысли», ссылки на Ф.И. Буслаева встречаются почти на каждой странице. Вслед за ученым А.А. Потебня обсуждает отличия народной поэзии от художественной литературы, противостояние язычества и христианства, народной и элитарной культуры, теорию тропов, соотношение языка и мифологии, магические функции языка.

А.А. Потебня делает обильные выписки из двух статей Ф.И. Буслаева: «О народной поэзии в древнерусской литературе» и «О народности в древнерусском искусстве» [см.: Потебня 1905: 128–137]. Особое внимание он уделяет размышлениям ученого о разобщенности народной словесности и высокой христианской культуры в Древней Руси.

Ученый поддерживает буслаевское сближение языка и фольклора, полагая, что «язык, вероятно, навсегда останется первообразом и подобием такого гуртового характера народно-поэтического творчества» [Потебня 1905: 144]. Однако он делает акцент на том, что «мысль должна развиваться, стало

быть, и язык должен расти, но незаметно, как трава растет» [Потебня 1905: 146].

Как и ФИ. Буслаев, Александр Афанасьевич Потебня полагает, что «личное произведение при самом своем появлении столь подчинено преданию..., что может быть названо безличным» [Потебня 1905: 143], но делает из этого собственные выводы. Если для Федора Ивановича Буслаева на первом плане однообразие и традиционность эпических мотивов, то А.А. Потебня открывает, что и в языке, и в устной поэзии происходит «медленное перерождение бессознательным варьированием» [Потебня 1905: 147].

Ф.И. Буслаев неоднократно подчеркивал, что «предание, подобно языку, жило в сознании всех и каждого» [Буслаев 1861: 142], когда с точки зрения А.А. Потебни: «всеобщее господство известного мнения является доказательством не его безусловной истины, а того, что оно уже созрело и готово измениться под напором личной мысли, на нем основанной» [Потебня 1905: 142].

Таким образом, Ф.И. Буслаев акцентирует традиционный характер народной поэзии и ее обращенность к прошлому, а А.А. Потебня – элементы изменчивости и процессуальности.

Трудно назвать другого ученого XIX века, который бы столь решительно, как Александр Афанасьевич Потебня, выступил на защиту язычества, по существу отождествляя его с народным творчеством. Он приводит слова Ф.И. Буслаева о том, что «народ на умел... облагородить идеями новой религии, не умел искупить своих языческих забав ревностью к тому высокому учению, которое проповедовалось избранными умами тогдашней эпохи» [Буслаев 1861: 69]. И дальше ученый возражает:

«Откуда в народе могло явиться побуждение оправдывать существование своего нравственного облика перед обличителями? Последние являлись в роли преобразователей. Они и должны были возвысить существовавшее до новых идей, различить, что в прежнем было согласно с новыми идеями, а что нет. Вместо этого они, с одинаковым отрицанием отнесясь ко всему и тем осудив свою деятельность на бесплодие, умели только повторять жалобы на пристрастие народа к плясцам и гудцам и равнодушие его к церкви» [Потебня 1905: 130].

Чрезвычайная резкость этих высказываний заставляет вспомнить идеи русских революционных демократов, в частности, знаменитое письмо В.Г. Белинского Н.В. Гоголю.

Александр Афанасьевич Потебня полемизирует с идеями Ф.И. Буслаева и А.Н. Веселовского о неразвитости славянской мифологии:

«Если бы оказалось, что следов личных божеств точно нет, то и в таком случае заключение отсюда к тому, что личные божества не успели развиться, было бы ошибочно: где следы греческого Олимпа у новых греков? Итак, более вероятно, что и у славян были личные божества, поэтические сказания об них, мифологический эпос, но все это забыто» [Потебня 1905: 135].

Ф.И. Буслаев полагал, что в Древней Руси «крупные мифологические личности» уже сложились в народных верованиях, но еще «не получили более определенных форм в поэзии эпической и потому со временем забылись» [Буслаев 1990: 35], но А.А. Потебня возражает и пишет:

«...если крупные божества не получили форм в эпической (или лирической?) поэзии, то они и вовсе не сложились, потому что где же они могли бы сложиться, кроме поэзии. Вне поэзии нет сферы, где могут создаваться мифы» [Потебня 1905: 133].

В этом заочном споре, как нам кажется, А.А. Потебня не вполне прав: разве нельзя себе представить, что существовал, например, культ Перуна, Даждбога, но не было эпоса о нем? Но по мнению ученого, светская словесность на Руси просто была уничтожена:

«Естественная смерть, то есть перерождение народной поэзии – явление необычное, редкое. Мы большею частью видим смерть насильственную» [Потебня 1905: 137].

Говоря о «скудости, неэстетичности», «отсутствии прекрасной формы» [Потебня 1905: 135, 136] в старинной русской словесности, А.А. Потебня как бы не замечает наблюдений Ф.И. Буслаева о высоких эстетических достоинствах суеверной поэзии, о «прекрасной литературе древней Руси» [Буслаев 1990: 81].

Сравнение работ Федора Ивановича Буслаева и Александра Афанасьевича

Потебни поучительно в том отношении, что позволяет выявить, какую существенную эволюцию претерпели взгляды последнего: в своих поздних записях Потебня подвергает критике многие из тех взглядов ученого, которые он сам разделял в начале своего творческого пути.

4.2. АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ И АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ АФАНАСЬЕВ

Научная деятельность Федора Ивановича Буслаева продолжалась более полувека. Еще при его жизни мифологическая теория, с которой он так тесно был связан в 40–50-е годы, вынуждена была уступить место другим теориям и направлениям, но сам Ф.И. Буслаев не только не оставался чужд новым направлениям в науке, но и оказывал существенное влияние на их утверждание и развитие. Идеи ученого неизменно находили широкий отклик в научной среде, их подхватывали и развивали его многочисленные ученики, наиболее талантливые из которых впоследствии сами становились во главе новых школ и направлений.

Положения мифологической теории в том их виде, как они сложились в работах Ф.И. Буслаева 40–50-х годах, хотя и охватывали довольно широкий круг проблем, в основном развивали идею о языке и мифе как двух важнейших формах проявления народного сознания, определивших возникновение и последующее развитие всей народной культуры. Между тем уже в те годы перед учеными встали вопросы о сущности самого мифа и его исторических судьбах. Разработка этих вопросов была осуществлена младшими мифологами. Наиболее ярким представителем школы младших мифологов был Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871), имя которого, по слова А.Н. Пыпина, «принадлежит к числу наиболее симпатичных имен в истории русской науки, посвященной исследованию русской народности и старины» [Пыпин 1891, т. II: 110].

В историю науки Александр Николаевич Афанасьев вошел прежде всего как теоретик фольклора и издатель памятников народного поэтического творчества, хотя он много занимался и вопросами истории, а также и истории литературы. Свою научную деятельность ученый начинал как историк – в конце 40-х – начале 50-х годов он публикует в «Современнике» и «Отечественных записках» ряд исторических сочинений в духе историко-юридической школы, с виднейшими представителями которой – К.Д. Кавелиным[57] и С.М. Соловьевым[58] – он хорошо был знаком еще по московскому университету. Из историко-литературных работ А.Н. Афанасьева, с которыми он начал выступать со второй половины 50-х годав, наибольшее значение имеют статьи о русских сатирических журналах XVIII века, о Н.И. Новикове, Д.И. Фонвизине и другие, а в 1859–1860 годах А.Н. Афанасьев создал журнал «Библиографические записки».

Ранние публикации А.Н. Афанасьева можно разделить на несколько тематических групп, которые впоследствии в переработанном виде были включены ученым в его монументальный труд «Поэтические воззрения славян на природу».

К одной такой группе можно отнести работы посвященные фольклору и народным верованиям. Это такие, как рецензия на книгу Д.О. Шеппинга «Мифы славянского язычества» (1850), статьи «Дедушка домовой» (1850), «Ведун и ведьма» (1851), «Религиозно-языческое значение избы славян» (1851), рецензии на сборник А. Сементовского «Малорусские и галицкие загадки» (1851) и на первый том «Истории России с древних времен» С.М. Соловьева (1852) и другие. Также к этим работам можно добавить и статьи, в которых большое внимание уделялось проблемам взаимовлияния языка и народных верований: «Несколько слов о соотношении языка с народными поверьями» (1853) и «Мифическая связь понятий: света, зрения, огня, металла оружия и желчи» (1854).

---

[57] Кавелин Д.К. (1818–1885) – русский историк государственной школы, либеральный общественный деятель и публицист. Участник подготовки крепостной реформы 1861 года, автор одного из первых проектов отмены крепостного права.

[58] Соловьев С.М. (1820–1879) – русский историк государственной школы, академик Петербургской АН (1872). Ректор Московского университета в 1871–1877гг. Написал труды по истории Новгорода, эпохи Петра I и Александра I, внешней политики России, историографии. Основал сочинение «История России с древнейших времен» (1851–1871, т. 1–29).

В другую группу входят работы историко-этнографического характера, такие как «Дополнения и прибавления к собранию «Русских народных пословиц и притчей», изданному И.Снегиревым» (1850) и «Колдовство на Руси в старину» (1851). Эти работы еще не выходят за пределы проблематики историко-юридической школы: значение русских пословиц и поговорок А.Н. Афанасьев видит прежде всего в том, что они дают богатейший материал для построения истории родового быта, но в последующих работах ученого довольно отчетливо выступают и основные положения мифологической школы, разработке которых он посвятил всю свою жизнь.

Важным этапом в формировании взглядов А.Н. Афанасьева-мифолога является его работа над сборником «Народные русские сказки».[59] В обширных комментариях к каждому сказочному тексту Александр Николаевич Афанасьев стремился раскрыть мифологическое содержание сказок, возводя их к предполагаемым доисторическим религиозным представлениям.

Комментарии к сборнику «Народные русские сказки» вместе с ранними фольклорно-этнографическими работами А.Н. Афанасьева явились основой его капитального трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» (1865–1869), в котором мифологические концепции ученого получили свое законченное выражение.

---

[59] Первое издание «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева выходило отдельными выпусками с 1855 по 1863 г. (всего вышло восемь выпусков; первый и второй выпуски выдержали три издания, третий и четвертый – два). В приложении к первому, второму и восьмому выпускам были даны примечания с публикацией сказок из малодоступных изданий и их вариантов. Второе издание сборника, подготовленное А.Н. Афанасьевым вышло уже после его смерти в 1873 г. в четырех томах; третье – в 1897 г. в двух томах под редакцией А.Е. Грузинского; чевертое – в 1913–1914 гг. в пяти томах под редакцией А.Е. Грузинского; пятое – в 1936–1940 гг. в пяти томах под редакцией М.К. Азадовского, Н.П. Андреева и Ю.М. Соколова; шестое – в 1957 г. в трех томах под редакцией В.Я. Проппа. В 1859 г. А.Н. Афанасьев выпустил сборник «Народные русские легенды» (изд. 2-е, Казань, 1914). Позднее, без указания года и фамилии составителя, в Женеве был издал еще один сборник А.Н. Афанасьева – «Русские заветные сказки» (первоначально озаглавленный составителем «Народные русские сказки не для печати»), куда вошли широко распространенные антипоповские сказки. Сборник «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева сразу же приобрел европейскую известность. Отметим, например, что английский ученых Ральстон именно из него позаимствовал материалы для своих сборников «The songs of the Russian people» – «Песни русского народа» (Лондон, 1872) и «Russian folktales» – «Русские народные сказки» (Лондон, 1873). – См.: Л. Леже. Славянская мифология. Воронеж, 1908, с. VII, примечание.

Прежде всего Александр Николаевич Афанасьев ставит проблему происхождения мифа и методов его изучения. Проблема эта не была новой для русских мифологов, в частности и для Ф.И. Буслаева. Однако Ф.И. Буслаев, как мы знаем, ставил ее в самом общем плане не касаясь самого предмета мифотворчества. Между тем именно это становится предметом научных разысканий А.Н. Афанасьева.

Возникновение мифов Александр Николаевич Афанасьев теснейшим образом связывает с историческим развитием языка. Вот что мы читаем уже на первых страницах его книги:

«Богатый и, можно сказать, единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями. Чтобы показать, как необходимо и естественно создаются мифы (басни), надо обратиться к истории языка» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 5].

В истории же любого языка, говорит А.Н. Афанасьев, различаются два периода: период образования, постепенного сложения (развития форм) и период упадка и расчленения (превращений). Язык начинается с образования корней или тех основных звуков, в которых первобытный человек обозначал свои впечатления, производимых на него предметов и явлений природы. Такие корни и звуки выражали признаки и качества общие для многих предметов, поэтому употреблялись для обозначения каждого из них. Различные предметы, сходные по отдельным признакам, сближались в представлениях человека и получали одинаковые названия или названия, производимые от корня. С другой стороны, каждый предмет мог вызывать многие впечатления и получал свое полное определение лишь во множестве синонимических выражений. Но каждый из этих синонимов мог обозначать какие-то качества других предметов и таким образом связывать их между собою. Именно здесь, по А.Н. Афанасьеву, и кроется богатый родник метафорических выражений, которые впоследствии послужили поводом к созданию целого ряда мифических сказаний.

В своем историческом развитии мифы подвергались значительной переработке. Этот процесс представляется Александр Николаевич Афанасьеву

в следующем виде. Сначала идет раздробление мифических сказаний, вызванное географическими и бытовыми условиями. Следующий момент – сошествие мифов на землю и прикрепление их к известной местности и к историческим событиям. С утратой настоящего значения метафорического языка старинные мифы стали пониматься буквально, и А.Н. Афанасьев об этом пишет так:

«боги мало-помалу унизились до человеческих нужд, забот и увлечений и с высоты воздушных пространств стали назводиться на землю, на это широкое поприще народных подвигов и занятий» [Афанасьев1865–1869, т. I: 13].

Последний этап в историческом развитии мифов – их нравственное мотивирование. С возникновением государственных центров происходит канонизация преданий, причем уже не в народной сфере, а в кругу избранных жрецов, ученых и поэтов, которые приводят предания в хронологическую последовательность и связывают их в стройное учение о происхождении мира, его кончине и судьбах богов.

Большая часть мифических представлений индоевропейских народов восходит, по А.Н. Афанасьеву, к отдаленному времени ариев. Выделяясь из общеи массы родоначального племени и расселяясь по дальним землям, народы, вместе со словом, уносили с собой и сами воззрения и верования. Отсюда и необходимость их сравнительного изучения. Сравнительная филология открывает нам мир доисторический, дает надежное средство разгадать древнейшие нравы, обычаи и верования, и «свидетельства ее тем драгоценнее, что старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 17].

Только путем сравнительного изучения, подчеркивает Александр Николаевич Афанасьев, можно доискаться действительных корней слов и определить круг понятий и сам быт народ.

Таковы, по А.Н. Афанасьеву, процесс образования мифов и метод их научного изучения. В своих основных чертах они были разработаны ученым уже в его первых фольклорно-этнографических статьях и заметках.

Позднее Александр Николаевич Афанасьев познакомился с трудами западноевропейских ученых – М. Мюллера, А. Куна, В Шварца и других и, как он сам заявил об этом в послесловии к первому тому «Поэтических воззрениях славян на природу», многое уточнил в своих построениях, приняв основные выводы названных исследователей. Также хочется отметить, что заглавие книги А.Н. Афанасьева почти полностью повторяет заглавие немецкого исследования В. Шварца «Die poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer und Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie» – «Поэтические воззрения на природу греков, римлян и немцев в их отношении к мифологии» (1864). Речь идет прежде всего о лингвистической теории мифа английского ученого Макса Мюллера, согласно которой причины возникновения мифов лежат в историчекой жизни языка, точнее в процессе постепенного забывания первоначального смысла слов. На первый вгляд, мифологическая концепция А.Н. Афанасьева принципиально ничем не отличается от теории М. Мюллера. Между тем – между концепцией А.Н. Афанасьева и М. Мюллера имеется существенное различие. Так, А.А. Котляревский, указал на вполне самостоятельный подход русского ученого к проблеме происхождения мифа,[60] заметил, что Александр Николаевич Афанасьев расходится с М. Мюллером во взгляде на характер поэтической метафоры.[61]

Наряду с проблемой происхождения мифов А.Н. Афанасьев ставит и другую важную проблему, а именно о сущности древних мифологических представлений. Он принимает так называемую «метеорологическую» теорию немецких ученых А. Куна и В. Шварца.[62] В этом направлении идет и А.Н.

---

[60] В вопросе о происхождении мифических представлений, говорит А.А. Котляревский, А.Н. Афанасьев сходится с М. Мюллером, по мысли которого вся мифология есть только следствие «болезни языка». «Заметим, однако, что к такому убеждению г. А.Н. Афанасьев причел не вследствие знакомства с теорией М. Мюллера, но путем совершенно независимым и гораздо прежде европейского санскритолога: он проводит эту мысль еще 15 лет назад во многих своих статьях по мифологии, и теперь, получив поддержку со стороны европейского ученого авторитета, автор высказывается только с большею решительностью и определенно» [А.А. Котляревский 1889, т. II: 271].

[61] По М. Мюллеру, поэтическая метафора явилась вследствие лексической бедности древнего языка: не располагая достаточным запасом слов, язык вынужден был употреблять одинаковые термины и слова для обозначения различных предметов и впечатлений; по мнению А.Н. Афанасьева: метафора произошла вследствие сближения между предметами, сходными по производному впечатлению; она создавалась совершенно свободно, черпая из богатого источника, а не по нужде, не ради бедности языка.

[62] Наиболее полно и последовательно «метеорологическая», или «грозовая», теория была разработана в трудах В. Шварца, ученика и последователя А. Куна. В своей книге

Афанасьев, анализируя сущность поэтических воззрений человека на природу:

«Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения – вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека. Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся в бесчисленных формах, обусловливается силою света и тепла; без нее все замирает. Подобно другим народам, наши праотцы обоготворили небо, полагая там ее вечное царство; ибо с неба падают солнечные лучи, оттуда блистают и луна и звезды и проливается плодотворящий дождь» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 62].

Олецетворение именно небесных сил природы легло в основу самых разнообразных мифов, связанных не только с представлением об огне и воде, но и с представлениями, сохранившимися в славянской демонологии. Эти древние мифы не пропали бесследно. Значение их в истории народной культуры было весьма велико. Не только суеверные представления, но и вообще все поэтическое творчество индоевропейских народов, полагал А.Н. Афанасьев, развилось из древнейших мифов.

Однако Александр Николаевич Афанасьев, в отличие от Ф.И. Буслаева, не рассматривает самый процесс образования различных видов и жанров поэтического творчества из мифологии. Исходным для него является убеждение в том, что мифологические сказания лежат в основе всех произведений народной словесности – от богатырской былины до духовного стиха.

Древнее мифоческое сказание, утверждал он, лежит в основе эпических, богатырских песен. Влияние христианства и дальнейшей исторической жизни коснулось только их имен и обстановки, а не самого содержания:

«вместо мифических героев подставлены исторические личности или святые угодники, вместо демонических сил – названия враждебных народов, да в некоторых местах прибавлены позднейшие бытовые черты» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 46].

«Происхождение мифологии по материалам греческих и немецких сказаний» (1860) В. Шварц, например, утверждал, что такие стихийные явления, как гроза, всегда оказывалися важнейшим объектом содержания мифов. Именно эти явления, столь грозные и столь живые, встречаются в основе олицетворения сверхъестественных существ. Многие мифы, полагал В. Шварц, восходят к теме борьбы мрака и света.

Древнюю мифологическую основу обнаруживает ученый и в народных сказках. Обломки старинного метафорического языка сохранили для нас народные загадки, а отголоски древних мифов обнаруживаются, далее, в заговорах, приметах. Наконец, Александр Николаевич Афанасьев полагает, что полезные указания для разъяснения мифов могут дать духовные стихи: христианские мотивы в них, как правило, сливаются с древнеязыческими. Духовные стихи сложились под влиянием апокрифической литературы, но это не умаляет их важности, так как сами апокрифы явились как «необходимый результат народного стремления согласить предания предков с теми священными сказаниями, какие водворены христианством» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 50].

При исследовании всего этого разнообразного поэтического материала, как и при исследовании древних мифических сказаний, необходим сравнительный метод.

Таковы основные положения мифологической теории А.Н. Афанасьева. Нетрудно заметить в построениях ученого известное сходство с концепцией основоположника русской мифологической школы Ф.И. Буслаева. Да это и понятно: А.Н. Афанасьев ведь и выступил как ученик Ф.И. Буслаева. Поэтому гораздо важнее выяснить то новое, что он внес в мифологичеслую школу. Как уже мы упоминали выше, Александр Николаевич Афанасьев впервые в русской науке поставил вопрос о происхождении древних мифических представлений в тесной связи с историчеким развитием языка и мышления, создав стройную теорию происхождения мифологии. Важно отметить, что основные положения этой теории были сформулированы А.Н. Афанасьевым самостоятельно, задолго до появления аналогических теорий в заподаноевропейской науке. Далее он выдвинул проблему сущности мифов и их историчекого развития и привлек для доказательства своих положений такой громадный фактический материал, что его книга сразу же стала значительным явлением не только в русской, но и в мировой науке.

Ко времени, когда Александр Афанасьевич Потебня обратился к проблемам народного творчества и мифологии, Александр Николаевич Афанасьев был уже известным исследователем и публикатором фольклора.

В своих разысканиях по фольклору и мифологии ученый множество раз ссылался на работы А.Н. Афанасьева и неоднократно вступал с ним в полемику по различным вопросам. В ходе этой полемики А.А. Потебня сформулировал важные идеи о связи языка и мифологии, о происхождении и сущности метафоры, о соотношении поэтического и познавательного начал в мифологическом творчестве, о природе языческого заговора и его отличиях от молитвы.

Во время пребывания за границей в 1863 г. Александр Афанасьевич Потебня пишет книгу «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий». Отосланная в Москву еще в 1863 г., она была опубликована лишь спустя два года во 2, 3, и 4 книгах «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Исследование включало три части: «Рождественнские обряды», «Баба-Яга» и «Змей. Волк. Ведьма». По первоначальному замыслу книга должна была начинаться главой о языческих богах (на основе «Слова о полку Игореве» и других письменных источников), однако А.А. Потебня отказался от ее публикации, и она увидела свет лишь недавно, в 1989 году.

В исследовании отразились занятия А.А. Потебни санскритом, штудирование исследований по индоевропейской и германской мифологии Я. Гримма, А. Куна и В. Маннгардта, изучение сборников чешской и словацкой народной поэзии. В отличие от книги «О некоторых символах», в значительной степени основанной на материале славянских песен, здесь Александр Афанасьевич Потебня опирается главным образом на записи обрядов и поверий и на русские сказки.

В книге имеется множество интересных наблюдений и гипотез, которые позднее получили разработку в науке о фольклоре и славянской мифологии.

Но если в первой книге А.А. Потебни речь идет о символах в языке и народной поэзии, а во второй – теоретический характер, то в третьей – Александр Потебня пишет о мифологических предположениях. Книга А.А. Потебни во многом разделяла недостатки тех исследований по мифологии, которые представлялись тогда последним словом науки. Вслед за ранним В. Маннгардтом Александр Афанасьевич Потебня непременно желает видеть

языческих богов за любыми персонажами фольклорных произведений или христианского предания, а в этих языческих богах – воплощение природных явлений.

По своему методу книга А.А. Потебни весьма близка А.Н. Афанасьеву. Это отметил и сам А.А. Потебня в письме к А.А. Котляревскому от 3 января 1869 [см.: Айзеншток 1927: 165]. Хотя в этой своей книге он и выдвигал некоторые возражения А.Н. Афанасьеву, однако в целом разделял его мифологичекую теорию и следовал тем же приемам сведения фольклорных образов к «небесной мифологии», «мифологии природы».

Если говорить о «мифологической школе» в России, то к ней следует отнести прежде всего «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева (особенно первый том) и «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» А.А. Потебни. Но эта работа Александра Афанасьевича Потебни не стала его удачей ни по существу, ни по той роли, которую она сыграла в его научной биографии. Резко отрицательную оценку дал книге П.А. Лавровский, который опубликовал ее обстоятельный разбор. Книга была написана в качестве докторской диссертации, однако после рецензии П.А. Лавровского ученый совет Историко-филологического факультета Харьковского университета дал о ней негативный отзыв и диссертация была отклонена. Вторично А.А. Потебня защищал докторскую диссертацию лишь в 1874 году, в качестве текста он представил на этот раз 1-й том своего знаменитого труда «Из записок по русской грамматике».

Напомним, что Петр Алексеевич Лавровский и его брат Николай Алексеевич Лавровский были университетскими преподавателями Александра Афанасьевича Потебни и оказали влияние на формирование его научных взглядов. Потому рецензия П.А. Лавровского на книгу Потебни интересна главным образом как яркое антимифологическое сочинение. Не случайно, что отдельные критические заметки П.А. Лавровского позднее неоднократно повторялись – как по отношению к другим, более поздним работам А.А. Потебни, так и по отношеннию к тем ученым, которые продолжили традиции А.А. Потебни в XX веке.

П.А. Лавровский упрекал Александра Афанасьевича Потебню в личном

произволе и в желании во что бы то ни стало идти дальше и дальше «в постройке системы» [Лавровский 1866: 43], подгоняя факты под заранее данную схему. Об одном из положений А.А. Потебни П.А. Лавровский замечает, что «...такой вывод обязан единственно наперед задуманной систематизации и тому увлечению, которое стремится к данной точке, не замечая, что находится направо и налево» [Лавровский 1866: 96].

Также заслуживает особого внимания итоговая оценка П.А. Лавровского и вот, что мы читаем:

«Составляя отвлеченно или на подражание немцам и индийцам, идея служит для него (А.А. Потебни) надежнейшим руководителем и регулятором при обозрении разнообразных и перепутанных суеверий и обрядов славянских, из которых естественно выбирает он то, что подходит к предвзятой идее, и так чтобы не нерушалася образовавшаяся из нее картина. ... При таком направлении, конечно, не трудно сложить самую живую и увлекательную систему мифологии, но она будет стоять вне науки, которая не перестанет идти своим путем, строгим и точным, хотя и более медленным, зато несомненно прочнейшим и сумеет добится до итогов действительных, а не фантастических. Наука же эта твердит и теперь о том, как опрометчиво и опасно восходить исключительно по современным подробностям в поверьях к первоначальным мифам» [Лавровский 1866: 98].

Критический разбор П.А. Лавровского побудил Александра Афанасьевича Потебню в дальнейшем более осторожно относиться к своим исследованиям и высказываниям. По свидетельству Н.Ф. Сумцова, он «признавал основательность некоторых уроков П.А. Лавровского и принялся за другую диссертацию чисто лингвистического характера» [Сумцов 1904: 135].

Статьи А.А. Потебни 1865–1866 годов. выполнены на совершенно ином уровне, хотя сторонником «небеской мифологии» А.А. Потебня остался до конца своих дней. В 1880-х годах Потебня пересмотрел многие положения своих ранних работ.

Но вернемся к книге А.А. Потебни «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» в которой – как мы уже упоминали выше – активно использует собрание сказок А.Н. Афанасьева и его статьи «Ведун и ведьма» и «Зооморфические божества у славян». Поэтому здесь А.А. Потебня ближе к

Александру Николаевичу Афанасьеву, чем в каком-либо другом из своих сочинений. Например, и А.Н. Афанасьев, и А.А. Потебня анализируют духовный стих о Егории Храбром и при этом и тот и другой усматривают в лесе, горах и других элементах природного ландшафта лишь «разнообразные мифические представления грозовых облаков» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 699–703; см. также: Потебня 1865: 262–263].

А.А. Потебня вступает со своим старшим современником в полемику по поводу интерпретации образов Бабы-Яги, Огненного змея и ведьмы [Потебня 1865: 130–131, 233, 274–277, 287–291]. В частности, он оспаривает тезис А.Н. Афанасьева о том, что образы Огненного змея и ведьмы подверглись переосмыслению под влиянием христианства [Потебня 1865: 277, 287]. Однако сходство принципиальных позиций заметно даже тогда, когда А.А. Потебня полемизирует с А.Н. Афанасьевым.

Любопытно, что в некоторых вопросах А.А. Потебня даже выступал как более последовательный мифолог, чем А.Н. Афанасьев. Например, Александр Николаевич Афанасьев Бабу-Ягу «причислял к числу вещих жен, ведьм» [Афанасьев 1855, вып. 1: 84], а А.А. Потебня считал ее «одной из верховных богинь» славянского языческого пантеона, а вовсе не «существом человеческим» [Потебня 1865: 130–131].

Александра Николаевича Афанасьева и Александра Афанасьевича Потебню привлекают одни и те же проблемы и не случайно, что они используют аналогичные фольклорные тексты. Так, например, в «Поэтических воззрениях славян на природу» А.Н. Афанасьев приводит два варианта песни об олене-золотые рога из Московской и Саратовской губерний без указания источника [Афанасьев 1865–1869, т. I: 638–639]. А.А. Потебня в книге «О мифическом значении...» также помещает эту песню в своей записи из Пензенской губернии [Потебня 1865: 38].

Если еще учесть, что А.А. Потебня и А.Н. Афанасьев в значительной степени опирались на одни и те же сборники фольклорных материалов, то не вызовут удивления и многочисленные переклички между «Поэтических воззрениях славян на природу» и книгой «О мифическом значении...». Вообще эта книга была для Александра Николаевича Афанасьева настоящей находкой,

поскольку А.А. Потебня во время своей заграничной поезке пользовался некоторыми источниками на чешском и немецком языках, по-видимому, не доступными в Москве для А.Н. Афанасьева.

Можно с уверенностью утверждать, что в процессе написания «Поэтических воззрениях славян на природу» А.Н. Афанасьев глубоко изучил работы Александра Афанасьевича Потебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1860), «О связи некоторых представлений в языке» (1864) и «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865). Многочисленные ссылки на них встречаются во всех трех томах «Поэтических воззрениях славян на природу».

Ссылки на книгу А.А. Потебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии» А.Н. Афанасьев дает, указывая только фамилию автора: «Потебн.» Несколько раз А.Н. Афанасьев непосредственно апеллирует к мнению А.А. Потебни [Афанасьев 1865–1869, т. I: 558; т. II: 177; т. III: 377, 594] или вступает с ним в полемику [Афанасьев 1865–1869, т. III: 390–391].

К сожалению, ссылки на книгу «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» и на статью «О связи некоторых представлений в языке» оформлены таким образом, что только хорошо осведомленный читатель догадается о том, что имеются в виду сочинения А.А. Потебни: Александр Николаевич Афанасьев указывает выходные данные периодических изданий, в которых они напечатаны, но не называет фамилии автора. Например, ссылаясь на статью «О связи некоторых представлений в языке», А.Н. Афанасьев описывает источник следующим образом: «Филолог. зап.., год 3, III» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 140, 302; т. II: 386, 479]. Фрагмент о параллелизме между образами дерева и человека в «Поэтических воззрениях славян на природу» [Афанасьев 1865–1869, т. II: 478–479] представляет собой пересказ указанной статьи А.А. Потебни с добавлением новых примеров.

Аналогичным образом при ссылках на исследование А.А. Потебни «О мифическом значении» при описании источника указано только издание, в котором была опубликована книга, – «Чтения в Обществе истории и древностей российских», например: «Ч.О.И. и. Д. 1865, т. II, с. 82» [Афанасьев 1865–1869, т. I: 237 242, 383, 464, 485 и т.д]. Во втором томе «Поэтических

воззрениях славян на природу» А.Н. Афанасьев учитывает уже не только книгу А. А. Потебни, но и ее критический разбор, выполненный П. А. Лавровским [Афанасьев 1865–1869, т. II: 178; т. III: 588].

При работе над третьим томом «Поэтических воззрениях славян на природу» А.Н. Афанасьев активно использовал работы А.А. Потебни, опубликованные в 1867 г., главным образом его статью «О доле и сродных с нею существах». Ссылки на эту статью даются с указанием издания, в котором она помещена, например: «Труды моск, археол. Общ., в. II, 181» [Афанасьев 1865–1869, т. III: 115, 300, 397, 390–391, 406, 414]. Таким же образом, без указания автора, приводятся ссылки на две другие работы А.А. Потебни: «К статье А.Н. Афанасьева «Для археологии русского быта»» [Афанасьев 1865–1869, т. III: 556] и «О купальских огнях и сродных с ними представлениях» [Афанасьев 1865–1869, т. III: 492, 803–804]. Впрочем, в двух случаях при ссылках на статьи о доле и о купальских огнях названа и фамилия А.А. Потебни [Афанасьев 1865–1869, т. III: 723, 800]. Также можно заметить, что местами Александр Николаевич Афанасьев почти буквально пересказывает своего младшего современника. Приведем лишь два примера. Например, у А.А. Потебни читаем:

«У всех славян чеснок – необходимая принадлежность ужина накануне Рождества» [Потебня 1865: 305].

«...сыпанье по символическому значению вполне соответствует обливанью» [Потебня 1989: 345].

У Александра Николаевича Афанасьева написано:

«У всех славян он (чеснок) составляет необходимую принадлежность ужина накануне Рождества...» [Афанасьев 1865–1869, т. II: 571].

«В народных обрядах посыпание зерновым хлебом вполне соответствует обливанию водою...» [Афанасьев 1865–1869, т. II: 178].

Обращаясь к первой книге Александра Афанасьевича Потебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии», А.Н. Афанасьев привлекает семасиологические и этимологические наблюдения харьковского

ученого, берет у него тематические подборки славянской лексики. Впрочем, приводя те же лексические или фольклорно-этнографические материалы, что и А.А. Потебня, Александр Николаевич Афанасьев подчас дает им иную интерпретацию. Например, оба ученых описывали южнославянские обряды вызывания дождя (додола, прпоруше), опираясь главным образом на словарь сербского языка и сборник песен В. Караджича. Интерпретация А.А. Потебни имеет лаконичный характер и, с точки зрения мифологической, вполне оправдана: «...додола, молящая дождя и обрученная с облаком, есть земля» [Потебня 1989: 343].

Александр Николаевич Афанасьев на основе тех же данных дает обширную аллегорическую картину:

> «...по нашему мнению, додола, одетая в зелень и цветы и сопровождаемая толпою девиц, изображает богиню весны или, что то же, богиню-громовницу, шествующую над полями и нивами со свитою полногрудых нимф, за которыми стремительно гонятся в шуме весенней грозы Перун и его спутники, настигают их разящими молниями (=фаллюсом) и тем самым вступают с ними в любовный союз» [Афанасьев 1865–1869, т. II. 174].

Благодаря тому, что множество наблюдений раннего Александра Афанасьевича Потебни было использовано А.Н. Афанасьевым, харьковский ученый оказался впоследствии в двойственном отношении к своим собственным текстам 1860-х годов, т.к. читателям они были известны главным образом по их пересказу в «Поэтических воззрениях славян на природу». Характерно, что в поздней книге «Объяснения малорусских и сродных народных песен» А.А. Потебня нередко дает двойную ссылку – на свои ранние работы и на соответствующие страницы «Поэтических воззрениях славян на природу». Например, полемизируя с тем объяснением «овсеня», которое было предложено А.Н. Веселовским, Александра Потебня отмечает, что «...я и теперь не могу отстать от объяснения <...> предложенного в моем сочинении «О миф. знач. некр. обр.» М., 1865, 21 (откуда – Аф. П. В. III, 748)» [Потебня 1883–1887, т. 1: 41].

Особо интересная ситуации заключалась еще и в том, что со временем

Александру Афанасьевичу Потебне приходилось полемизировать сразу и с «Поэтических воззрениях славян на природу», и с самим же собой. Так, например, по поводу выражения «кликали плугу» А.А. Потебня пишет, что в книге 1865 г. оно было объяснено им «слишком поспешно», и прибавляет, не уточняя: «...то же у Аф. П. В. III, 748» [Потебня 1883–1887, т. 1: 45].

Принципиальная же полемика с Александром Николаевичем Афанасьевым содержится в поздних записях А.А. Потебни, опубликованных в книге «Из записок по теории словесности». В разделах «Миф и слово» и «Об участии языка в образовании мифов» Потебня учитывает и мнения других отечественных и зарубежных ученых – Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, Н.И. Кареева, А. Куна, М. Мюллера, Э.Б. Тайлора, Г. Штейнталя – однако основное внимание уделяет все же Александру Николаевичу Афанасьеву.

Хочется также отметить, что эти записи А.А. Потебни содержат принципиально важные положения о сущности мифического мышления, о соотношении мифа и поэзии, о влиянии языка на сложение мифов, причем во многих случаях не имеют прямых аналогов в других сочинениях А.А. Потебни и являются единственным источником, позволяющим судить о его взглядах.

Хотя Александр Афанасьевич Потебня делает многочисленные выписки из «Поэтических воззрениях славян на природу», его исследование все же нельзя считать критическим анализом точки зрения А.Н. Афанасьева во всей ее сложности и противоречивости. А.А. Потебня скорее отталкивается от тезисов ученого для лучшего осмысления собственной позиции, чем анализирует их.

От критического рассмотрения высказываний Александра Николаевича Афанасьева А.А. Потебня переходит к изложению собственных взглядов на соотношение мифа и поэтичекого образа, мифического и поэтического мышления. Он вносит принципиальное уточнение в саму постановку вопроса, вводя разграничение поьзии в широком и узком смысле слова.

«Миф принадлежит к области поэзии в обширном смысле этого слова», однако он отличен «от поэзии, понимаемой в тесном значении, позднейшем по времени появления» [Потебня 1905: 586–587].

Р А З Д Е Л 5
УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

5.1. Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский

Философия языка Александра Афанасьевича Потебни как нельзя лучше подтверждает, что посылки решения проблемы взаимоотношений человека и общества вытекают из психологического подхода к осмыслению проблем языка и мышления в свете накопленного русской и европейской наукой знаний, из ориентации на индивидуальную речь-мысль. Опыт лингвистических исследований всецело обусловил те философские выводы, к которым пришел ученый, а именно – об эволюции мысли человека от восприятия мира к его осмыслению. Этот вывод стал отправной точкой философско-лингвистического учения Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского (1853–1920), который среди «потебнианцев» в литературоведении начала XX века был самой видной фигурой и который идеям учителя придавал законченную логическую форму.

Мировоззрение Д.Н. Овсянико-Куликовского, бывшего в конце XIX–начале XX века не только лингвистом, но и весьма известным литературоведом, психологом, историком культуры, складывалось как позитивистское в несколько этапов: в период его учебы в Петербургском университете (1871–1873), в ходе пятилетнего пребывания за границей, а также в процессе научных занятий, которые были посвящены мифологии, по материалам которой он подготовил магистерскую и докторскую диссертации. Живя в Праге, в Париже, часто посещая Женеву, он тесно общается с радикальной молодежью, его увлеченное штудирование трудов О. Конта,[63] Г.

[63] Конт (Conte) Огюст (1798–1857) – французский философ, один из основоположников позитивизма. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом; наука по Конту познает не сущности, а только явления. Видвинул теорию трех стадий интеллектуальной эволюции человечества (теологическую, метафизическую и позитивную, или научную), определяющих развитие общества. Разработал классификацию наук по степени уменьшения их абстрактности. Основные его сочинения: «Курс позитивной философии» (т. 1–6, 1830–1842), «Система позитивной политики» (т. 1–4, 1851–1854).

Спенсера,[64] встречи с видными русскими позитивистами, и прежде всего с П.Л. Лавровым,[65] соединенные с научными исследованиями в области сравнительного языкознания, где особенно сильно было влияние психологизма и позитивистской методологии, не могли не оказать своего влияния на ученого. Он непоколебимо уверовал в социологию – науку наук, как тогда считали многие и ему казалось, что «она откроет законы социальной жизни и прогресса и тем самым даст человечеству возможность преодолеть все отрицательные стороны, все бедствия и недуги цивилизации» [Овсянико-Куликовский 1923: 23].

Находясь за границей, Д.Н. Овсянико-Куликовский познакомился с вышедшей в 1880 году книгой Г. Пауля[66] «Принципы истории языка», которая оказала существенное влияние на формирование его научного мировоззрения и прежде всего своей идеей – выведения фактов языка из индивидуальной психологии. Г. Пауль доказал, что в духовной жизни народа нет ни одного факта, который нельзя было бы вывести из индивидуального сознания.

Условия научной среды и своеобразие исторической обстановки в пореформенной России, когда шло формирование взглядов Д.Н. Овсянико-Куликовского как ученого, обусловили его симпатии к психологической трактовке лингвистических проблем. Еще до встречи с А.А. Потебней ученый говорил о «натуральном психологизме» своего мышления. Факты и явления, которые ему приходилось изучать, например, жизнь раскольников и сектантов, более всего интересовали его с психологической стороны. Кроме того, помимо Г. Пауля, Д.Н. Овсянико-Куликовский изучал труды и других западных психологов и позитивистов.

До встречи с Алексадрам Афанасьевичем Потебней научные занятия Д.Н. Овсянико-Куликовского носили бессистемный и разрозненный характер.

---

[64] Спенсер (Spencer) Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органичной школы в социологии. Развил механистическое учение о всеобщей эволюции, в этике – сторонник утилитаризма. Внес значительный вклад в изучение первобытной культуры. Его главный труд: «Система синтетической философии» (1862–1896).

[65] Лавров П.Л. (1823–1900) – русский философ, социолог и публицист. С 1870 года жил в эмиграции. Старонник идеалистического субъективного метода в социологии.

[66] Пауль (Paul) Герман (1846–1921) – немецкий языковед-германист, один из теоретиков младограмматизма, исследователь истории германских языков, автор словаря и грамматики немецкого языка.

Новый этап в его жизни связан с переездом в 1888 году в Харьков и знакомством с А.А. Потебней, что способствовало его самоопределению как ученого. Бóльшую часть преподавательской работы Д.Н. Овсянико-Куликовского проходила в стенах Харьковского университета, где он преподавал грамматику индоевропейских языков и санскрит и где до 1891 года читал свои лекции и А.А. Потебня.

Будучи уже сам профессором Д.Н. Овсянико-Куликовский с увлечением слушал лекции Потебни по синтаксису и теории словесности. Он основательно изучал его труды по философии и психологии языка, особенно выделяя из них «Мысль и язык», «Из записок по русской грамматике».

Вспоминая о знакомстве с Александром Афанасьевичем Потебней и о посещении его лекций Дмитрий Никоваевич Овсянико-Куликовский восторженно писал:

«Я уразумел, что в области науки мне следует заняться вопросами психологии языка, мысли и творчества, и, в связи с этим, обратиться к изучению эволюции синтаксических форм языка. Я сознал, что в литературе мне надлежит приняться за психологическое исследование творчества и творений великих писателей-художников и поэтов-лириков, преимущественно русских. <...> Я нашел свое место в науке и литературе» [Овсянико-Куликовский 1923: 38].

«Я усвоил основные научные идеи и метод великого ученого и решил попробовать свои силы над разработкой вопросов исторического и сравнительного сантаксиса в том же духе и направлении» [Овсянико-Куликовский 1923: 39].

«И когда я прослушал его, новый мир мне открылся... Я воспринял научный метод Потебни.» [Овсянико-Куликовский 1923: 171].

Результатом явилось несколько его работ, напечатаных в разных изданиях.[67] Но главным своим трудом Д.Н. Овсянико-Куликовский считал «Синтаксис русского языка» (1902). Второе, исправленное и дополненное издание этой книги в 1912 году удостоилось премии историко-филологического факультета Московского университета.

[67] Овсянико-Куликовский, Д.Н. «А.А. Потебня как языковед-мыслитель» – «Киевская старина», 1893; он же: «Язык и искусство». СПб., 1895; он же. «Очерки науки о языке. – «Русская мысль», 1896, №12; он же: «Синтаксические наблюдения». СПб., 1899 и др.

В критике и литературоведении Д.Н. Овсянико-Куликовский достиг гораздо бóльшего успеха, нежели в лингвистике. Оба эти его направления развивались параллельно, тесно переплетаясь между собой. Его научной и преподавательской работе в унивеситете с самого начала сопутствовала и литературная работа. Это его выступления в журнале «Слово», газетах «Одесские новости» и «Харьковские губернские ведомости». В последний период деятельности он целиком посвятил себя журналистике и литературоведению, в основном исследуя проблемы русской классической литературы.

Во многих своих работах Д.Н. Овсянико-Куликовский действительно стремился развить идеи А.А. Потебни, опираясь на его принципы. Наиболее это заметно в «Теории поэзии и прозы» (1907), где он характеризует литературу, как путь познания и принимает разработанную А.А. Потебней градацию поэтического и прозаического мышления. Однако делал он это очень по-своему, нередко более прямолинейно, чем Александр Афанасьевич Потебня, часто уходя в сторону от его метода. Особенно это касается сложной диалектики отношений между «поэзией» и «прозой» в человеческом мышлении. Порой у него между этими двумя видами мышления была такая резкая грань, что получалось, как будто они в человеческом сознании не столько взаимодействуют, сколько просто чередуются и выполняют различные функции [Овсянико-Куликовский 1909: 17, 19, 20].

Д.Н. Овсянико-Куликовский делил образы на типичные, символические и схематические и считал, что расположенные в таком порядке «эти виды образов могут быть рассматриваемы как ступени, ведущие от поэзии к прозе» [Овсянико-Куликовский 1909: 33–34].

Объясняя, что образ в ходе употребления может приобрести все более отвлеченный и обобщенный смысл, Д.Н. Овсянико-Куликовский несомненно следует мысли А.А. Потебни о возможности «стирания», «угасания» внутренней формы слова, о превращении «поэтического» в «прозаическое».

Но в отличие от своего коллеги А.А. Потебня в этих процессах допускал множество вариантов самого различного обратного перехода и движения от прозы к поэзии и указывал, что «постоянныя схема поэтического и

прозаического мышления идет без конца и назад, и вперед» [Потебня 1894: 124].

Очень интересно и глубоко сумел развить Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский идеи А.А. Потебни о принципиально важных функциях метонимии, синекдохи и сравнения в поэтическом мышлении и в искусстве слова. Также он высказал ряд важных соображений об изменении содержания поэтического образа в зависимости от контекста, в котором он возникает:

«Всякая перемена в значении или назначении образа, в роли, которую он играет, по необходимости отразится на его характере: он будет, как говорится, тот, да не тот» [Овсянико-Куликовский 1909: 85].

Это его размышление очень напоминает об изменении значения слова в зависимости от контекста у А.А. Потебни.

Преклоняясь перед А.А. Потебней как перед великим ученым, Д.Н. Овсянико-Куликовский все же не смог полностью охватить весь сложный комплекс филологических проблем, который был в исследованиях Александра Афанасьевича Потебни. Он увлекся, преимущественно, проблемами психологии творчества, и в этой области, опираясь на некоторые идеи А.А. Потебни, выработал свои методы рассмотрения и анализа литературных явлений, выдвигающие на первый план субъективные, психологические особенности характера писателя.

Мысль Александра Потебни о том, что идея художественного произведения – не нечто внешнее по отношении к нему, а наоборот, нечто неотделимое от него, принявшее законченный вид и совершенно оформившееся вместе с самим художественным произведением, легли в основу понимания Д.Н. Овсянико-Куликовским соотношений между реальностью, ее типами и идейным смыслом художественного произведения. Он выдвигал такую схему психологического творчества: от индивидуальных образов и впечатлений, обобщающих характерное, от типического осмысления действительности к выводам. [Овсянико-Куликовский 1911: 14–15].

В зависимости от психического склада ума самой личности писателя, Д.Н. Овсянико-Куликовский разделял их творчество на два вида: объективное и

субъективное. Деление это производится не на основе характера отражения реальной действительности, а на почве выяснения психологического механизма, который заложен в самой сущности писателя.

«Объективным я называю такое творчество, которое преимущественно (в своих лучших созданиях) направлено на воспроизведение типов, натур, характеров, умов и т.п., более или менее чуждых или даже противоположных личности художника. Создавая такие образы художник отправляется не от себя. Субъективным я называю такое творчество, которое преимущественно (в своих лучших созданиях) направлено на воспроизведение типов, натур, характеров, умов и т.п., более или менее близких, родственных или даже тождественных личности самого художника. Создавая такие образы, художник отправляется от себя» [Овсянико-Куликовский 1914: 27].

Разрабатывая частные положения научной концепции А.А. Потебни, психолого-литературоведческие исследования Д.Н. Овсянико-Куликовского, довольно далеко отходили от общих ее принципов и главных ее направлений. Кардинальные для А.А. Потебни проблемы соотношения и взаимосвязи мышления, языка и литературы вытеснялись у Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского более узкими проблемами осмысления образа как типического обобщения в сфере субъективной и общественной психологии.

Вслед за Александром Афанасьевичем Потебней Д.Н. Овсянико-Куликовский придавал огромное значение сотворчеству читателя в процессе художественного восприятия. В сущности именно отсюда идет все построения Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского, связанные с проблемами влияния на литературу общественной психологии, с характеристикой разных социально-психологических типов в истории литературы. Но здесь уже Д.Н. Овсянико-Куликовский далеко выходит за границы научного наследия А.А. Потебни. Он широко пользуется в своих исследованиях и работами других классиков русской филологической науки (Буслаев, Пыпин, Веселовский) и критическим опытом выдающихся критиков (Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев), а также трудами европейских психологов (Т. Рибо, В. Вунт, Л. Леви- Бруль и другие).

К значительным расхождениям с А.А. Потебней пришел Д.Н. Овсянико-Куликовский, развивая свои идеи об эмоциональном, бессознательном начале лирики. Здесь ему пришлось пойти на допущение, совершенно немыслимое для А.А. Потебни, что лирика могла возникнуть вне языка, до его развития. Отсюда у него вывод, что поэзия не имеет обязательной связи с языком, а, следовательно, и с познанием. Поэзия становилась в таких рассуждениях сферой подсознательного, свойственного психологии человека во все времена и эпохи. Здесь уже Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский начинал искать подкрепления своим идеям не столько у Потебни, сколько у различных эстетиков и психологов Запада.

Философские основания своего учения о языке Д.Н. Овсянико-Куликовский с наибольшей ясностью и полнотой изложил в «Очерках науки о языке» (1896). Свой выбор в пользу той или иной философкой позиции ученый определяет путем сопоставления монизма и дуализма. Принятое в философском дуализме выделение материи и духа как несводимых друг с другом субстанций не удовлетворяет его тем, что это представление, унаследованое от мифологического мышления, идет на убыль и как пишет Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский:

«на наших глазах происходит разложение понятия материи на понятие силы, а духа – на психические акты или процессы» [Овсянико-Куликовский 1896: 3].

Ученому больше импонирует монизм с его идеей единства всего сущего, с которым он связывает будущее науки.

Одним из наиболее существенных вопросов, который Д.Н. Овсянико-Куликовский разрабатывал в своем философско-лингвистическом учении, является проблема соотношения языкового и логического в мышлении человека. Ученый не довольствуется тем представлением, которое было унаследовано от И. Канта,[68] – о разделении слова и понятия. И хотя А.А. Потебня нанес решительный удар по логицизму в грамматике, Д.Н. Овсянико-

[68] Кант Иммануил (1724–1804) – в критической философии Кант выступил против догматизма умозрительной метафизики и скептицизма с дуалистическим учением о объективном источнике ощущений и познаваемых явлениях, образующих сферу бесконечного возможного опыта. Учение Канта об антимониях теории разума сыграло большую роль в развитии диалектики.

Куликовский счел необходимым вернуться к проблеме об отношении грамматических форм мысли к логическим, между которыми он осознавал прочную взаимосвязь.

Не противопоставляя грамматические формы логическим, Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский доказывает, что логические понятия развиваются при соответствующих грамматических категориях. Грамматика дает логике жизнь.

«Логика зарождается в недрах грамматического мышления и долго остается тесно связанной с ним» [Овсянико-Куликовский 1902: XIV–XV].

Обращение ученого к проблеме соотношения логики и языка рассматривается историками науки как отход от идеи А.А. Потебни [см.: Виноградов 1978: 104]. Вероятней всего это так, ведь несмотря на то, что Д.Н. Овсянико-Куликовский своей задачей считал обоснование взаимосвязи языка и мысли на основе психологического подхода, неразрывности слова и понятия.

А.А. Потебня неоднократно указал на то, что грамматика ничуть не ближе логике, чем любая другая наука. Это было выражением его законного протеста против смешения грамматики с логикой, против ее выведения из логики. Ведь одной из главных целей научной деятельности выдающегося языковеда было решение вопроса: как и куда развитие языка ведет человеческую мысль? Эту же цель преследует и Д.Н. Овсянико-Куликовский, который на основе потебнианского тезиса о «глагольности» строит доказательство того факта, что развитие человеческой мысли идет в направлении «большей отвлеченности, сознательности и рациональности» [Овсянико-Куликовский 1896: 16].

Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский выделил три формы развития языка и мысли: психологическая, словесная и логическая. Психологическая форма на основе учения И.М. Сеченова[69] предстает как этап

[69] Сеченов И.М. (1829–1905) – создатель русской физиологической школы, мыслитель-математик, член-корреспондент с 1869 г. и почетный член с 1904 г. Петербургской Академии наук. В классическом труде «Рефлексы головного мозга» (1866) обосновал рефлекторную природу сознательной и бессознательной деятельности, показал, что в основе психических явлений лежат физиологичекие процессы, которые могут быть изучены объективными методами. Труды Сеченова оказали большое влияние на развитие естествознания и материалистичекой философской мысли в России.

предметного мышления, которое предшествует языку. Мысль до языка, считает Д.Н. Овсянико-Куликовский, слагается из элементов совершенно конкретных, ее содержание наполнено конкретными образами и представлениями, но эта мысль, при всей своей элементарности, представляет собой психический процесс, а не физиологический.

Словесная форма, в отличие от психологической, представляет собой более сложное явление, где складываются грамматические формы (существительное, прилагательное, глагол со всеми формальными их определениями и т.п.), посредством которых говорящий приобретает способность квалифицировать явления, действия и т.п. Словесная форма также отличается изменчивостью, постоянным развитием, что на большом материале лингвистических исследований было доказано и А.А. Потебней.

Логическая форма мысли, возвышаясь над языком, суммирует предшествующие результаты развития в свете сознания и подчиняется уже не психологическим, а логическим законам.

Опираясь на идеи Александра Афанасьевича Потебни, ученый в своих работах «Очерки науки о языке», «Синтаксис русского языка» и другие показывает процесс преобразования грамматической мысли в логическую. Но цель, которую ставил перед собой Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский – доказать развитие логических форм мысли из грамматических, все же не была достигнута в полной мере. Уже в первых рецензиях, появившихся на его «Синтаксис русского языка», отмечается смешение автором логики с грамматикой.

Деятельность Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского, лингвиста и литературоведа – это дальнейшее развитие учения Александра Афанасьевича Потебни на новом этапе, с использованием достижений русских и европейских ученых в области лингвистики и литературоведения, а также и в области естественных наук.

5.2. Василий Иванович Харциев

Василий Иванович Харциев (1865–1937), которого Д.Н. Овсянико-Куликовский в своих воспоминаниях называл одним из самых способных и любимых учеников Александра Афанасьевича Потебни, сделал очень многое для популяризации идей своего учителя. Он лучше других знал архив Потебни, он фактически разобрал и подготовил к печати бóльшую часть неизданных и незавершенных его трудов.

В 1892 году в Харькове В.И. Харциев опубликовал обзор «Посмертные труды А.А. Потебни». В сущности это первое и наиболее полное описание архива, когда все бумаги были еще в том состоянии, как их оставил ученый, и ничего еще не было утрачено. В своем описании Василий Иванович Харциев упоминал, что среди бумаг А.А. Потебни имелись два конспекта его курсов теории словесности, относящихся к разному времени.

«Один из них составлен довольно полно самим Александром Афанасьевичем, другой, очевидно, одним из его слушателей» [Харциев 1892: 84].

Василий Иванович Харциев периодически выступал в сборнике «Вопросы теории и психологии творчества» со статьями, освещающими основные принципы поэтики А.А. Потебни. Он неоднократно подчеркивал, что не претендует на какую-то самостоятельную концепцию, а просто излагает положения своего учителя и «пытает скромную надежду вызвать интерес к мыслям великого ученого, остающимся до сих пор, благодаря независящим обстоятельствам, достоянием ограниченного круга лиц» [Харциев 1911: 398].

Действительно, бóльшая часть статей В.И. Харциева заполнена цитированием и пересказом из трудов А.А. Потебни. И хотя это цитаты шли, в большинстве случаев, без кавычек, а сами высказавания Потебни приводились иногда по памяти, статьи Василия Ивановича Харциева всегда давали больше содержательного материала, представлявшего идеи и гипотезы А.А. Потебни, чем выступления других потебнианцев. В.И. Харциев всегда старался подчеркнуть прогрессивность и новаторство научных концепций Александра Афанасьевича Потебни для своего времени. Он приводил в этих статьях

высказывания ученого, свидетельствующие о связях его философских и эстетических взглядов с идеями передовой мысли 60-х годов. Василий Иванович Харциев опирался здесь не только на материалы книги «Из записок по теории словесности», которую он готовил к печати, не только на свои студенческие записи, но и на конспекты курса теории словесности самого А.А. Потебни.

Самая содержательная и большая статья В.И. Харциева «Основы поэтики А.А. Потебни» (1910) имела подзаголовок: «По лекциям, читанным А.А. Потебней в конце 80-х годов, заметки бывшего слушателя». В этой статье Василий Иванович Харциев старался как можно полнее и добросовестнее воспроизвести лекции А.А. Потебни по теории словесности, передать особенности их строгого лаконизма, научной логики. Большая часть положений этой статьи совпала с опубликованными и архивными материалами А.А. Потебни. Однако отдельные мысли ученого были подвергнуты некоторой обработке, и при этом В.И. Харциев, как и другие потебнианцы, высказал некоторые свои взгляды на идеи ученого.

В изложении Василием Ивановичем Харциевым отдельные положения А.А. Потебни приобрели иной, прямолинейный характер, столь не свойственный его научным принципам; выдвигались и подчеркивались такие положения, которые для А.А. Потебни не были самыми основными и важными. Характерно, что в подкрепление своего толкования А.А. Потебни Василий Иванович Харциев не раз пытался ссылаться на параллели с Махом, Авенариусом, Освальдом. Причем, ход изложения иногда вел к тому, что и сам Александр Афанасьевич Потебня мог бы соглашаться с их взлядами.

5.3. Аркадий Георгиевич Горнфельд

Если крупным ученым среди теоретиков «психологического направления» был Д.Н. Овсянико-Куликовский, то самым ярким и талантливым критиком был Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867–1941). Еще

студентом-юристом Харьковского университета А.Г. Горнфельд начал посещать лекции Александра Афанасьевича Потебни, увлекся ими, сделался одним из его последователей. В дальнейшем А.Г. Горнфельд выступал как критик и публицист в журнале «Русское богатство» и быстро приобрел известность острыми и интересными статьями по актуальным вопросам литературного развития.

В своей статье «Будущее искусства» (1910) А.Г. Горнфельд разбирал вопрос о будущем искусства и считал, что сам спор о том, что более вечно – искусство или наука – обнаруживает односторонность и субъективизм спорящих, потому что искусство и наука всегда живут, пока живет человечество. Здесь А.Г. Горнфельд использовал некоторые мысли А.А. Потебни о взаимосвязи и взаимозависимости поэтического и научного мышления почти цитируя А.А. Потебню, Аркадий Георгиевич Горнфельд писал:

«Искусство есть мышление, искусство есть познание... В искусстве обобщается, приводится в систему то, что разрознено в мире. Оно отличается от научного познания не результатами, а приемами, не выводами, а методом. Художественная мысль так же обобщает жизненные явления, так же создает новые категории, так же индивидуализирует и типизирует, как мысль научная. Она идет при этом своим путем: осмысленная жизнь, идеальная закономерность бытия предстает перед художником не в виде закона, формулы, схемы, а в виде образа: индивидуального явления, вобравшего в себя общие черты ряда говорящего о типичном. Искусство и наука, поэзия и проза – равноправные и равноценные способы познать мир, определить свое отношение к нему – независимы в своей сфере» [Горнфельд 1910: 175].

Повторяя и развивая взгляды А.А. Потебни, А.Г. Горнфельд в этой статье тесно связывал искусство с жизнью, показывал, что поэтическое мышление постоянно формируется и развивается в языке и в народной поэзии. Отсюда его глубоко оптимистическая мысль о том, что «исскусство не роскошь, не забава, не сладкое блюдо, а необходимость: предпосылка культурного синтеза, того примирения личности с обществом, которое должно быть венцом новых форм человеческого общежития. Эти новые формы будут заполенены художественной жизнью; они принесут с собой небывалый расцвет искусства.

Ибо, когда элементарные жизненные потребности будут удовлетворены, запросы познания охватят с небывалой силой освобожденную мысль – и художественные пути познания займут достойное их мощи место в человеческой деятельности. В этом ограниченном смысле будущее несомненно принадлежит искусству» [Горнфельд 1910: 181].

Проблема психологических обстоятельств, при которых поэтический образ воплощается в слове, а затем воспринимается и живет в сознании читателей, часто затрагивается у Аркадия Георгиевича Горнфельда. У него можно встретить интересные размышления о жизни поэтического слова в структуре художественной речи, о особенностях стиля писателя, его самобытности, его таланта. На этом пути А.Г. Горнфельд также пытался развить ряд идей А.А. Потебни, но больше всего он уделял внимание проблемам соотношения стилистики писателя с поэтическими возможностями общенародного языка. И здесь ему не раз удавалось убедительно доказать, что поэтическое слово никогда не было и не могло быть всего лишь украшением мысли, что без опоры на общенародный язык вообще никакая поэзия невозможна. А.Г. Горнфельд напоминал, что «поэт, жаждущий «сказаться душою без слова», забывает, что без слова ему бы нечего было сказать, все богатство переливов души жизни, жаждущее выражения, не могло бы развиваться, если бы предыдущие состояния души не были закреплены в слове» [Горнфельд 1911: 190].

Отсюда его требование серьезного отношения к поэтическому слову, кропотливой работы над ним, отсюда же высокая оценка поэтики классиков литературы.

Резко противопоставляя научную методологию А.А. Потебни разным теоретикам символизма Аркадий Георгиевич Горнфельд считал, что в основах научной концепции Александра Афанасьевича Потебни –

«ключ к постижению важнейших сторон словесного художественного творчества. Можно без преувеличения сказать, что множество эстетико-теоретических споров не было бы без видимого результата и проведено у нас, если бы противники воспитаны в идеях Потебни, все более современных, все более утверждаетмых. Начав учится, наши символисты открыли для себя Потебню, <...>, который полвека тому назад <...> утверждал, что всякое искусство символично, другого быть не может.

Поэтика образа, поэтика символа, поэтика Потебни охватывает всякую другую и тщетны попытки включить ее в поэтику школы, заставить служить ее бедной содержанием теории, созданной apriori для определенных тех или иных литературных движений» [Горнфельд 1924: 62–63].

В духе А.А. Потебни вел А.Г. Горнфельд критику различных попыток упрощенного истолкования совершенности поэтических форм. Так же, как А.А. Потебня в свое время критиковал Пауля Гейза[70] за то, что тот пытается увидеть особое содержание, в каждом звуке, в каждой букве, которые взяты самими по себе, вне контекста, А.Г. Горнфельд очень резко выступает против «фонологических изысканий» в этом направлении, которые проводили теоретики символизма А. Белый, К. Бельмонт и другие.

Как и другим представителям «психологического направления», Аркадию Георгиевичу Горнфельду не хватило научного и философского кругозора, чтобы по-настоящему освоить и развить идеи А.А. Потебни. Он нередко увлекался цубъективно-идеалистическими толкованиями процессов человеческого мышления и творчества, а иногда сводил к таким толкованиям и концепции А.А. Потебни о восприятии поэтического слова.

В связи с этим А.Г. Горнфельд очень односторонне трактовал слова Аександра Афанасьевича Потебни о «символическом значении» образа и приходил к выводу, что образы, созданные художником, остаются неподвижными «бессмертными, пустыми формами, которые сменяющиеся поколения читателей заполняют новым содержанием, новым смыслом» [Горнфельд 1916: 11].

Но как мы знаем для А.А. Потебни слово и образ никогда не были «пустыми формами», и Аркадий Георгиевич Горнфельд, выдвигая такое определение, отходил от идей и рассуждений ученого. Но несмотря на это статьи А.Г. Горнфельда отличались эстетическим вкусом, меткостью оценок, популярностью изложения и стремлением к должной филологической обоснованности всех суждений о художественной речи.

---

[70] Гейзе (Heyse) Пауль (1830–1914) – немецкий писатель. Глава, так называемого, мюнхенского кружка (60–80-е гг.) поборников «чистого искусства» и культа красоты. Романы «Дети века» (1873), «В раю» (1875), а также свыше 100 психологических новелл, пьесы, лирические стихи, переводы. Лауреат Нобелевской премии (1910).

5.4. Дмитрий Николаевич Кудрявский

В начале XX века, когда особенно возрос интерес к творчеству А.А. Потебни и на научное поприще вступили Д. Н. Овсянико-Куликовский, В.И. Харциев, А.Г. Горнфельд, но наиболее верным и последовательным потебнянцем был Д.митрий Николаевич Кудрявский (1867–1920) – языковед, религиовед и историк-индолог, закончивший историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и был профессором Юрьевского (Тартуского) университета по кафедре немецкого и сравнительного языкознания.

Д.Н. Кудрявский настойчиво и неоднократно подчеркивал значение А.А. Потебни для развития науки о языке. В 1902 г. в связи с выходом «Синтаксиса русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского он писал А.А. Шахматову:

«Недавно появилась книга проф. Харьковского университета Д.Н. Овсянико-Куликовского под заглавием «Синтаксис русского языка», имеющая в виду «общедоступное изложение научного синтаксиса русского языка» в системе Потебни, и мне захотелось подвергнуть эту книгу серьезному разбору, чтобы защитить систему Потебни от некоторых возводимых на нее напраслин» [Архив АН России, ф. 134, оп. 3, №770, л. 1–2].

В рецензии Д.Н. Кудрявский резко возражал против тех положений, в которых автор отходил от системы А.А. Потебни. Делая уступку традиции, Д.Н. Овсянико-Куликовский, например, различал отдельные слова и слова в речи. Поэтому он считал, что слова обладают грамматическими формами независимо от предложения и лишь в процессе речи-мысли происходит переход грамматических форм в формы грамматико-синтаксические. Дмитрий Николаевич Кудрявский возражал:

«С точки зрения Потебни, к которой и мы вполне присоединяемся, такого различия проводить нельзя, так как дело представляется здесь совершенно превратно: можно говорить разве только о вырванных из речи отдельных словах, но и тогда не нужно забывать, что все те формы, которыми обладает «отдельное», т.е., вернее, вырванное слово, обязаны своим происхождением той самой речи в целом, откуда они

взяты» [Кудрявский 1902: 405].

Поэтому для него, как и для Александра Афанасьевича Потебни, связная речь является единственным объектом научной грамматики, а отдельное слово есть «искусственный препарат».

А.А. Потебню и Д.Н. Кудрявского объединяют следующие черты:

Протест против логицизма. У А.А. Потебни он был направлен против философской грамматики и логико-грамматических построений Ф.И. Буслаева. Деятельность Д.Н. Кудрявского относится к иному историческому периоду, когда в начале XX века единственно научным стал признаваться лишь формально-грамматический анализ языковых явлений, а логическое направление ограничивалось рамками школьной грамматики. Этим и объясняется большой разрыв между школьной и научной грамматикой и борьба между ними, что составляет характерную черту русского языкознания конца XIX – начала XX века. Поэтому критика Дмитрий Николаевич Кудрявского была направлена против школьной грамматики, с целью преодолеть ее консерватизм и перевести на новые научные основы.

Стремление объяснять языковые явления, исходя из них самих. А.А. Потебня постоянно призывал искать различия между грамматическими категориями «не в содержании, а в способе его представлять» [Потебня 1958: 88]. Д.Н. Кудрявский всегда подчеркивал:

«Чтобы объяснить какое бы то ни было явление, мы должны его исследовать, должны в нем самом искать указаний на причины, его вызывающие и обусловливающие» [Кудрявский 1912: 26].

Строгое проведение исторической точки зрения, что по мнению А.А. Потебни «...понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выделенное из всегдашних свойств человеческой мысли. Напротив, даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются» [Потебня 1958: 82].

Поэтому необходимо, по мнению Д.Н. Кудрявского точно устанавливать

ряд последовательных значений форм и не смешивать современный аспект с историческим. Наиболее сильной стороной учения Александра Потебни он считал как раз последовательный историзм.

Стремление расширить рамки лингвистического исследования. У А.А. Потебни это расширение шло за счет привлечения данных поэтики, мифологии и народной словесности и установления связи между словом и художественным произведением, у Д.Н. Кудрявского – путем привлечения данных этнографии, мифологии и доисторической культуры. Основная мысль, которая проходит почти через все труды А.А. Потебни, – связь языка и мышления в их историческом развитии.

Вопрос об отношении мысли к слову неизбежно сталкивается с проблемой происхождения языка. Основную ошибку всех теорий происхождения языка А.А. Потебня видит в совершенном непонимании его прогресса:

«Упомянутые теории смотрят на язык, как на готовую уже вещь, и потому не могут понять, откуда он взялся. С этим согласно их стремление отождествлять грамматику и вообще языкознание с логикой, которой тоже чуждо начало исследования исторического хода мысли» [Потебня 1913: 22).

Сам А.А. Потебня исходил из необходимости слова для мысли, а именно для преобразования низших форм мысли в понятия. Тем самым вопрос о происхождении языка становится вопросом психологическим. Основу его составляют такие моменты, как психические явления, предшествующие языку, законы образования и развития языка, влияние языка на последующую психическую деятельность. Александр Потебня писал:

«Таким образом, в истории языка, в психологических наблюдениях современных нам процессов речи – ключ к тому, как совершались эти процессы в начале жизни, человечества» [Потебня 1958: 39].

Дмитрий Николаевич Кудрявский также считал проблему происхождения языка одной из главных лингвистических проблем. Все вопросы общего языкознания, по его мнению, «сходятся, как к центру, к вопросу о

происхождении языка» [Кудрявский 1912: 77]. Он рассматривает эту проблему во «Введении в языкознание», статье «О происхождении языка» (1912) и в рецензии на сочинение Э. Ренана «Происхождение языка» (1903).

Рассмотрев теории звукоподражания и междометий, Д.Н. Кудрявский показывает, что они не смогли правильно ни поставить, ни разрешить вопрос о происхождении языка, а лишь объясняли возникновение небольшого числа слов. Основной недостаток этих теорий заключался в том, что объяснением связи между звуком и значением они хотели объяснить происхождение языка.

Д.Н. Кудрявский, как и Александр Афанасьевич Потебня, считает, что человеческий язык представляет собой «высшую ступень развития тех зачатков, которые мы наблюдаем у других животных» [Кудрявский 1912: 115]. Поэтому он стремится показать, в каком направлении шло развитие и тем самым наметить пути перехода от звуков животных к человеческому языку. Для этого он прежде всего сравнивает язык человека со звуками животных и междометиями.

Далее Д.Н. Кудрявский сопоставляет междометие и слово. После этого он определяет основные этапы перехода звуков животных к человеческому языку, а далее пишет, что отличительным свойством человеческого языка является способность членораздельно выражать мысль, которой животные не могут овладеть ни при каких условиях.

Решение Д.Н. Кудрявским вопроса о переходе звуков животных в человеческие слова в значительной мере совпадает с гипотезой А.А. Потебни. Особенно ясно это совпадение, чувствуется в сопоставлении слов и междометий. Но у Дмитрия Николаевича Кудрявского гораздо сильнее подчеркнута роль социальных факторов.

Грамматическое учение А.А. Потебни возникло как протест, как реакция на логическую (философскую) грамматику. Эти грамматики, считавшие язык рационально организованной системой знаков, в качестве законодательного начала брали логические категории и по ним примеряли формы русского языка. Таким образом, получалось отвлеченное построение, отражавшее лишь скелет языка и отвергавшее все его специфические особенности. К середине XIX века значительных успехов достигло сравнительно-историческое

языкознание. Это направление в лингвистике своей задачей считало путем сравнения языковых факторов глубже проникнуть в их историю и тем самым полнее и лучше осветить их современное состояние. Поэтому и Александр Потебня прежде всего подробно останавливается на критике логического направления и выяснении отношений между логикой и грамматикой и с настойчивой последовательностью боролся против логицизма в языкознании. Он постоянно отстаивал право языка на самостоятельное изучение, всегда стремился объяснить языковые явления из них самих.

Дмитрий Николаевич Кудрявский, признавая язык всеобщим орудием мысли, постоянно подчеркивает его тесную связь с мышлением. Мысль, по его мнению, только тогда приобретает ясность и определенность, когда она выражена словом. Язык помогает формировать мысль, способствует ее дальнейшему развитию. Но рассматривая соотношение логических и грамматических категорий, он подвергает критике логическое направление, которое стремилось при помощи логики объяснять языковые явления.

По мнению Д.Н. Кудрявского, логика вообще не может объяснить природу языка, она почти не имеет с грамматикой никаких точек соприкосновения. Логика для всех людей только одна, а языков множество, и каждый из них имеет свою грамматику. Если бы логика могла объяснить языковые явления, то такой язык мог быть один. Основную ошибку сторонников логического направления Д.Н. Кудрявский видел в том, что они, изучая не явления языка, а законы логики, тем самым подменили объект исследования.

В основе грамматической системы А.А. Потебни лежат понятия слова и грамматической формы. Исходя из понимания языка как непрерывного словесного творчества, он считал главной и единственной формой его существования и развития живую речь. Поэтому основной единицей языка для А.А. Потебни было предложение, а слово функционирует только в составе речи, вне ее оно представляет собой «искусственный препарат». В речи слово может соответствовать только одному акту мысли и имеет не более одного значения. Малейшее изменение в формальном или вещественном значении слова делает его другим словом.

Но понимание слова как единства звука, представления (внутренней формы) и значения, говорит А.лександр Потебня, не исчерпывает всех его сторон. Слово в таких языках, как индоевропейские, осложнено еще грамматической формой, которая включает его в систему определенных грамматических категории. Звук, являющийся грамматическим средством, может теряться, но это не значит, что тем самым перестает распознаваться грамматическая категория.

Дмитрий Николаевич Кудрявский вслед за ученым также находит в слове три элемента, три составные части: а) звуковую форму, т.е. известное сочетание звуков, б) символ, или внутреннюю форму, т.е. предшествующее значение слова, которое употреблялось в качестве знака другого значения, в) значение слова.

Рассматривая соотношение внешней и внутренней формы, Д.Н. Кудрявский пишет:

«Если мы будем рассматривать слово в целом, то на значение его мы можем смотреть, как на содержание. Это значение всегда облечено в форму знака, т.е. внешнюю, воспринимаемую слухом форму. Второй элемент слова, символ, является тоже формальным элементом, но его формальность совсем иного характера. Здесь уже не звук, а представление является звуком другого представления, символом значения слова. Это уже не внешняя, а внутренняя форма слова» [Кудрявский 1912: 39].

Поскольку в речи, говорит Д.Н. Кудрявский, существуют не отдельные слова, а предложения, то этот процесс происходит только в составе предложения. С утратой внутренней формы уточняется значение слова, а вместе с тем точнее становится и выражение нашей мысли.

Вопрос о грамматической форме в трудах Дмитрия Николаевича Кудрявского остался неразработанным. Но, судя по его отдельным высказываниям (особенно в рецензии на «Синтаксис русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского), и здесь он полностью разделяет точку зрения Александра Афанасьевича Потебни.

Части речи Д.Н. Кудрявский определяет как «более общие грамматические категории, выходящие за пределы одного предложения и составляющие материал, из которого слагается предложение»

[Кудрявский 1912: 101].

Поскольку предложение является основной формой существования языка, то части речи также создаются в предложении, но получают самостоятельное значение и могут выполнять различные синтаксические функции.

В учении о частях речи Кудрявский придерживался взглядов А.А. Потебни. Но если для определений ученого характерен исторический подход, то Д.Н. Кудрявский, исходя из учебных целей своего «Введения в языкознание», дает их в синхронном плане.

Учение о предложении в русском языкознании от М.В. Ломоносова до А.А. Потебни строилось на логической основе. Поэтому типичным было определение предложения как суждения, выраженного словами. А.А. Потебня, стремясь дать грамматическое определение предложения, находил в нем два существенных признака. Во-первых, это предикативность, выражающаяся в глагольности, поскольку основной формой выражения сказуемого является глагол. Отсюда вытекает его утверждение, что предложение без глагола невозможно. Вторым существенным признаком предложения А.А. Потебня считал то, что в него входят части речи. А так как в языке нет ни одной неизменной категории, то вместе с их изменением изменяется и то целое, в котором они возникают и развиваются,– предложение. Отсюда А.А. Потебня делал вывод, что невозможно дать общее определение предложения, пригодное для всех языков и всех периодов развития языка, что необходимо на значительном протяжении времени давать ряд определений.

В учении о предложении Д.Н. Кудрявский также следовал за А.А. Потебней. Это сказалось прежде всего в отрицании логического и психологического определения предложения. Он писал:

«Все приведенные определения почти совершенно забывают о том, что предложение есть форма выражения нашей мысли. Ясно, что и определение предложения должно быть формальным» [Кудрявский 1912: 98–99].

Считая, формальную сторону самой существенной, приходит к выводу, что нельзя определить предложение, не описывая его частей. Это приводит к тому, что он, как и Александр Афанасьевич Потебня, отказывается дать общее

определение предложения. Но, в отличие от ученого, Дмитрий Николаевич Кудрявский находит в предложении только один существенный признак – то, что в него входят части речи. Он возражал против господствовавшего тогда в языкознании учения о глагольности как основе предложения. Д.Н. Кудрявский писал:

«Мне кажется, что такие предложения без глагольного сказуемого имеют одинаковое право, на существование, как и предложения безличные. Они особенно уместны в описаниях, где достаточно простых имен существительных и, прилагательных и не чувствуется надобности в глагольной энергии. Этим определяется их сравнительно узкая сфера употребления. Но не признавать их предложениями, мне кажется, мы не имеем никакого права» [Кудрявский 1912: 113–114].

В этом отношении Д.Н. Кудрявский был прямым предшественником А.А. Шахматова, полностью отказавшегося от глагольности как основного признака предложения.

Основное противоречие во взглядах А.А. Потебни и Д.Н. Кудрявского на предложение было сказано уже А.А. Шахматовым. Указывая на то, что в работе «Психология и языкознание» Дмитрий Николаевич Кудрявский пришел к заключению о невозможности общего определения предложения, А.А. Шахматов писал:

«Я не могу согласиться с этим заключением. Если вообще определения могут найти, например, такие члены предложения, как подлежащее, сказуемое, то странно было бы, почему такое определение было бы невозможно для самого предложения» [Шахматов 1947: 319–320].

Продолжение идей А.А. Потебни в трудах Дмитрия Николаевича Кудрявского и других его последователей отражает определенный этап становления и развития, потебнянства – одного из ведущих направлений в языкознании.

Р А З Д Е Л 6
ВЛИЯНИЕ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ НА РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ

Явлением в русской поэзии на рубеже XIX–XX столетий был символизм. Он не охватывал всего поэтического творчества в России, но обозначил собой особый, характерный для своего времени этап литературной жизни. Веяния символизма чувствовалось уже в последние десятилетия девятнадцатого века.

Движение символистов возникло как стремление сказать в поэзии свежее слово, вернуть ей жизненную силу. Первой ласточкой символистического движения в России был трактат Дмитрия Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892). В тот же отрезок времени – в 1894–1895 годах – выходят три сборника «Русские символисты», в которых печатались преимущественно стихотворения их издателя – молодого поэта Валерия Брюсова.

Символизм возник в России не изолировано от Запада. На русских символистов в известной мере влияли и французская поэзии (Варлен, Рембо, Малларме), и английская, и немецкая, где символизм проявил себя в поэзии десятилетием раньше. Однако они решительно отрицали свою принципиальную зависимость от западноевропейской литературы, а искали корни в русской поэзии, считая, что символизм в мировой литературе существовал издавна. А тот факт, что символистическое течение, возникнув, не умерло, не исчезло, а развивалось, вовлекая в свое русло новые силы, свидетельствует о национальной почве, об определенных его корнях в духовной культуре России. Русский символизм резко отличался от западного всем своим обликом – духовностью, разнообразием творческих направлений, высотой и богатством своих свершений.

Уже к первым годам XX века символизм как литературное течение, как школа выделился со всей определенностью, во всех своих гранях. Его уже трудно было спутать с другимим явлениями в искусстве, у него уже был свой поэтический строй, свои эстетика и поэтика, свое учение. 1900 год можно

считать рубежом, когда символизм утвердил в поэзии свое особенное лицо, ведь именно в этом году вышли зрелые, ярко индивидуальные символистские книги: «Tertia Vigilia» («Третью стража») Валерия Брюсова и «Горящие здание» Канстантина Бальмонта.

Деятельность В. Брюсова, упорно и целеустремленно вырабатывавшего новые принципы художественного осмысления действительности, получает под собой твердую общественную почву. Валерию Брюсову пришлось пройти длительный путь самообразования, от первых незначительных его выступлений до организации журнала «Весы» и издательства «Скорпион», чтобы четко сформулировать те принципы, которыми должно, по его мнению, руководствоваться ныне словесное искусство. Он не отрицал прошлого русской литературы, он отдавал ему его должное и многим из прошлого пользовался, но он желал итди дальше, поскольку понимал, что наступала новая эпоха всемирной истории, которая властно требовала новых приемов творчества, – только они могли бы создать новый тип художественного самосознания. Но если бы В. Брюсов не окружил себя единомышленниками, среди которых были такие крупные фигуры, как К. Бельмонт, Ф. Сологуб, затем Вяч. Иванов, А. Блок, А. Белый, то успех не был бы столь ошеломителен.

Теоретики символизма в различных рассуждениях о «магии слова», о его многозначительной символичности и самоценности не раз пытались опереться на филологическое наследие Александра Афанасьевича Потебни, использовать его для научных подкреплений своей концепции художественного творчества.

Интеллектуализм А.А. Потебни очень импонировал Валерию Брюсову. Размышляя об основных тенденциях развития литературоведения и критики в начале XX века, В. Брюсов писал:

«По-видимому, новейшая критика решительно разрушает все до сих пор выставленные учения о конечной цели искусства, в том числе, и идущей от Аристотеля теорию «подражания» (mimesis), гегелевскую теорию «Красоты», шиллер-спенсеровскую теорию «бесцельной игры», сенсуалистичекую теорию особого «эстетического удовольствия» и теорию «общения», которую у нас отстаивал Л. Толстой. Таким образом, поле очищено для того, чтобы могла утвердиться теория,

выставленная А. Потебнею, об искусстве как особом методе познания» [Брюсов 1955: 207–208].

Валерий Брюсов довольно часто развивал положения А.А. Потебни о целосности и синтетичности образов искусства и аналитичности научных доказательств. Тезис о том, что поэзия и слово – познание, не раз выдвигалося Брюсовым как коренной принцип его эстетики. Найболее полно это проявилось в статье «Синтетика поэзии», где В. Брюсов трактовал понятие поэтического слова, контекста и идейного смысла произведения почти по Потебне, приводил его примеры, ссылался на его формулировки [см.: Брюсов 1955: 356–357].

Широко опирался Валерий Брюсов на научный авторитет А.А. Потебни в своей полемике с футуристами, где он выдвигал очень близкие Александру Потебне мысли о синтезе познания и творчества в поэтическом слове, в художественном образе [Брюсов 1911: 230]. Идеи А.А. Потебни о непреходящей ценности произведений народного творчества для развития литературы нашли косвенное отражение в активном протесте Валерия Брюсова против превращения поэзии «в какой-то гербарий прошлых веков», в его призывах к живой разработке традиций народного творчества (Брюсов 1912: 93). Однако потебнианство в тех аспектах, которые разрабатывал Андрей Белый, оставило Валерия Брюсова довольно равнодушным.

Одним из первых, кто понял, что символизм не есть только школа или литературное направление, а метод творчества, характеризующийся глубиной, неизвестной доселе образностью, потенциальными смыслами и объемными подспудными значениями, был именно Андрей Белый, который посвятил Потебне восторженую статью и заявил, что в своем осмыслении «внутренней формы» слова А.А. Потебня «приходит к той границе, где начинается уже исповедание символистической школы поэзии; русские символисты подписались бы под словами глубочайшего русского ученого, <...> это показывает, что русские символисты имеют под собой твердую базу» [Белый 1910: 575].

Поиски «твердой базы» для литературных теорий символизма очень заботили А. Белого, поскольку он оставил кроме стихов и прозы еще и целые

тома теоретических сочинений по символизму и считается главным его теоретиком.

Продемонстрировать приемы этого нового метода он стремился и в своих художественных произведениях, ориентируя их на то историческое время, на которое смотрел вслед за Валерием Брюсовым, как на важнейшую переходную эпоху всего мирового литературного процесса.

Такой новый взгляд на искусство требовал решительной перестройки всего художественного мышления. В основу его теперь были положены не реальные соответствия явлений, а соответствия ассоциативные. Андрей Белый писал:

> «Характерной чертой символизма в искусстве является стремление воспользоваться образом действительности как средством передачи переживаемого содержания сознания. Зависимость образов видимости от условий воспринимающего сознания переносит центр тяжести в искусстве от образа к способу его восприятия <...> Образ, как модель переживаемого содержания сознания, есть символ. Метод символизации переживаний образами и есть символизм» [Белый 1911: 258].

Тем самым на первый план выдвигается поэтическое иносказание как главный прием творчества, когда слово, не теряя своего обычного значения, приобретает дополнительно многосмысленное значение.

Превращение художественного образа в модель «переживаемого содержания сознания», то есть в символ, требовало переноса читательского внимания с того, что выражалось, на то, что подразумевалось.

Внимание поэтов новой школы сосредоточилось на символе как на единственно возможном поэтичеком средстве объединения неявно выраженного поэтичекого переживания с его проекцией на почву реальной действительности.

Символ служил в глазах поэтов символистической школы средством преодоления преград между явлением и его подлинной сущностью, между сущностью и видимостью, в конечном итоге – между искусством и действительностью, которая пройдя сквозь призму символического истолкования, выступает в своем глубинном значении и очищенном виде. В

ранней своей статье «Эмблематика смысла» (1909) Андрей Белый перечислил 23 понимания термина «символ», а дальше он говорил, что «подчеркнуть в образе идею – значит претворить этот образ в символ, и с этой точки зрения весь мир – «лес, полный символов», по выраженив Бодлера» [Белый 1910: 29].

Вообще, в европейском языкознании и философии языка существуют две тенденции, которые то сменяют друг друга, то вступают в открытое соперничество. Один подход можно назвать механическим, другой – органическим [см.: Кустова 1999**:** 387–411].

В конце XIX – начале XX века главным представителем органического подхода в России был А.А. Потебня. Как нам известно, ученый, вслед за В. Гумбольдтом развивал взгляд на язык, как на вечно живую познавательную деятельность. Согласно этой концепции язык не продукт, не средство передачи мысли, а творческая деятельность, орган образования мысли и развития человеческого самосознания, аналог художественного творчества.

А. Белый не просто был знаком с этим учением, не просто причислял себя к его сторонникам, а почти с просветительской, пропагандистской настойчивостью обсуждал и воспроизводил их в своих работах.

К учению Александра Афанасьевича Потебни Андрей Белый обращался дважды в конце 1900-х годов: в обширном комментарии к статье «Лирика и эксперимент», вошедшей в книгу писателя «Символизм» и в статье «Мысль и язык» (Философия языка А.А. Потебни).

В трудах А.А. Потебни Андрей Белый видел основу для создания теории искусства русского символизма, именно психологизм философии языка А.А. Потебни оказался той теорией, на которой А. Белый построил всю разветвленную систему историко-культурных аналогий между философией языка А.А. Потебни и романтическими философиями языка и творчества.

Как пишет в своей статье «Теория словесности А.А. Потебни и некоторые вопросы фалософии творчества русского символизма» Анна Хан, что согласно концепция культуры символизма в изложении А. Белого, «культура превращает теоретические проблемы в практические; она заставляет рассматривать продукт человеческого прогресса, как ценности; самую жизнь превращает она в материал, из которого творчество кует ценность» [Белый

1910: 10], и если брать статью Андрея Белого о А.А. Потебне как программный документ русского символизма, то значение теории Александра Афанасьевича Потебни для Андрея Белого пражде всего состоит в пророческой силе его лингвистических концепций, в том, что он почти за полвека до канонического периода русского символизма предвещал основные тезисы символистской теории творчества [Хан 1985: 180].

Согласно теории словесности А.А. Потебни на внутренней структуре каждого слова лежит отпечаток вечной живой познавательной деятельности становления мысли, рождающей новые понятия путем сопоставления вещей, т.е. собственно образно-метафорическим путем.

Одна из основных идей Андрея Белого – идея изменения, где он вслед за А.А. Потебней развивал мысли о поэтическом богатстве языка, о гибких и многогранных формах образности слова, использованного в переносном смысле различными вариантами разговорной и художественной речи. Но здесь как теоретик в статьях А. Белого выступал больше сам А.А. Потебня, поскольку Андрей Белый не скрывал, что весь материал по этим вопросам заимствован им у А.А. Потебни или «приводится по Потебне» (Белый 1910: 582–584). Но уже совсем по-своему трактовал Андрей Белый его (Потебни) положение о жизни «внутренней формы» слова и о «пробуждении» содержащегося в нем образа. Опираясь на высказывания Александра Афанасьевича Потебни о том, что в слове возможно óбразное и безóбразное состояние А. Белый развивал свою теорию «живого» (óбразного) и «мертвого» (безóбразного) слова и считал, что слово живой организм:

«Слово, образ – подобно живому человеческому существу; оно творит, влияет, меняет свое содержание. <> Живое слово (слово-плоть) – цветущий организм» [Белый 1910: 436].

И, подобно всякому живому организму, оно проходит определенный жизненный путь: от живого образного слова, творческого поэтического состояния к «прекрасному и мертвому кристалу» [Белый 1910: 436], таким по определению Андрея Белого, является слово-термин. В поэтическом преломлении этой идеи на первый план выходит ценностный аспект: мертвые

слова отравляют общение, «Заражают нас трупным ядом», «ослабляют силу нашего творчества... и силу нашего познания» [Белый 1910: 436–437]. И теперь это уже требование: постоянная замена мертвых слов на образные живые – в результате чего происходит непрерывное обновление языка. «Новое творчество», «создание новых слов», «световой поток новых словесных значений» [Белый 1910: 435] – важнейшие характеристики естественного языка как живого явления, свидетельство и доказательство того, что он живой.

Другая важная для Андрея Белого идея – творческий характер общения:

> «Всякое общение есть живой творческий процесс... Цель общения – путем соприкосновения двух внутренних миров зажечь третий мир, нераздельный для общающихся и неожиданно углубляющий индивидуальные образы души. <> Живая образная речь зажигает наше воображение огнем новых творчеств» [Белый 1910: 435].

И в этом выражении сходятся теоретики, в остальном весьма далекие по своим воззрениям: и А.А. Потебня (непосредственный источник Белого), и М.М. Бахтин, и Ю.М. Лотман. Неважно, что многие положения Андрея Белого – это в своей основе вполене добросовестный пересказ Александра Афанасьевича Потебни. Важно то, что Андрей Белый сознательно и настойчиво присоединяется именно к этой языковой теории, а также еще важнее то, какие акценты он в ней расставляет. И если внимательно рассмотреть эти моменты, то окажется, что в его теории центральное место занимает не язык, и даже не слово, а магия слова.

Магия – одно из самых любимых определений Андрея Белого. Отсюда у него абсолютизация творческого значения звуков и их форм в слове, подход к слову как к магическому заклинанию. И если А.А. Потебня в результате основательного анализа самых различных проявлений веры в магию слова пришел к выводу, что такая вера – выражение мифологического «донаучного» мышления (Потебня 1905: 389–399), то А. Белый стремится отыскать «научный» ключ к магии слова, ведь это важная часть вообще его мировозрения, включая и отношение к творчеству, и отношение к миру: мир враждебен, а магия слова – оружие, защита от мира:

«Стремясь назвать..., я в сущности, защищаюся от враждебного, мне непонятного мира, напирающего на меня со всех сторон: звуком слова я укрощаю эти стихии; процесс наименования ... есть процесс заклинания; всякое слово есть заговор; заговаривая явления, я в сущности покоряю его... < > Неспроста магия признает власть слова. Сама живая речь есть непрерывная магия...; словом я подчиняю явления, покоряю его; творчество живой речи есть всегда борьба человека с вреждебными стихиями, его окружающими; слово, зажигает светом победы окружающий меня мрак...< > образ – оружие, которым мы проницам тьму» [Белый1910: 430–431, 435].

Далее по словам Андрея Белого мир не только враждебен, но и бессмыслен:

«Слово связывает бессловесный мир, незримый мир, который роится в ... глубине моего сознания, с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создает новый, третий мир – мир звуковых символов» [Белый 1910: 430].

Таким образом, слово не выражает смысла, который есть в мире, а создает смысл, а также слово защищает и, наконец, слово создает сам мир. Идея вреждебности мира и слова как орудия, идея подчинения и покорения вещей и явлений с помощью слова – это идея именно магии.

Андрей Белый, будучи последователем В. Гумбольдта и А.А. Потебни, признавал упадок языка, угосание внутренней формы и призывал к возрождению языка, к погружению в стихию языка. Для Андрея Белого стихия языка, его суть, природа – это постоянно сменяющиеся образы. И даже под смертью (угасанием) внутренней формы он понимает выветривание образа, которое мешает творческому самовыражению. Главная идея Андрея Белого – обновление языка: в этом жизнь, в этом эволюция. Лексические же рецепты обновления языка, предлагаемые Андреем Белым, – эта метафора, то есть рецепт, вполне тредиционный и вполне предсказуемый для поэта-символиста.

Для Белого, как и для многих символистов, особый интерес представляли мысли Потебни о роли мифа в языке и поэзии. Раздумывая о путях развития мышления и языка, А.А. Потебня намечал такую последовательность: от мифа к поэзии, от поэзии – к науке. При этом поэтическое и научное мышление не

исключают друг друга, а развиваются в непрерывном взаимодействии и взаимообогащении. А.А. Потебня, хотя и считал возможным включить мифологическое мышление в процесс такого взаиморазвития и взаимообогащения, всегда оговаривал, что мифологические представления осознаются в искусстве уже не в буквальном их смысле, а как поэтическая условность, как образный символ. Говоря о том, что поэтическая содержательность слова, его образность может базироваться на реликтах каких-то мифологических представлений, и указывал, что в современном языке и сознании живут многие первобытные образы, а далее Александр Афанасьевич Потебня подчеркивал, что воспринимаются они и используются в речи как привычная метафора и совсем не выражают веры в буквальный свой «мифологический» смысл. Андрей Белый же поворачивая весь богатый материал наблюдений и раздумий А.А. Потебни о сущности мифологических представлений в языке в обратную сторону и ссылками на А.А. Потебню стремился подкрепить свои призывы о необходимости «оживить» магию слова, вернуть ему первозданное значение мифа.

Для Андрея Белого весь его творческий путь также был связан с исследованием того, как в ритме выражается индивидуальность поэта.

В статье с характерным названием «Лирика и эксперимент» (1910) А. Белый оспаривает общепринятое мнение, что систематическое изучение поэтической техники вовсе не является для художника слова обязательным.

«...Композитор, прошедший теорию контрапункта, – явление нормальное, – сетует он, – поэт, углубленный в изучение вопросов стиля и техники, в глазах русского общества – почти чудовище» [Белый 1910: 237].

Отбрасывая эти суждения, Андрей Белый посвящает себя, говоря его собственными словами «сравнительной морфологии ритма» [Белый 1910: 331] и первым из современных исследователей русской поэзии сосредоточил внимание на ритмической вариативности. Его первым результатом этой смелой попытки стал ряд статей об эволюции русского четырехстопного ямба от М. Ломоносова до символистов, вошедших в знаменитую книгу Андрея Белого «Символизм» [Белый 1910: 286–330; 331–395]. Эти статьи глубокого и

подробного анализа русской лирической поэзии стали, большим шагом вперед по сравнению с устаревшими хрестоматийными подходами к метрике. Путем скурпулезного анализа целого ряда ритмических структур А. Белый показал, что даже внешне «правильный» стих, такой, как, к примеру, пушкинский четырехстопный ямб, не может обойтись без метрических перебоев. Эти отступления от схемы, утверждает Андрей Белый, слишком многочисленны, чтобы их можно было рассматривать как исключения. Они представляют собой слишком органичную часть ритмической канвы многих поэтических шедевров, чтобы их можно было списать на ошибки, на какие-то недоработки. Подобные отклонения от метра вовсе не уменьшают силы воздействия стиха, а наоборот, они делают ритмический рисунок более разнообразным.

Тесная связь между этими теоретическими изысканиями и поэтической практикой русских символистов очевидна. Хотя в теоретическом обосновании и практическом применении «свободного стиха» русские поэты и не зашли так далеко, как их французские единомышленники, но такие выдающиеся мастера русского символизма, как В. Брюсов, А. Блок и Зинаида Гиппиус, разрабатывали так называемый дольник, в котором количество безударных слогов изменяется от строки к строке.

Пытаясь возвести поэтику в ранг точной науки, Андрей Белый даже прибег в изучении русского стиха к статистическим методам. Впервые он сделал это в «Символизме». Особенности ритмики каждого исследуемого поэта представлены в виде геометрических фигур и графических схем. Техника точной записи звука, изобретенная самим А. Белым и впоследствии усовершенствованная совместными усилиями его учеников (я имею в виду «Кружок ритмистов», основанный Андреем Белым в 1910 г.), явилась, важным шагом вперед.

«Статистические методы» Андрея Белого, хотя и значительно переработанные, впоследствии были использованы исследователями-формалистами, прежде всего Б. Томашевским и Р. Якобсоном.

Осмысление филологического наследия Александра Афанасьевича Потебни теоретиками символизма существенно трансформировало принципы ученого, отличалось от его подхода к языку, мышлению, фольклору и

литературе, но большой интерес представляет собой отзыв самого А.А. Потебни о степени научности теоретической мысли Владимира Соловьева. Говоря о попытке В. Соловьева вывести идею красоты из идеи света, А.А. Потебня с грустью заметил:

«Я берусь доказать ему с документами в руках, что он просто мифослагатель: он, не ведая ого, воскрешает стародавний миф, – это резкий пример ненаучного, нефилософского, отсталого мышления» [Овсянико-Куликовский 1923: 177].

Р А З Д Е Л 7
АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ И ШКОЛА РУССКОГО ФОРМАЛИЗМА

Отношения Александра Афанасьевича Потебни с представителями школы формализма можно назвать очень непростыми.

Совершенно определенную собственную интерпретацию получило учение Александра Афанасьевича Потебни о слове и образе в кругах теоретиков футуризма, из которых вышли люди, сыгравшие в дальнейшем видную роль в деятельности «Общества изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ) и в развитии русской формальной школы в 20-е годы.

Формализм складывался на рубеже двух столетий как некое завершение позитивизма в искусстве. Как школа формализм возник постепенно, и, как чаще всего бывает, именно те, на кого впоследствии ссылались ортодоксальные формалисты, не могут считаться представителями самой этой школы. У формалистов были использованы те или иные принципы, доведены до логического предела или абсолютизированы те или иные приемы освоения творчества и то, что у предшественников входило в более широкую систему, было вычленено из нее. Однако ничто не возникает на пустом месте. Ведь ссылки формалистов простираются до Канта, Гердера, В. Гумбольдта. Русский и западный формализм имеет свою специфику и развивается фактически во многом параллельно, но русский формализм зачастую пытаются представить обновленным вариантом, возникшей в конце XIX века, теории «искусства для искусства». С одной стороны, вопрос о сути и цели искусства был для русских формалистов далеко не главным. Горячие сторонники «неопозитивизма», они старательно избегали каких-либо философских предрассудков, касающихся природы художественного творчества; они не видели смысла в голословных рассуждениях о красоте и абсольюте.

Б.М. Эйхенбаум[71] в одной из ранних свих работ писал:

[71] Эйхенбаум Б.М. (1886–1959) – советский литературовед, доктор филологических наук. Его труды посвящены проблемам поэтики, написал исследовательские работы о М.Ю. Лермонтове и Н.В. Гоголе, а также труды посвященные философско-историческому и социальному анализам (труд о Л.Н. Толстом). Под его редакцией изданы сочинения русских классиков.

«Наш метод принято называть «формальным». Я бы охотнее назвал его морфологическим, в отличие от других подходов (психологического, социологического и т.д.), при которых предметом исследования служит не само художественное произведение, а то, «отражением» чего является оно по мнению исследователя» [Эйхенбаум 1922: 8].

«Морфологический» – не единственное определение, которое теоретики формализма давали своей методологии. В ходе полемики с ортодоксальными марксистами Б.М. Эйхенбаум заявлял:

«Мы не «формалисты», а, уж если угодно, – спецификаторы» [Эйхенбаум 1924: 3].

Два этих определения – «морфологический метод» и «спецификаторы» – очень точно передают две важнейшие и тесно взаимосвязанные отличительные черты русского формализма: внимание к литературному произведению и его составляющим и убежденность в том, что литературоведение должно стать независимой наукой.

Побудительной силой научной деятельности формалистов было стремление покончить с методологическим хаосом, царившим в традиционном литературоведении, привести эту отрасль знания в систему и выделить в отдельную, полноправную научную дисциплину. Формалисты были твердо убеждены, что литературоведению, которое до сегодняшнего дня считалось ничейной территорией, пришло наконец время определить свои границы и недвусмысленно обозначить предмет своего изучения.

Выполнению этой сложной задачи они себя и посвятили. Формалисты начали с утверждения, которое сегодня бытует почти повсеместно, что литературовед должен обращаться непосредственно к произведениям художественной литературы.

Однако для формалистских «спецификаторов» вышесказанное было недостаточно «специфично». Чтобы окончательно отделить литературоведение от примыкающих смежных дисциплин, таких, как психология, социология и история культуры, им казалось необходимым еще сильнее сузить это определение.

Таким образом, на повестку дня встал основной вопрос теории литературы: каковы отличительные черты художественной литературы и какова природа и сущность «литературности»? Почти все формалистские исследования в той или иной степени затрагивают эти вопросы.

В своих попытках разрешить перечисленные выше ключевые проблемы формалисты старались избегать традиционных ответов и готовых решений. Глубоко укоренившееся недоверие к психологии заставляло их избегать всех теорий, отталкивающихся от поэта, а не от поэзии. Теоретики-формалисты на дух не выносили таких понятий, как «интуиция», «воображение», «гениальность». Суть литературности, по их мнению, надлежало искать не в душе автора или читателя, но в самом произведении.

Однако, не приемля взгляда на художественную литературу с точки зрения сопутствующих ей психологических явлений, формалисты считали возможным стремление искать ключ к литературности в типе или характере человеческого опыта, заключенного в литературном произведении. Широко распространенное убеждение, что поэзия имеет дело с чувствами, ощущениями, а проза – с рациональными построениями, их совершенно не устраивало.

Релятивистский взгляд на литературные явления и пристальный интерес к литературным изменениям явились причиной того, что формалисты, в отличие от большинства представителей эстетической критики, с крайней осторожностью проводили границу между поэтическим творчеством и действительностью. Именно из-за этой осторожности, сочетавшейся с интересом к документальным жанрам, таким, как репортаж, автобиография, дневниковые записи формалисты никогда не провозглашали вымысел основным отличительным свойством художественной литературы.

По их мнению различие между литературой и нелитературой надлежало искать не в содержании, т.е. сфере действительности, к которой обращается автор, а в способе подачи материала. Однако, формалисты столкнулись с давно укоренившимся представлением, восходящим еще к Аристотелю, и в новое время подхваченным критиками. Это теория, которая объявляет использование образов главной отличительной характеристикой художественной литературы,

или поэзии в широком, аристотелевском смысле слова. Формалисты и критики, близкие к формализму, подвергли это представление пристальному рассмотрению.

Обращение формалистов к вопросам поэтической формы не было частным явлением. Кроме того, как указывает П. Медведев, автор работы о русском формализме, не было оно и явлением сугубо русским [см.: Медведев 2000]. В те годы западноевропейская наука все чаще и чаще обращалась к вопросам формы и перед первой мировой войной в странах Западной Европы начали в большом количестве появлятся публикации на эту тему.

Во Франции самым первым примером обращения к новому типу критики стал метод explication de textes, для которого характерно повышенное внимание к вопросам стиля и композиции. Этот весьма плодотворный, хотя и очень схематичный подход, завоевавший в начале XX века широкую популярность во французских школах и университетах, не предполагал принципиально нового взгляда на литературу и литературоведческую науку.

В Германии пробуждение интереса к формальному анализу получило гораздо более широкий методологический и эстетический резонанс. Возможно, причиной тому, послужило существование смежной научной дисциплины – искусствоведения, которая и дала толчок переориентации литературоведческой науки. Первыми немецкими формалистами стали музыковеды и искусствоведы, такие, как Э. Ганслик, А. Гильдебранд, В. Воррингер и Х. Вёльфлин.

Московская формальная школа[72] формировалась во времена господства

[72] Московская формальная (фортунатовская) школа, одно из ведущих направлений отечественной лингвистики конца XIX – начало XX века, которая возглавила борьбу против логицизма в синтаксисе, поставив во главу угла лингвистические критерии, а также сделала ряд открытий, имевших, по словам современников, эпохальное значение и оказавших большое влияние на европейское языкознание. Сформировалась школа при Московском университете в 1880–1890-е годы. Создателем школы был Филипп Федорович Фортунатов. В числе его старших учеников были Г.К. Ульянов, А.И. Томсон, А.А. Шахматов; последний в дальнейшем отошел от формальной школы. Позже у Фортунатова учились В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, которые, особенно двое первых, после ухода Фортунатова в 1902 из университета стали главными хранителями традиций школы. Их учеником, в частности, был М.Н. Петерсон, в свою очередь в течение нескольких десятилетий хранивший и отстаивавший принципы Московской формальной школы. Из школы вышли многие крупные лингвисты: Н.Ф. Яковлев, Г.О. Винокур, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, А.И. Смирницкий и многие другие, а также работавшие большую часть жизни за рубежом Н. Трубецкой и Р. Якобсон. Одним из ответвлений школы была Московская фонологическая школа. Перечисленные выше ученые шли каждый своим путем, выдвигали разнообразные концепции и часто выходили за

исторического подхода и младограмматизма.[73] Отдавая должное этим идеям, основоположник этой школы Ф. Фортунатов[74] выходил за рамки младограмматических концепций и исторического подхода в целом. Увлекавшийся математикой, он стремился к математической точности и в своих лингвистических исследованиях. Если большинство языковедов XIX века тяготели к рассмотрению языка в логических или психологических категориях, то Ф. Фортунатову было свойственно стремление изучать язык, исходя из собственно лингвистических критериев и по возможности не обращаясь к категориям других наук. Его научные интересы во многом лежали в области теории грамматики, где он стремился выявить общие законы грамматической структуры, не связанные с историческим развитием. Русский ученый занимался также типологией, сопоставлением строя языков независимо от их истории и родственных связей. Близкие подходы сохранялись у учеников Ф. Фортунатова, некоторые из них, особенно Н. Дурново, вдальнейшем непосредственно обратились к структурным методам.

Не отказываясь от исторических и сравнительно-исторических исследований, представители фортунатовской школы занимались синхронным изучением языков, прежде всего современных. Областью их специальных исследований были грамматика, позднее также фонология. Значительную роль в становлении и развитии идей школы сыграла деятельность Московской диалектологической комиссии (1904–1931), развернувшей активные исследования русских, украинских и белорусских диалектов.

Школа развивалась в полемике как с представителями старого исторического подхода и с марристами[75] так и с Петербургской

рамки фортунатовской школы, однако всегда оставались верны ее традициям.

[73] Младограмматизм – направление в европейском языкознании XIX – начала XX веков. Представители младограмматизма считали язык индивидуальной психофизиологической деятельностью, а изменения в нем объясняли более или менее случайными причинами; исследовали в первую очередь закономерности развития живых языков. Для младограмматизма характерен атомизм – отсутствие представления о языке как системе. Младограмматизм внес вклад в развитие сравнительно-историческое языкознания.

[74] Фортунатов Ф.Ф. (1848–1914) – русский языковед, академик Петербургской Академии наук с 1898 года. Основоположник московской лингвистической школы, сыгравшей большуь роль в развитии общего и сравнитель-исторического языкознания, в изучении русского языка (история, морфология, синтаксис). Написал труды по индоевропеистике, славистике, санскриту, проблемам общего языкознания, ведийской филологии. Заложил основы формальной грамматики.

[75] Марризм – совокупность гипотез об историческом развитии языка, выдвинутых в 1923

лингвистической школой И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, которая, также стремясь к новым подходам, в большей степени ориентировалась на связь лингвистики с другими науками – сначала с психологией, позже с акустикой и физиологией. Противники часто упрекали лингвистов фортунатовской школы в «формализме», а сами ее представители признавали первоочередной формы при лингвистическом анализе. Они стремились опираться на те признаки, которые не требуют обращения к интуиции и сомосозерцания. Примером расхождения позиций двух школ могут служить споры по вопросу о частях речи. Если для Л.В. Щербы части речи – прежде всего семантические классы, имеющие основу в психике носителей языка, то для представителей московской формальной школы (Петерсон, Кузнецов, отчасти Винокур) – это классы слов, выделяемые по формальным, морфологическим признакам: склонению – для имен существительных, спряжению – для глаголов и т.д.). Позже теоретические расхождения школ нашли свое дальнейшее выражение в спорах между Московской и Ленинградской фонологическими школами.

Становление структурализма в той или иной степени было воспринято многими представителями фортунатовской школы, особенно принадлежавшими к третьему ее поколению, а вышедшие из нее Н.С. Трубецкой[76] и Р. Якобсон[77] сыграли значительную роль в возникновении и

и в последующие годы академиком Н.Я. Марром и представлявших собой реакцию на кризис господствовавшего в XIX веке сравнительно-исторического метода. Сохранив представление о лингвистике как исторической науке, марризм сочетал в себе идеи В. фон Гумбольдта и других ученых о единых для всего человечества стадиях развития языков с рядом своеобразных теоретических положений Н. Марра. Согласно этим положениям, все человечество первоначально проходило этап языка жестов («кинетической речи»), затем произошла «звуковая революция» и язык приобрел звуковую форму. Первоначально речь состояла из четырех «диффузных выкриков» (*сал*, *бер*, *йон*, *рош*); затем эти «выкрики» членились на отдельные звуки, комбинировались и модифицировались, в результате чего получились слова всех языков мира. Разложение на элементы, соответствующие этим «выкрикам», по Н. Марру, предполагалось возможным и применительно к словам современных языков (элементный, или палеонтологический анализ). Считалось, что языки возникли независимо друг от друга, после чего проходили одни и те же стадии, развиваясь от морфологически простых к морфологически сложным типам; языки типа китайского при этом рассматривались как стадиально самые архаичные, а языки типа латинского, древнегреческого или санскрита – как самые развитые. Марризм отрицал выработанные сравнительно-историческим языкознанием представления о родстве языков, считая, что языки в ходе исторического развития не могут расходиться, а могут только сходиться («скрещиваться»). Считалось, что благодаря «скрещениям» количество языков все время уменьшается и в итоге должен сложиться единый язык. Создание такого языка Н. Марр связывал с новой «революцией» в языке.

[76] Трубецкой Н.С. (1890–1938) – русский языковад. Один из теоретиков Пражского

деятельности Пражского лингвистического кружка.[78] Позднее Р. Якобсон повлиял и на развитие американского структурализма. В частности, именно в московской формальной школе понятие фонемы, выработанное первоначально в петербургской лингвистической школе и отсутствовавшее у Ф. Фортунатова и его непосредственных учеников, было переосмыслено на основе отказа от психологизма и выработки строго лингвистических критериев выделения фонем; в дальнейшем усилиями Р. Якобсона и Н. Трубецкого этот подход занял господствующее положение в мировой лингвистике.

В советское время в Московском государственном университете и других московских лингвистических центрах влияние фортунатовских традиций всегда было значительным, хотя в столице работали и авторитетные ученые других школ, прежде всего В.В. Виноградов.

Группа литературоведов и лингвистов, начавшая в 1916 году выпуск «Сборников по теории поэтического языка», оказалася в сложных отношениях к наследию Александра Афанасьевича Потебни. В первых же критических откликах на эти сборники их организаторы и авторы характеризовались как последователи А.А. Потебни и Андрея Белого.[79] И это не удивительно. Ведь связь с теоретиком символизма и, в частноси с Андреем Белым не раз признавали и сами «формалисты». Один из них вспоминал, что члены ОПОЯЗа во многом были «воспитаны на работах символистов», и что для них книга А. Белого «Символизм» «значила неизмеримо больше, нежели беспринципные монографии историков литературы» [Эйхенбаум 1926: 185].

лингвистического кружка. Разработал принципы фонологии и морфонологии как особых лингвистических дисциплин. Славист и компаративист. Изучал культуру яэзыки народов Северного Кавказа.

[77] Якобсон Р.О. (1896–1973) – русский, американский языковед и литературовед. Один из основоположников Московской, Пражской и Нью-Йоркского лингвистического кружков, а также один из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении. Его основные труды посвящены общему языкознанию, славянским языкам (главным образом русскому), поэтике.

[78] Пражский лингвистический кружок центр деятельности одного из направлений структурной лингвистики с 1926 до начала 1950-х годов. Организатор и глава – В. Матезиус. Представители Пражского лингвистического кружка считали язык системой знаков, имеющей социальный и функциональный характер. Основные направления исследований – это разработка принципов фонологии, соотношения диахронии и синхронии, теория актуального членения предложения, соотношения функциональных стилей, систем и другие проблемы общего языкознания, а также исследовали язык художественной литературы как специальный «поэтический язык».

[79] Русская литература конца XIX – начала XX века, 1908–1917. М., «Наука», 1972, с. 654.

Другой теоретик, близкий к «формальной школе», также указывал:

«Живые импульсы для методологических исканий в области вопросов литературной формы фактически были восприняты нами от теоретиков символизма... На первом месте здесь должен быть Андрей Белый» [Жирмунский 1928: 8].

Все эти признания очень существенны, поскольку они проливают свет и на отношение «формальной школы» к наследию Александра Афанасьевича Потебни, дают веские основания полагать, что А.А. Потебня был этой школой первоначально воспринят в интерпретации и трактовке Андрея Белого.

В своей статье «Потебня» В. Шкловский вполне был солидарен с А. Белым, когда писал, что благодаря Александру Афанасьевичу Потебне стала яснее необходимость изучения поэтического языка и художественной формы в целом, как единственный путь к научному пониманию литературы. Вслед за Андреем Белым В. Шкловский развивал и мысли, ведущие к абсолютизации слова в поэзии и жизни, так же, как и А. Белый, приписывал заслугу в утверждении этих положений А.А. Потебне.

Но если Андрей Белый лишь пытался переиначить по-своему некоторые выводы А.А. Потебни, не решаясь прямо выступись против его научного авторитета, то «формалисты» очень скоро пришли к этому. Вначале осторожно, а затем все резче они развернули свою критику Потебни, заявляя об застарелости его научных концепций.

Идеи Александра Афанасьевича Потебни, обращенные к сущности содержания художественной формы, его мысли, проникнутые проблемами соотношения познания и творчества, его глубокий историзм никак не увязывался с основными направлениями «формального метода» в зарубежных и русских модификациях и неизбежно вступали с ним в конфликт.

Суть их возражений А.А. Потебне сводилась в основном к тому, что он, по их мнению, слишком много занимался «внутренней формой слова» и совсем не обращал внимания на форму «внешнюю», на звучание слова. В связи с этим «формалисты» утверждали, что Александр Потебня не учел прямых связей между звучанием и значением.

Не понимая глубоких мыслей А.А. Потебни о взаимодействии образного

и безóбразного в поэтичеком творчестве, не учитывая, что в этом взаимодействии как раз и возникает художественное видение мира, постоянно взаимосвязи искусство и действительность, формалисты пытались увидеть возможности обновления образа лишь в его отстранении, что, по существу, вело к упрощению проблемы, выдвинутой А.А. Потебней. Взгляды Александра Афанасьевича Потебни о поэтичеких возможностях слова, о неразрывных взаимосвязях между поэтичеким и прозаическим мышлением в языке оказались для В. Шкловского и его единомышленников совершенно неприемлемыми прежде всего потому, что формалисты абсолютизировали положения, частично позаимствованные у самого А.А. Потебни, о специфике поэтичекой мысли и о своеобразии ее выражения в художественном контексте до резкого противопоставления «языка практического» «языку поэтическому». Многие из формалистов вообще полагали, что поэтичекий язык управляется «имманентными законами: функция коммуникативная, присущая как языку практическому, так и языку эмоциональному, здесь сводится к минимуму. Поэзия индефферентна к предмету высказывания... Поэзия есть оформление самоценного, «самовитого», как говорит Хлебников, слова» [Якобсон 1921: 10 11].

Так же характерно для формалистов стремление отграничить литературный язык от процессов культурно-исторического развития и, следовательно, от очень важных для А.А. Потебни закономерностей совершенствования человеческой мысли. Вот как характеризовал формальный метод Борис Энгельгарт:

«В качестве эстетики значимого единства художественное произведение представляет систему приемов, то есть слов и словесных конструкций как чистых, самодовлеющих средств словесного выражения. <> В приеме как таковом, в его функционально определяемой структуре таится неизбежность его эстетического изнашевания, и следовательно, и объективная необходимость его видоизменения. Литературная эволюция оказывается подчиненной законам имманентной диалектике» [Энгельгард 1927: 79, 102].

Вполне понятно, что концепциям Александра Афанасьевича Потебни с их стремлением понять и учесть взаимодействие всех факторов человеческой

деятельности в развитии языка и поэтического творчества такие выводы были чужды. Для А.А. Потебни ни один «прием», ни один образ не мог «износиться», потому что каждый новый случай его соприкосновения с вечно обновляющейся жизнью открывал все новые и новые горизонты поэтического видения мира.

А.А. Потебня стремился сблизить поэзию и язык на основе теории образности, понимаемой как наглядность, конкретное представление. Само стремление ученого видеть специфику поэзии в образности, как и чрезмерность сближения поэзии с языком как таковым, впоследствии подверглись неоднократной острой критики со стороны формалистов.

Виктор Шкловский, например, обвинял А.А. Потебню в абсолютизации образности слова и его символичности, в недостатке внимания к звучанию и ритму поэтичекой речи, к ее эмоциональным сторонам [Шкловский 1919: 4–5].

Отправной точкой его программной статьи «Искусство как прием» стала именно решительная атака на «образную» теорию. Объявить использование образов отличительной чертой литературы, заявлял В.Б. Шкловский, означает смотреть на предмет исследования одновременно и слишком широко, и слишком узко. Понятия поэтической речи и образности, продолжает он, не являются идентичными, а область применения образной речи отнюдь не ограничивается одной только поэзией, поскольку «тропы» встречаются на разных уровнях языка, например в образных разговорных выражениях, или в риторических фигурах ораторской речи.

Совершенно очевидно, утверждали формалисты, что существуют такие вещи, как не-óбразное стихотворение, равно как и не-поэтический образ.

В.Б. Шкловский писал, что поэт не создает образы; он отыскивает их в повседневном языке или вызывает из памяти. Соответственно отличительные характеристики поэзии следует искать не в самом факте наличия образов, но в том, как именно они используются.

Это была основная и наиболее ценная часть формалистской аргументации. В.Б. Шкловский был безусловно прав, протестуя против приравнивания поэтического языка к образности, пусть даже в запале спора он зашел слишком далеко и поставил под сомнение стратегическую важность

метафоры. Однако, четко определив функциональное различие между поэтическим и прозаическим образом, он, безусловно, внес весомый вклад в развитие научной мысли. Также он неоднократно высказывался против рационалистического взгляда на поэтический образ как на прием толкования, кратчайший способ выражения мысли.

Предложенная В.Б. Шкловским теория «остранения» изображаемого объекта заставляет сместить центр внимания с поэтического использования образа на функцию поэтического искусства. Троп рассматривается здесь лишь как один из приемов в арсенале поэта, являющийся примером общей тенденции поэзии или – шире – всего искусства. Перенос объекта в «сферу нового ощущения», то есть своего рода «семантический сдвиг», вызываемый тропом, провозглашается основной целью поэзии. В.Б, Шкловский писал:

«Люди, живущие на морском берегу так привыкают к шороху волн, что перестают его слышать. Подобным же образом мы почти не слышим слов, которые произносим... Мы смотрим друг на друга, но боле друг друга не видим. Наше ощущение мира выцвело, осталось одно лишь опознавание» [Шкловский 1923: 11].

Задача художника противостоять этому засилию рутины, укоренившейся привычке. Вырывая объект из привычного контекста, соединяя несоединимые понятия, поэт заставляет нас отчетливее осознать вещи в их ощутимости.

Как будто специально для того, чтобы доказать, что «прием остранения» – это не только лозунг литературного авангарда, но всеобщий и извечный принцип художественной литературы, В.Б. Шкловский берет самые яркие свои примеры из произведений мастера «реалистического» романа Льва Толстого.

На первый взгляд может показаться странным, что поборник эстетической изысканности обращается за поддержкой к Толстому. «Остранение» совершенно не обязательно предполагает замену простого сложным или распространено и обратное – использование неграмотного или просторечия вместо ученого и изысканного, притом, что последнее является привычным в данной ситуации словоупотреблением. Важно не столько направление «семантического сдвига», сколько сам факт, что такой сдвиг имел место, что произошло отступление от нормы. Именно этот «отличительный признак»,

считал Виктор Шкловский, и лежит в основе эстетического восприятия.

Изменение значения, свойственное метафоре, согласно В.Б. Шкловскому, является лишь одним из средств достижения этого эстетического эффекта, лишь одним из средств создания «ощутимости» описываемого мира. Другим важнейшим аспектом является ритм. Писание стихов, считал В.Б. Шкловский, – это словесное хождение по канату. Говоря о предложенной Шкловским «ощутимости», один из его оппонентов-марксистов, П. Медведев, обвиняет его в том, что он сошел с пути объективного анализа и увяз в психофизиологических условиях эстетического восприятия. Даже если оставить в стороне совершенно неуместный термин «физиологические», обвинение П. Медведева представляется беспочвенным. Ведь произведения литературы являются познаваемые объекты, постижимые только через индивидуальный опыт. Из этого следует, что «объективистски» мыслящий теоретик искусства имеет полное право заниматься рассмотрением механизма эстетического восприятия, при том условии, что он сосредоточится не на сугубо индивидуальных эмоциях отдельного читателя, а на качествах, присущих самому произведению, которое способно вызывать определенные чувствительные реакции.

Даже если эти обвинения в психологическом «заблуждении» представляются необоснованными, нельзя не признать, что, хотя отправной точкой рассуждений В.Б. Шкловского была описательность, он все же дал не определение того, чем поэзия является, а того, для чего она служит. Формальная теория стала скорее новой «защитой поэзии», а не определением «литературности». Более того, следует отметить, ни в коем случае не приуменьшая значения формулировок Виктора Шкловского, что его представление об искусстве как способе заново открывать мир куда ближе к традиционным или распространенным взглядам, чем даже ему самому это казалось.

Также хочется сказать, что полемические упрощения некоторых взглядов Александра Афанасьевича Потебни, теоретики формализма искали и находили им возражения у самого же Потебни в других его положениях, но при этом не ссылаясь уже на него. Вот, например, что писал Виктор Шкловский, вспоминая

о своем отношении к идеям А.А. Потебни и, как бы отождествляя их с идеями Д.Н. Овсянико-Куликовского:

«Образность-картинность у Потебни и Овсянико-Куликовского становилась сама по себе синонимом художественности. Этот термин у потебнианцев лишен характеристики мышления как движения, он, так сказать, не глаголен, номинативен, остановлен. <…> Между тем образ есть не только изображение предмета, но и представление предмета при помощи его познания в движении» [Шкловский 1966: 17].

Но разве Потебня понимал образ только как какую-то статистическую картинку? Ведь именно он (А.А. Потебня) утверждал, что образ – познание жизни в ее движении, что именно образ выступает как представление предмета. Ведь именно острое ощущение движения в мышлении, в поэтической целенаправленности слова характеризует важнейшие положения концепции Александра Афанасьевича Потебни.

Наряду с разными суждениями в литературе того времени неоднократно отмечалася разительная необоснованость критических выводов формалистов в адрес самого А.А. Потебни. Например, высказывание В. Шкловского о том, что А.А. Потебня не различал языка поэзии от языка прозы, И. Плотников недоумевал, как теоретики ОПОЯЗа «вменяют создателю лингвистического метода в литературной науке игнорирование именно языковой стихии в поэзии» [Плотников 1923: 37].

Кстати, вся статья И. Плотникова была посвящена доказательствам того, что система А.А. Потебни «первоисточник формального течения в литературной науке и что теоретики формального метода, хоть и критикуют Потебню, но достигают значительных результатов на пути исследования поэтического слова в основном только тогда, когда разрабатывают его идеи, опираются на них» [Плотников 1923: 32, 40].

В начале 20-х годов, когда в печати дискутировались проблемы поэтического языка, один из рецензентов писал по случаю выхода первого тома собрания сочинений Александра Афанасьевича Потебни:

«Только в последние два-три года имя Потебни выплыло из забвения и о нем

толкуют вкривь и вкось, имея отдаленное представление о его теории с чужих слов, зная его урывками, или не зная совсем. При этом позицию Потебни определили следующим образом: так называемая «формальная школа» с самого начала отмежевалась от него, олицетворив в его лице все изжитое наукой о литературе, а противники «формалистов» воздвигают Потебню как оплот против них, «кадят мертвеца, чтоб живых задеть кадилом» [Леф 1923: 172].

Полемика между «формалистами» и потебнианцами в 20-е годы проливает свет на некоторые вопросы борьбы за научное наследие А.А. Потебни. Важным эпизодом этой полемики была перепечатка статьи Б. Эйхенбаума «Теория формального метода» с комментариями В.И. Харциева в Харьковском журнале «Червоный шлях», где нередко выступали харьковские потебнианцы.

Утверждение Б. Эйхенбаума, что формалисты на принимали идей Потебни «на веру», как это делали его ученики, а придали этим идеям совершенно «новое звучание», «оживили» их, комментируется В.И. Харциевым следующим образом:

«Проблемы, которые поставил Потебня, как и любые проблемы, не могли быть приняты на веру, а требовали своего разрешения и находили его. В исследованиях формалистов они не ожили, а были подменены проблемами, которые имеют мало общего с потебнианством, как например, проблема «поэтического и практического языка», которая как раз совсем не приемлема для науки, а может лишь приниматься «на веру», чтобы оправдать «заумные» попытки футуристов, которые самими формалистами классифицируются наряду с явлениями глоссолалии и т.п., не относятся к сфере поэтики» [Эйхенбаум 1926: 186].

Критикуя формалистов, призывая к освоению наследия Александра Афанасьевича Потебни во всем его научном богатстве и цельности, сами потебнианцы продолжали, как и раньше, развивать преимущественно лишь отдельные его взгляды на психологию творчества и восприятия. Также характерно и то, что критикующие судили о А.А. Потебне не столько по его трудам, сколько по упращенным формулировкам его идей, распространенным в литературной критике того времени.

Необходимо помнить, что намеченная В.Б. Шкловским философия искусства была столько же панегириком русскому футуризму, сколько вкладом в теорию литературы. Именно это эстетическое пристрастие – выраженное у Шкловского более явственно, чем у других теоретиков формализма, – и вдохновило его на то, чтобы коснуться в статье весьма неожиданных материй: задач поэзии и целительной функции художественного преображения действительности. Каждая школа в поэзии, независимо от того, сколь далекой она объявляет себя от жизни, считает необходимым заявить, что только поэзия, точнее говоря, только ее поэзия, является единственно адекватным способом отображения реальности.

Апология поэзии В.Б. Шкловского оказала значительное влияние на последующие теоретические искания формальной школы. Выдвинутые им ключевые понятия, такие, как «отсранение», «изнашивание», «ощутимость», получили широкое распространение в работах русских формалистов. Однако в целом рассуждения В.Б. Шкловского оставались скорее научным обоснованием поэтического эксперимента, чем целостной литературоведческой методологией.

Р А З Д Е Л 8
УЧЕНЫЕ–ЛИНГВИСТЫ О ТЕОРИИ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

8.1. Виктор Владимирович Виноградов

Больше и чаще других к филологическому наследию Александра Афанасьевича Потебни обращались те ученые, кого интересовал вопрос поэтики, кто пытался понять специфику художественной речи, думая о принципах ее изучения. Можно сказать, что весомая часть филологических исследований в этой области строилась на плодотворном развитии некоторых идей А.А. Потебни.

Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969), определивший своими трудами ряд важных направлений в изучении художественной речи, довольно часто опирался на выводы А.А. Потебни, развивал его гипотезы, писал об их перспективности, хотя, при этом, относился к ученому достаточно критически и шел совершенно самостоятельным путем.

Одно из краеугольных положений В.В. Виноградова о принципиальной значимости автора в художественной речи, о структурной существенности его образа в поэтическом произведении генетически связано с мыслями Александра Афанасьевича Потебни о роли субъективного фактора в поэзии, в художественном слове и образе и, шире, в самом процессе поэтического познания жизни писателем. Закономерно, что развивая свои взгляды на этот счет Виктор Вмадимирович Виноградов прямо ссылается на А.А. Потебню [см.: Виноградов 1963: 92; Виноградов 1971: 84, 113].

Достаточно заметны у В.В. Виноградова связи с А.А. Потебней и в вопросах исторического подхода к языку в художественных произведениях, в стремлении осмыслить «понятия социально-групповой и стилистической дифференцированности речи» [Виноградов 1959: 182].

В.В. Виноградов указывал, что основополагающими в этих вопросах могут считаться взгляды А.А. Потебни на историю языка как на процесс развития человеческого познания, формирования человеческого мышления.

В своих работах Виктора Владимировича Виноградов последовательно выступал за изучение художественной речи в целостном контексте поэтического произведения и, критикуя с этой точки зрения всех, кто пытался судить о ее достоинствах по отдельным «образным местам» и «красотам», настойчиво напоминал:

«...нельзя считать основой словесно-художественного или поэтического изображения «образное» употребление и перенос значения слова в лексикологическом или лексикографическом смысле этого термина. В русском языкознании это положение было уже давно доказано и всесторонне показано А. Потебней» [Виноградов 1963: 120].

Сам В.В. Виноградов безусловно учитывал в своих исследованиях известные мысли Александра Афанасьевича Потебни о «способности языков создавать образы из сочетания слов все равно образных или безóбразных» и поэтому всегда старался разобраться, как «экспрессивно-образное» употребление слова, «круг его смысловых элементов» связан с контекстом произведения, со «сложными словесными, композиционными формами поэтического творчества» [Виноградов 1959: 244].

Вместе с тем ученый полагал, что А.А. Потебня принципиально неправ, приравнивая слово к поэтическому произведению, что он отождествляет здесь явления, нетождественные по своей социальной сущности. В.В. Виноградов неоднократно возращался к возражениям А.А. Потебне по этим вопроса [см.: Виноградов 1963: 94, 127, 146, 172, 174].

Немало критических замечаний у В.В. Виноградова и по поводу взглядов А.А. Потебни на поэтический образ. Ученый считал (и не он один, а многие критики А.А. Потебни), что Александр Афанасьевич Потебня переоценивает познавательную функцию поэтического образа в ущерб его «экспрессивно-эмоциональному содержанию» [Виноградов 1971: 5].

Рассматривая многочисленные высказывания Виктора Владимировича Виноградова о А.А. Потебне, нельзя не заметить, что его представления о взглядах А.А. Потебни на поэтику развивались в сторону все более глубокого их изучения и признания. В последней своей книге «О теории художественной

речи» ученый прямо писал, что «отголоски мыслей А.А. Потебни можно найти в трудах таких крупных наших исследователей литературы как проф. Б.М. Энгельгард, проф. Г.О. Винокур, акад. А.И. Белецкий, М.М. Бахтин, проф. А.В. Чичерин и многие другие» [Виноградов 1971: 5].

Суммируя основные положения «потебнианской теории поэзии и художественного слова», говоря об аспектах «ее современного применения и видоизменения», В.В. Виноградов отмечал, что она многое может дать для преодоления и формализма, и «чистого идеологизма».

Показательно здесь то, что свои возражения против формулы Р. Якобсона «поэзия – особым образом организованый язык» В.В. Виноградов основывал на идеях Александра Афанасьевича Потебни о творческом познании мира в поэтическом слова и, соотнося эти идеи с современным пониманием социальной сущности поэзии, писал:

> «В формуле проф. Якобсона нет и намека на язык словесного искусства, как форму творческого познания мира. В связи с этим поэзия опустошается от общественного содержания, выводится за пределы общей истории искусства как истории социологически-дифференцированной смены художественных структур» [Виноградов 1971: 28].

Очень значительными для Виктора Владимировича Виноградова были положения А.А. Потебни о поэзии как о «деятельности», как о движущемся творческом сознании, которое осуществляется не только поэтом, но и каждым новым поколением читателей. Виноградов указывал, что «только в этом динамическом плане могут быть объяснены все необыкновенно противоречивые свойства художественного произведения: его относительная вечность и абсолютная мгновенность, единичность данных в нем образов при их безграничной потенциальной универсальности, его конкретности – при отвлеченности, его субъективая авторская замкнутость – при огромной социальной общезначимости» [Виноградов 1971: 10].

Не случайно, что здесь ученый счел необходимым отметить факты упрощенного толкования данных положений А.А. Потебни и в связи с этим еще раз подчеркнул принципиальную разницу между научными концепциями

самого А.А. Потебни и домыслами его интерпретаторов и заметил по этому поводу, что «сам Потебня не отвечает за все последующие и особенно за активизирующие в наше время вариации и видоизменения его взглядов» [Виноградов 1971: 10].

Важно, что здесь, как и во многих своих высказываниях об Александре Афанасьевиче Потебне, он вполне определенно отделял А.А. Потебню от его интерпретаторов и указывал, что в научном наследии А.А. Потебни глубоко, содержательно и перспективно для современной филологической науки и что относится уже к ее прошлому.

8.2. Григорий Осипович Винокур

Другой крупный филолог Григорий Осипович Винокур (1896–1947), много занимавшийся вопросами художественной речи в 20-е годы, толковал некоторые положения Александра Афанасьевича Потебни с извесными крайностями. Он, например, развивал идеи об изменчивасти и относительности восприятия поэтического текста и писал по этому поводу:

«Нет решительно ни одного достоверного случая, в котором мы могли бы ручаться, что то или иное оформление поэтичекого замысла есть оформление действительно окончательное. Творческие усилия не знаю никаких границ и никогда не находят себе успокоения» [Винокур 1927: 17].

Однако, взгляды Г.О. Винокура вовсе не исчерпывались крайностями. В этой области он сумел прийти к таким глубоким и основательным выводам, которые осталися существенными для современных исследователей по вопросам стилистики и поэтики. Развивая мысли А.А. Потебни о поэтических потенциях языка, Г.О. Винокур обосновал свои положения о том, что в контексте художественной речи все стороны языка (в том числе и грамматической формы) могут приобрести образотворческий смысл, что в

художественной речи происходит «актуализация потенциальности», в ней «все то, что в общем языке, с точки зрения его системы, представляется случайным и частичным... переходит в область существенного» [Винокур 1959: 250–253].

В значительной степени от А.А. Потебни идут и размышления Г.О. Винокура о «внутренней форме» поэтического слова, о необходимости понять мотивацию этой формы содержанием всего контекста и отсюда он делает вывод:

> «Язык со своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла, и вот почему художнику не все равно, как назвать то, что он видит, и показать другим» [Винокур 1959: 247].

Идеи Александра Афанасьевича Потебни о том, что в слове «звук осмысливается не сразу», а только по мере того, как он «оживает с известным значением слова», о том, что экспрессивно-эмоциональное значение «внешней», «звучащей» формы закрепляется в языке традиционно, послужили Винокуру для важных выводов о необходимости отличать экспрессивные качества индивидуальной речи от экспрессии, которая традиционно закрепилася за «звуками, формами и знаками языка», и которая не может не проявить себя в различных стилях речи, особенно в речи художественной [см.: Винокур 1941: 17].

Сказанное однако не значит, что Г.О. Винокур всегда и непременно следовал за А.А. Потебней. Это был талантливый филолог со своим пониманием многих аспектов художественной речи. Он, в частности, гораздо категоричней, чем А.А. Потебня, ставил вопрос о принципиальных отличиях речи художественной от речи разговорной. Он полагал, что у Александра Афанасьевича Потебни эти отличия обозначены противоречиво и недостаточно четко, и приходил к мысли, что сосредоточенность внимания А.А. Потебни на слове сужала границы исследования художественной речи и настойчиво призывал к расширению этих границ. Григорий Осипович Винокур писал, что «для общего языка, минимальным пределом или контекстом служит предложение. В художественном языке это непременно то, что иногда

называют синтаксическим целым – абзац, глава, произведение. Это поэтические аналогии предложений общего языка» [Винокур 1959: 253].

И тем не менее можно сказать, что значение наследия А.А. Потебни для формирования общих принципов подхода Г.О. Винокура к художественной речи было весьма существенным.

8.3. Лев Семенович Выготский

Российский искусствовед-психолог Лев Семенович Выготский (1896–1934) в 1925 году, фактически объединив культурно-историческую школу с некоторыми родственными ей направлениями в «интеллектуальную теорию», которая «определяет искусство как познание» [Выготский 1968: 46, 49], категорически заявило полной методологической несостоятельности этой теории:

«Вместо истории литературы она создавала историю русской интеллигенции (Овсянико-Куликовский), историю общественной мысли (Иванов-Разумник) и историю общественного движения (Пыпин). И в этих поверхностных и методологически ложных трудах она в одинаковой мере искажала и литературу, которая служила ей материалом, и ту общественную историю, которую она пыталась познать при помощи литературных явлений. Когда интеллигенцию 20-х годов пыталися вычитать из «Евгения Онегина», тем самым одинаково ложно создавали впечатление и о «Евгении Онегине» и об интеллигенции 20-х годов <...>. До тех пор, пока мы не научились отделять добавочные приемы искусства, при помощи которых поэт перерабатывает взятые из жизни материалы, остается методологически ложной всякая попытка познать что-либо через произведение искусства» [Выготский 1968: 71].

В своей работе «Психологии искусства» Л.С. Выготский полнее других обобщил и суммировал все возражения «формалистов» А.А. Потебне, хотя он сам мыслил гораздо шире «формалистов» и по ряду вопросов выступал против

них, но в отношении к наследию Александра Афанасьевича Потебни он, как правило, был солидарен с ними и опирался на их аргументы. Отдавая должное глубокой трактовке в трудах А.А. Потебни искусства как познания, Лев Семенович Выготский считал, что А.А. Потебня чрезмерно «логизирует» искусство, преувеличивает роль интеллекта в нем, недооценивает его эмоциональную сферу, и указывал, что психология искусства в XX веке немыслима без учета роли подсознательного в художественном восприятии и воображении.

Внимательное знакомство с полемическими аргументациями Л.С. Выготского показывает, что в «Психологии искусства» критика А.А. Потебни основывается на довольно спорных высказываниях представителей «психологического направления», упрощенно интерпретирующих некоторые положения Александра Потебни.

Не случайно в своей критике слабых мест потебнианства Лев Семенович Выготский ссылался, как правило, не на самого А.А. Потебню, а на Д.Н. Овсянико-Куликовского. В качестве полемических аргументов Л.С. Выготский использовал также «признания» самих потебнианцев и, в частности, слова А.Г. Горнфельда, который в одной из своих статей писал, что теория А.А. Потебни «насквозь познавательна», что в ней «обойдены эмоциональные моменты искусства» [Выготский 1968: 57]. На это «признание Горнфельда» ссылались тогда все критики Потебни и, в первую очередь, теоретики ОПОЯЗа. Не случайно, именно в связи с этим Л.С. Выготский соглашался с отрицательной оценкой взглядов Александра Афанасьевича Потебни у В.Б. Шкловского и полностью ее разделял [Выготский 1968: 51, 65].

Немало спорных рассуждений у Л.С. Выготского и там, где он критикует взгляды А.А. Потебни на басню. Стремясь доказать, что Александр Потебня не придавал значения эмоционально-эстетическим сторонам басни как художественного произведения, а рассматривал ее лишь как выражение определенной мудрости, «морали», ученый явно недооценивал принципиально новый подход А.А. Потебни к басне. Он считал, что по сравнению с Лессингом А.А. Потебня ничего нового не сказал. В связи с этим Л.С. Выготский трактовал скептическое отношение А.А. Потебни к длиннотам и многословию,

его требования к совершенству художественного лаконизма как отрицание необходимости художественной формы для басни во имя «точного» выражения мысли. Таким образом, и здесь А.А. Потебня был представлен Л.С. Выготским как интеллектуалист, непонимающий эмоциональную и эстетическую специфику искусства.[80]

Поскольку для А.А. Потебни явление искусства всегда воплощало в себе синтез познания, эмоции и эстетического смысла, и поскольку он всю жизнь занимался вопросами поэтики, несправедливость подобных обвинений достаточно очевидна.

Возможно Лев Семенович Выготский просто не захотел или может не сумел заметить, что сопоставляя искусство с наукой, рассматривая его как путь к познанию мира, А.А. Потебня не ограничивался повторением того, что уже было сказано на этот счет многими философами от Аристотеля до Гегеля. Раздумывая о проблемах соотношения языка и мышления, А.А. Потебня приходил к выводу, что образы и представления художественного порядка ведут человека к такому познанию, при котором мир постигается не только и не столько чисто логическим рассудочным путем, а скорее сложным синтезом мысли и чувства, неотделимых друг от друга в высших процессах эстетического восприятия.

Известно, что Александр Афанасьеич Потебня резко критиковал определение поэзии как простое «суждение в образах». Он настойчиво подчеркивал, что в отличие от науки создание поэтического образа и пользование им связано с известным волнением, что волнение это у читателя возникает не как результат «передачи» мысли, а как резонанс определенных настроений автора [Потебня 1905: 59].

В сущности все высказывания А.А. Потебни пронизаны мыслями об этом и он писал:

> «Поэзия – во всяком словесном произведении, где определенность образа порождает текучесть значения, т.е. настроение... видеть многое» [Потебня 1905: 108].

[80] Полностью солидаризуется с Л.С. Выготский в этом отношении и А.П. Чудаков в своей статье о А.А. Потебне [см.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975: 351].

Также А.А. Потебня постоянно отмечал, что многозначность поэтического образа возникает потому, что художественное произведение специфически «настраивает нас» на его восприятие [Потебня 1905: 68, 78].

Л.С. Выготский упрекал А.А. Потебню в том, что он якобы приравнивал наглядность изображения к поэтичности, но ссылался при этом опять-таки не на самого А.А. Потебню, а на Д.Н. Овсянико-Куликовского. Ведь сослаться на А.А. Потебню в этом отношении было трудновато, т.к. он неоднократно указывал, что в художественной литературе изображение дается не столько передачей чувств людей, видевших и представлявших (такими могут быть и герои, и сам автор), а возбуждением этих чувств в читателе [Потебня 1905: 9]. Именно от этого идет А.А. Потебня к пониманию поэтического слова, художественной значимости его «внутренней формы». Он обращает внимание на то, что слово вызывает к жизни целый комплекс зримых, мыслимых, прочувствованных представлений, закрепленных в памяти «преданием», т.е. исторически выросших из опыта человеческой жизни, что сила слова зависит от нравственной силы, с которой оно произносится [Потебня 1905: 459].

Александр Афанасьевич Потебня считал, что художественный образ по самой природе своей не может восприниматься вне эмоциональной сферы. Он во многих случаях отмечал, как совершенные художественные творения вызывают в человеке чувства удовольствия, радости [Потебня 1905: 101–102].

А.А. Потебня высказывал в связи с этим ряд интерснейших соображений о роли художественной формы в эмоциональном воздействии на читателя и полагал, что отсутствие совершенной прекрасной формы обычно свидетельствует о бессилии художника почувствовать и передать полноту красоты и богатства жизни [Потебня 1905: 136].

Рассматривая поэтические тропы и фигуры, Александр Потебня особо выделял их возможность многосторонне выражать субъективно-оценочную функцию, передавать чувства и настроения поэта и в связи с этим писал:

«Определенность отношения говорящего к предмету речи заставляет и слушателя относиться к этому предмету так же» [Потебня 1905: 340].

Далее А.А. Потебня блестяще подтверждает это положение, анализируя многочисленные примеры стилистических, образотворческих функций фигур и тропов [Потебня 1905: 352–355].

В черновой рукописи А.А. Потебни об иронии и сарказме многократно подчеркивается, что в иронии обычно довольно большое расстояние между предметом и значением, и понята ирония быть может лишь тогда, когда читатель чувствует и понимает настроение автора, его субъективно-эмоциональное отношение к предмету осмеяния [Фонд 2045, оп. 1, ед. хр. 235, л. 5–8].

Таким образом, считать, что А.А. Потебня строил свои концепции лишь на сугубо интеллектуальной основе совершенно неверно. По этому поводу он сам высказывался достаточно ясно:

«Язык не есть только известная система приемов, как и познание не обособлено от других сторон человеческой жизни» [Потебня 1905: 167].

«Психология искусства» – одна из первых работ Л.С. Выготского. Она так и осталась неопубликованной при его жизни, и трудно сказать, что он оставил бы, а что убрал бы в своей критике А.А. Потебни, если бы заново редактировал эту книгу. В позднейших же, более зрелых работах Л.С. Выготского намечается явный поворот в ориентации на идеи А.А. Потебни, на его понимание языка и мышления. Одно из важнейших психологических положений Л.С. Выготского о развитии мысли в словесном выражении поразительно напоминает тезисы А.А. Потебни о «внутренней форме» слова, о «знаках значения» в слове как об акте мышления. Л.С. Выготский указывал, в частности, что «каждое слово представляет собой скрытое обобщение, всякое слово уже обобщает, и с психологической точки зрения значение слова прежде всего представляет собой обобщение» [Выготский 1956: 49], а также он замечал далее, что мысль человека на пути к слову «не только внешне опосредствуется знаками, но и внутренне опосредствуется значениями» [Выготский 1956: 379].

Обобщенный смысл значения Лев Семенович Выготский видел в том, что оно – «идеальная духовная форма кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. Круг представлений общества, его наука, сам язык его – все это является системой значений. Развиваясь в условиях общества, человек овладевает уже выработанными значениями» [Выготский 1956: 13].

Все это очень и очень близко к высказываниям А.А. Потебни о роли языка в развитии человечества. И уже совсем, как у Александра Афанасьевича Потебни, звучат у Л.С. Выготского положения о том, что «мысль не выражается, но свершается в слове» [Выготский 1956: 49].

Р А З Д Е Л 9
СОВРЕМЕННОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

Обширное по своей проблематике и неповторности за своеобразием и глубиной разработки научного наследия Александра Афанасьевича Потебни является источником идей и научных концепций современной филологии. В Украине работу по его изучению проводит Институт языкознания Национальной Академии наук Украины, которому Указом Президии Верховного Совета УССР от 13 февраля 1945 года было присвоено имя А.А. Потебни.

Как своеобразный итог глубоких исследований в этом направлении, что на протяжении многих лет осуществляли ученые разных стран, возникли и стали уже традиционными научные конференции – Потебнианские чтения.

Первые Потебнианские чтения были проведены в сентябре 1977 года в ознаменование 142-й годовщины со дня рождения ученого. Большинство выступлений было приурочено современному пониманию филологической концепции А.А. Потебни, в частности его мировосприниманию, грамматическому учению, подходу к художественному восприятию. Особое внимание было уделено творческим связям А.А. Потебни с филологами XIX века, развитию его идей в современной науке. Среди участников первых чтений были Ф. Березин, А. Белодед, В. Бобков, Х. Булахов, А. Пресняков, В. Собынныков, Н. Толстой, М. Федорава и другие.

Содержание и направление докладов и выступлений, которые прозвучали во время Потебнианских чтений, свидетельствуют о том, что они основали новый этап исследований научного наследия знаменитого ученого. Хроника этих чтений подготовлена Л. Родниной и опубликована в №1 журнала «Мовознавство» за 1978 год.

Составленный, на основании Чтений, сборник объединяет в себе научные изыскания украинских, русских и белорусских ученых с публикациями новонайденых работ А.А. Потебни и архивных материалов, которые дополняют сведения в биографии великого ученого. А.А. Потебня представлен

в этом сборнике исследователем, который стремился увидеть и научно осмыслить язык и поэтическое творчество как безпрерывную деятельность, осуществляемую каждым человеком отдельно и обществом в целом.

Вторые Чтения состоялись в 1979 году. Их проведение было иллюстрацией планомерного, разностороннего изучения научного наследия выдающегося лингвиста, еще одним шагом к познанию А.А. Потебни как ученого и человека. По материалам трудов А.А. Потебни было рассмотрено его научный метод и система взглядов; обращено внимание к актуальным вопросам языкознания, литературоведения, правописания, стилистики, перевода, над разработкой которых работал ученый. Его филологические открытия представлены здесь в разносторонних связях с достижениями предшественников, современников и последователей.

Третьи Потебнианские чтения прошли 10–11 декабря 1981 года. Их проблематика охватила вопросы связей научных идей ученого с философией и историей языка, грамматикой, этимологией, семанткой и словообразованием, художественным переводом и преподаванием языка в школе. Хронику этих Чтений, написанную Г. Пивтораком, изложено в №3 журнала «Мовознавство» («Языкознание») за 1982 год. Только в 1985 году в издательстве «Наукова думка» увидел свет сборник научных трудов, в котором имеются материалы вторых и третьих Потебнианских чтений, под названием «Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія» («Научное наследие А.А. Потебни и современныя филология»). Сборник охватывает широкий круг проблем, связанных с творчеством ученого. Это и его общие философские взгляды и методологические принципы научного наследия, сравнительно-исторический метод в его работах, проблемы историзма, правописания, словотворчества, фразеологии, семантики языковых единиц, которые интересовали ученого на протяжении всей его научной деятельности и другие. Популяризация, а также разработка отдельных идей А.А. Потебни началась еще при его жизни (например, теория внутренней формы слова, развитие синтаксического строения языка), все же систематическое, глубокое изучение разных аспектов научного творчества ученого ведется сравнительно недавно. В статьях сборника подчеркивается место Александра Потебни в современно мировом

языкознании, освещаются разные аспекты его научной деятельности, используются и развиваются конкретные результаты научных исследований ученого.

Когда слависты своего мира отмечали 150-летие с дня рождения А.лександра Афанасьевича Потебни, ЮНЕСКО назвало эту дату самой знаменательной в 1985 году наряду с 800-летием создания бессмертного «Слова о полку Игоревом» (UNESKO 1985). По случаю этого события в Институте языкознания состоялись четвертые Потебнианские чтения.

К большому сожалению сборник материалов конференции увидел свет только через семь лет, стараниями В.Ю. Франчук, неутомимой хранительницы потебнианского наследия (Киев 1992).

Кроме языковедения, здесь представлены статьи по вопросам фольклористики, литературоведения, этнографии, эстетики на украинском, русском и болгарском языках. В этих статьях рассматриваются разные аспекты научной и общественной деятельности А.А. Потебни, применяются и развиваются конкретные результаты его научных исследований, освещается место ученого в лингвистике, фольклористике, литературоведении, психологии. Рядом с теоретическими проблемами языкознания, фольклористики, этнографии ученый уделял много внимания разработке самых важных проблем теории литературы. Опираясь на достижения культурно-исторического и сравнительно-исторического изучения словесного искуссва, он создал принципиально новый историко-филологический метод исследования художественного творчества, для которого характерный глубокий историзм в подходе к явлениям духовной деятельности, к мышлению, языку, фольклору и литературе. Осмысливая специфические особенности искусства слова, его внутренние законы, А.А. Потебня рассматривал их в широком контексте общих закономерностей развития человеческой культуры.

Открывается этот сборник статьей П.В. Чеснокова «А.А. Потебня об общечеловеческих и национальных формах мышления в их отношении к языку». В ней дается развернутое описание десяти параметров, которые присущи национальным формам мышления (автор называет их

семантическими), и, в меньшей мере, характеристика языковой реализации общечеловеческих логических форм мышления (за автором – логем). Та и другая классификации принадлежат П.В. Чеснокову и это нельзя рассматривать как продолжение мыслей А.А. Потебни, который говорил, что языкознание, а в частности грамматика, не стоит ближе к логике чем любая другая наука.

Для осмысления механизмов логических (общечеловеческих) форм мышления Потебня ввел категорию «внеязыкового содержания», которая очень содержательно интерпретируется в следующей статье сборника В.О. Гречка «А.А. Потебня о содержании и форме в языке». В ней сжато излагаются взгляды ученого на происхождения языка, систематизируются сложные размышления ученого о языковом содержании и форме.

Очень интересно по своему задуму является статья Б.М. Ажнюка «Языковые явления как этнокультурная целостность», в которой автор анализирует сочетания с постоянными эпитетами (*чисте поле*), парные словосочетания (*хліб-сіль*), дает прекрасное размышление о *калиновом мосте*, вводит плодотворную идею этнокультурного пространства.

В статье Ю.П. Тенянка «Аналогия слова и искусства в концепции А.А. Потебни» с разных научных работ ученого автор выбрал и логически воспроизвел его эстетические взгляды.

Очень основательно написана статья и В.Б. Крыска «Двойной объективный винительный в славянских языках (В свете концепций А.А. Потебни и А.В. Попова)». Автор излагает и истотно углубляет интерпретацию давних биакузативных конструкций, которую давал А.А. Потебня и, которую расширил его ученик А.В. Попов.

В статье К.Л. Динчева «Александър Потебня – теренист и изследовател на фольклор» описывается фольклорная деятельность ученого. Конечно, эта статья не могла вместить все фольклорные размышления А.А. Потебни и потому К.Л. Динчев интересно и довольно полно описывает разносторонние болгарские связи ученого в фольклорной сфере.

Не содержание, а форма изложения курса «Из лекций по теории словесноти» стала объектом внимательного изучения в статье Н.М. Арват «О

лекторском мастерстве А.А. Потебни». В статье квалифицировано анализируются использованые ученым формы лекций и их структура.

Следующий материал сборника относится к истории с магистерской диссертацией М.Г. Халанского. Здесь мы имеем краткую информационную статью М.К. Дмитренко «Роль А.А. Потебни в становлении М.Г. Халанского как ученого» и его же публикация двух работ А.А. Потебни – «О сочинении М. Халанского «Великорусские былины Киевского цикла» (Варшава 1885) и «Критические заметки о рецензии П.О. Бессонава на фольклористичекий труд М.Г. Халанского». В этих «Критических заметках» А.А. Потебня дает уничтожающую и безукоризненно аргументованную критику негативной и некорректной рецензии профессора П.О. Бессонова на работу М.Г. Халанского. В этих трех публикациях А.А. Потебня предстает перед нами как мужественный защитник талантливой научной молодежи.

И завершает сборник публикаций большой и очень важный для исследователей потебнианства труд И. Айзенштока «Из истории научного наследия А.А. Потебни». Перед самой публикацией идет короткая статья-комментарий С.А. Гальченка «О работе И.Я. Айзенштока над научной биографией А.А. Потебни», которая являет собой содержательную биографическую информацию о деятельности И. Айзенштока.

Пятые Потебнианские чтения состоялись 10–13 декабря 1991 года (хроника И. Синицы и С. Синицы помещена в журнале «Мовознавство» №4 за 1992 год). Шестые – в 1995 году. Сборник докладов обеих конференций, дополненый материалами седьмых Потебнянских чтений, которые состоялись в г. Сумы в 1988 году, появился в свет в 2004 году под названием «А.А. Потебня и актуальные вопросы языка и культуры» («О.О. Потебня й актуальні питання мови та культури»).

В Черкассах в 1996 году под названием «Наследие А.А. Потебни и развитие современной филологической и исторической науки» выходят материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора А. Преснякова. Часть этих материалов в переводе на украинский язык опубликована в газете «Українська мова та література» за январь 1998 года №3 (67) под названием «Спадщина О.О. Потебни і развиток сучасної

філологічної думки».

Творчество А.А. Потебни все-таки не достаточно известно на Западе и особенно в Америке. Это можно объяснить тем, что наследие ученого, главным образом, отражает его приверженность к лингвистике, а не к литературоведению. В то же время, интерес западных ученых к А.А. Потебне был вызван, в первую очередь, его литературными исследованиями. При этом как литературный критик А.А. Потебня рассматривался не сам по себе, а в связи с русским формализмом, а точнее, в противовес этого направления. Формализм, как мы знаем, не был популярен в постреволюционной России, но так называемый отрыв формалистов от реальной жизни, отрицание ими идейного содержания и все то, что оттолкнуло советское литературоведение и языкознание, напротив, привлекало внимание ученых на Западе.

Западных ученых, в первую очередь, привлекло творчество Александра Афанасьевича Потебни как основателя Харьковской школы лингвистики, относившейся к психологическому направлению, основной концецией которого была обусловленность развития языка индивидуальным развитием человеческого мышления, а также привлекли их не только приверженность А.А. Потебни к идеализму, не только сами его идеи, а и тот факт, что они стали стимулом для создания других теорий. Несмотря на то, что А.А. Потебня считался предвестником формализма и, в основном, этим обратил на себя внимание на Западе, другие аспекты его теории об эстетике языка также оказались в кругу интересов ученых.

Внимание к литературной стороне деятельности ученого, а не к богатому лингвистическому наследию, вызвано тем, что на Западе традиционно большее внимание уделяется литературной критике, а не лингвистике, но все же некоторые западные ученые такие, как Виктор Эрлих, Джон Физер, Рене Велек, Ренате Лахман и Джордж Шевелев в своих работах исследовали и писали о научной роли и идеях А.А. Потебни, но главным образом как теоретика литературы.

Виктор Эрлих в своей книге о русском символизме [см.: Erlich 1955] делает акцент на попытке А.А. Потебни разобраться в проблеме поэтического языка. Автор исследования о формализме считает, что русские формалисты

бесцеремонно трактовали идеи А.А. Потебни, что было характерно для теоретиков русского формализма. По мнению В. Эрлиха, пренебрежительные счеты с «потебнианством», обнаруженные в статьях Виктора Шкловского, хотя вполне возможно, что последний пользовался второстепенными источниками, а не оригинальными текстами. В приводимой Виктором Эрлихом статье «Искусство как прием» В.Б. Шкловский ссылается на две опубликованые работы А.А. Потебни: «Из записок по теории словесности» – Харьков, 1905 и «Из лекций по теории словесности» – Харьков, 1894.

Подход А.А. Потебни к определению поэзии, по мнению Виктора Эрлиха [Erlich 1955: 7], кажется более релевантным в его описании природы поэтического искусства в лингвистических терминах. Он считал, что поэзия и проза – лингвистические явления, причем поэзия – один из способов понимания реальности, приобретения знания через действие слова. В соответствии с теорией А.А. Потебни, продолжает автор [Erlich 1955: 8], в работе поэзии язык приближается к идеалу и реализации, когда слово освобождается от тирании идеи. Поэзия является сильным защитним механизмом, используемым словом для отстаивания автономии от давления враждебного пресса. В развитие вопроса об образах и образности В. Эрлих [Erlich 1955: 8] писал, что, по А.А. Потебне, процесс изобретения наименований для незнакомых явлений осуществляется при выделении из именуемого объекта свойства, которое разделяется с группой других уже обозначенных объектов. Также Виктор Эрлих замечает, что мысль о том, что поэзия есть мышление в образах не уникальна и не нова. Еще Аристотель провозгласил, что управление метафорой является решающей проверкой поэтической силы. У В. Эрлиха вызывается сомнение тот факт, что такие традиционные антитезы, как конкретное и абстрактное, образ и идея, синтез и анализ могли бы обеспечить адекватную основу для различия поэзии и прозы как лингвистических явлений [Erlich 1955: 9]. В выводах, сделанных автором в отношении наследия А.А. Потебни, Виктор Эрлих пишет, что мысль А.А. Потебни о необходимости исследовать язык во взаимосвязи с литературой нашла последователей в славянской формалистической поэзии лингвистического или семиотического направления. Взгляд ученого на

поэтическое творчество как на освобождение слова, затмил один из основополагающих принципов формализма, заключающийся в том, что поэзия – это вербальное поведение, ориентированное на знаки. Противопоставляя теорию А.А. Потебни русскому формализму, Виктор Эрлих резюмирует, что многое в наследии ученого нуждается в рассмотрении именно с позиций формализма [Erlich 1955: 10].

Джон Физер [см.: Fizer 1986] так же, как и В. Эрлих, считавший,что выдающийся ученый положил начало формализму и структурализму в XX веке и указывавший на противоречие между Александром Потебней и формалистами, полагает, что это произошло из-за неправильного понимания последними концепции внутренней формы. По мению Джона Физера, А.А. Потебня не считал основными в своей научной деятельности критические работы и уделял большее внимание лингвистике. Дж. Физер полагает, что исследования А.А. Потебни по теории литературной критики, представленные только в трех работах (имеется в виду «Мысль и язык», «Из записок по теории словесности» и «Из лекций по теории словесности»), являются скорее собраниями плохо увязанных взглядов и цитат из Гумбольдта, Штейнталя, Лотце и Лазаруса, чем систематическими исследованиями вопросов литературной критики [Fizer 1986: 1].

Тем не менее, в истории западной критической мысли теория Александра Потебни находится в одном ряду с теориями, на которые воздействовала философия В. Гумбольдта о языке, Бенедетто Кроче, Карла Фосслера, Лео Шпитцера и Эриха Ауэрбаха.

Далее, разъясняет Дж. Физер, появление поэтического произведения зависит от эстетической конкретности восприятия субъекта. Такая зависимость делает суть этой работы постоянно обновляемой. В этом обновлении она реализует свои эстетические и семантические возможности до того момента, пока внутренняя форма работы сохраняет чувствительность воображения. После этого поэтическое произведение превращается в прозу [Fizer 1986: 27]. Произведение представляет собой вербальную конструкцию, реализующую себя в процессе восприятия другими. Связь между поэтической формой и ее семантическим потенциалом в художественном произведении существует

только в рамках времени. По мнению Дж. Физера, вопрос о том, где и когда произойдет полная реализация произведения, стновится краеугольным в теории А.А. Потебни [Fizer 1986: 47, 49].

Джон Физер видел значение теории Александра Потебни, в первую очередь, в том, что он изменил направление критической мысли в отношении свойств текста как такового и дал определение поэтическому творчеству. Он первым определил поэтическое искусство как лингвистику и попытался понять закономерности соотношений структурных элементов слов и текста как самостоятельных феноменов [Fizer 1986: 133–134].

Рене Веллек в своей книге «Истории современной критики» [см.: Wellek 1965] убежден в том, что А.А. Потебня внес существенный вклад в развитие теории литературы, хотя был больше лингвистом, чем литературным теоретиком и, что двое ученых – Александр Потебня и Александр Веселовский – внесли существенный вклад в развитие теории литературы, а теория Потебни представляла интерес в России для символистов и позже для формалистов. Далее он писал, что именно А.А. Потебня стал тем первым лингвистом, кто серьйозно занялся проблемой поэтического языка, его сущностью [Wellek 1965: 278]. Далее Рене Веллек пишет, что по теории А.А. Потебни, поэзия определяется лингвистическим термином. В то время, как мысль старается уменьшить слово до простого знака, обозначающего объект, поэзия старается извлечь многочисленные значения слова. Слово и, в частности, поэтическое слово, является многовалентным знаком, правдивым символом. В этой основе теории, считает Р. Веллек, А.А. Потебня опередил тех ученых (К. Фосслер и Б. Кроче), которые иденфицируют лингвистику с поэтическим творчеством и эта концепция начала представляеть интерес в России для символистов и позже для формалистов [Wellek 1965: 278].

В своей статье «Концепция образа А. Потебни» Ренате Лахман [см.: Lachman 1982] обращает особое внимание на коммуникативную модель Потебни. Р. Лахман исходит из идеи уникальности и неподвижности выразителей, которые противопоставляются большому количеству значений, а те, в свою очередь, в процессе коммуникации создаются различными коммуникативными партнерами в разных условиях. Коммуникативная модель

является развитием идеи потенциала, заложенного в работе слова [Lachman 1982: 307]. Р. Лахман ссылается на концепцию образа, восходящую к немецкой философии языка и играющую важную роль в попытке В.Г. Белинского объяснить, как функционирует литература. Р. Лахман считает, что А.А. Потебня следует идеям В.Г. Белинского о взаимоотношениях языка и мысли, работы искусства и реальности. Заканчивая свою статью автор пишет, что гипотезу А.А. Потебни о творческой памяти, которая распознает поэтические свойства слова, и о стирании памяти следует принимать во внимание при создании модели эстетической коммуникации [Lachman 1982: 318].

В противовес западным ученым, которые воспринимали Александра Афанасьевича Потебню как теоретика литературной критики, Джордж Шевелев написал о А.А. Потебне как о лингвисте. Он считал, что основополагающая идея В. Гумбольдта – непосредственная связь между языком и рассуждением – была центральной в исследовательской деятельности для А.А. Потебни. От Штейнталя А.А. Потебня взял критику логицизма в лингвистике, акцентирование внимания в языке на отношениях между языками и психологией, он сделал попытку разобраться в том, как отражается национальный менталитет в структуре языка. Джордж Шевелев обратил внимание на то, что несмотря на непопулярность А.А. Потебни в Российской империи и позже в Советском Союзе, один из аспектов его теории, заключающийся в том, что билингизм у детей связан с психологическими трудностями, был принят в Украине (статью «Язык и народность» и «О национализме»). Дж. Шевелев это объясняет нем, что во-первых, изучению литературы уделялось основное внимание, а во-вторых, такая антибилингвистическая позиция была выгодна для Российской империи начала XX века, а потом и для постреволюционной Росси, где были популярны идеи руссификации [Shevelov 1956: 1113–1114]. В основном автор посвящает свою статью работам Потебни по этимологии и фонетике, а также по историческому синтаксису и исторической фонологии, которые были забыты или несправедливо считались устаревшими. Дж. Шевелев неоднократно в своей статье обращает внимание на настойчивость А.А. Потебни в отношении к тому,

что каждый диалект развивается самостоятельно, начиная с доисторических времен, и что у украинского языка есть право на самостоятельное развитие [Shevelov 1956: 1122]. Далее он пишет, что психологических подход А.А. Потебни мало привлекателен для современных лингвистов, некоторые его теории, относящиеся к индивидуальным фонетическим изменениям в восточнославянских языках, сохраняют свою ценность [Shevelov 1956: 1125, 1126] и что работы А.А. Потебни по этимологии, фонетике и историческому синтаксису несомненно представляют интерес для дальнейшего научного исследования.

Таким образом, по мнению западных ученых, Александр Потебня внес существенный вклад в развитие лингвистики и теории литературы, и его творчество заслуживает дальнейшего более глубокого изучения и пропагандирования, поскольку его теории не только не устарели, но сохраняют жизнеспособность и вызывают научный интерес.

Венгерские ученые также обращались к изучению наследия А.А. Потебни. В 1982 году в Будапеште в издательстве «Tankönyvkiadó» на русском языке вышел монументальный труд «ПОЭТИКА. Труды русских и советских поэтических школ», составителями которого были Дьюла Кирай и Арпад Ковач. Основной задачей составителей этого сборника было дать научное представление о истории развития русских и советских поэтических школ и учений с учетом их значения для развития науки в целом. В этом сборнике помещены работы и А.А. Потебни такие как «Миф и слово», «Поэзия. Проза. Сгущение мысли», «Слово и его свойства. Речь и понимание», «Три составные части поэтического произведения».

В 2002 году в Будапеште уже на венгерском языке под названием «Poétika és nyelvelmélet» вышел сборник избранных трудов А. Потебни, А. Веселовского и О. Фрейденберг. Составитель сборника, и статьи по этой теме были написаны Арпадом Ковачем.

Наравне с научными конференциями и Международными Конгрессами украинистов особую роль в изучении и распространении идей А.А. Потебни принадлежит также и журналу «Мовознавство», где регулярно публикуются научные статьи, рецензии на труды ученого, хроника конференций, связанных

с его именем, представляются неопубликованные материалы и фрагменты его переписки.

Научная деятельность А.А. Потебни сыграла исключительно важную роль в развитии славянской филологии и мировой науки вообще. Выдающийся ученый открыл целую эпоху в филологической науке своими трудами по вопросам языковедения, фольклора, литературоведения и этнографии, намного опередив исследователей того времени. Судьба его наследия сложилась своеобразно, поскольку его влияние в ту пору на состояние научных исследований было далеко неадекватно безусловной весомости и значимости идей великого ученого. Труды А.А. Потебни в бóльшей мере принадлежат будущему, нежели прошлому. Больше ста лет тому ученый поставил перед наукой такие вопросы, дать ответ на которые есть возможность только теперь.

Александр Афанасьевич Потебня является первым философом языка в славистике. Его исследования, которые основываются на глубоком осведомлении связи языка и мысли, раскрывают этапы развития человеческого мышления в фактах языковой эволюции. Учитывая прогностический характер ряда идей Александра Афанасьевича Потебни, все настоятельнее становится потребность концептуализации его текстов, их нового – на уровне достижений современной филологии – прочтения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Азадовский, М.К. История русской фольклористики. Т. 2., М., 1963.
2. Азбелев, С.Н. Ф.И. Буслаев и его ученики об историко-бытовых основах народного эпоса. Русскоя литература, 1991, № 4.
3. Академические школы в русском литературоведении. М., Наука, 1975.
4. Александр Афанасьевич Потебня. Изд. АН УССР. Киев, 1962.
5. Амирова, Т.А.; Ольховиков, Б.А.; Рождественский, Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
6. Амфіренко, М.Ф. Міфічні джерела слов'янської ідіоматики// А.А. Потебня – исследователь славянских взаимосвязей. Тезы Всесоюзной научной конференции. Харьков, ч. 1, 1991.
7. Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 770, л. 1–2.
8. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 1, М., 1865–1869.
9. Багалей, Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 1., Харьков, 1893–1898.
10. Байбурин, А.К. А.А. Потебня: философия языка и мифа//А.А. Потебня. Слово и миф. М., 1989.
11. Баландин, А.И. Мифологические школы в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев. М., 1988.
12. Белецкий, А.И. Наука о литературе в истории Харьковского университета. Учёные записки Харьковского университета. 1959. Т. 101,: Три філологічного факультету. Т. 7.
13. Белый, А. Символизм. М., Мусагет, 1910.
14. Белый, А. Магия слова//Символизм. М., 1910.
15. Белый, А. Лирика и эксперимент//Символизм. М., 1910.
16. Белый, А. Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре//Символизм. М., 1910.
17. Белый, А. Опыт характеристики русского четырехстопного ямбы. Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом

диметре//Символизм. М., 1910. Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре//Символизм. М., 1910.

18. Белый, А. Арабески. М., 1911.
19. Белодед, А.И. Грамматическая концепция А.А. Потебни в истории отечественного языкознания. Киев, 1976.
20. Березин, Ф.М. К вопросу о философских основая лингвисточеской теории А.А. Потебни//Методологические проблемы истории языкознания. М., 1974.
21. Березин, Ф.М. Русское языкознание конца XIX – начала XX века. М., 1976.
22. Березин, Ф.М. История лингвистических учений. 2-е изд. :, 1984.
23. Бобкова, В.С. А.А. Потебня как фольклорист. Киев, 1949.
24. Бобкова, В.С. О.О. Потебня про художню символіку народної поезії//НТЕ, 1960, № 4.
25. Бобкова, В.С. О.О. Потебня – дослідник народної поетичної творчості//Олександр Опанасович Потебня. Юбілейний збірник до 125-річчя з дня народження. Київ, 1962.
26. Бондарко, А.В. Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К.С. Аксаков, А.А. Потебня, В.П. Сланский)//Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
27. Брюсов, В. Новый сборник стихов. Русская мысль, 1911, № 2.
28. Брюсов, В. Далекие и близкие. М., Скорпион, 1912.
29. Брюсов, В. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2, М., ГИХЛ, 1955.
30. Булаховский, Л.А. Александр Афанасьевич Потебня. К., 1952.
31. Буслаев, Ф.И. Рецензия на книгу А.С. Хомякова «Сравнение славянских слов с санскритскими». Отечественные записки, 1855, сентябрь, отд. IV.
32. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской надорной словасности и искусства. Т. 1., СПб., 1861, т 1–2.
33. Буслаев, Ф.И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990.
34. Буслаев, Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992.

35. Бюллетень редакционного комитета по изданию сочинений А.А. Потебни. Ч. 1., Харьков, 1922.
36. Веселовский, А.Н. [Рец.] Мои досуги. Собрание из периодичеких изданий мелких сочинений Ф. Буслаева. Два тома. 1886//ЖМНП, 1886, ч. 246, № 7.
37. Вернадский, В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры. – Б/м.: Речь, 1912–1929.
38. Ветухов, А. Из воспоминаний об А.А. Потебне одного из последних его слушателей Р.И. Каширенинова. Харьков: Печатное дело, 1913.
39. Виноградов, В.В. Современный русский язык. М., 1938, вып. 1.
40. Виноградов, В.В. Учение А.А. Потебни о стадиальности развития синтаксического строя в славянских языках//Вестник Московского университета, 1946, № 3–4.
41. Виноградов, В.В. Русский язык. М; Л, 1947.
42. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. От Ломоносова до Потебни и Фортунатова. М., 1958.
43. Виноградов, В.В. О языке художественной литерауры. М., 1959.
44. Виноградов, В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., изд. АНСССР, 1963.
45. Виноградов, В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
46. Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
47. Винокур Г.О. Критика поэтического текста. М., 1927.
48. Винокур Г.О. О значении истории языка//Ученые записки Московского педагогического института. М., 1941, выпуск 1.
49. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
50. Ветухов, О.В. Етнологічно-етнографічні роботи Потебні//Записки Харківського інституту народної освіти ім. О.О. Потебні. Т. 3, 1928.
51. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования М., 1956.
52. Выготский Л.С. Психология искусства. М., Искусство, 1968.
53. Гацак, В.М. Наследие А.А. Потебни и вопросы историко-поэтического изучения фольклора//Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988.

54. Гречко, В.А. Категории формы и содержания в методологии А.А. Потебни//А.А. Потебня – исследователь славянских взаимосвязей. Тетисы научной конференции. Харьков, 1991, ч 1.
55. Горнфельд, А. Г. Лекции А.А. Потебни: (Из воспоминаний слушателей)//ХГВ, 29 дек. 1891.
56. Горнфельд, А. Г. Поэзия. – В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. 1907.
57. Горнфельд, А.Г. Будущее искусства. В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910, выпуск 2.
58. Горнфельд, А.Г. Из статьи «Муки слова». – В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, издание 2-е, 1911.
59. Горнфельд, А.Г. Боевые отклики на мирные темы. Л., 1924.
60. Горнфельд, А.Г. О толковании художественного произведения. В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1916, т. VII.
61. Гутякулова, В. Некоторые проблемы образного мышления в теории А.А. Потебни//Актуальные проблемы эстетики и художественного проектирования. М., 1970.
62. Гутякулова, В. Проблема художественной образности в теоретическом наследии А.А. Потебни. М., 1971.
63. Дмитренко, Н.К. Теория народной словесности как направление отечественной филологической науки 60–80-х годов XIX века. (Фольклористические труды А.А. Потебни). Киев, 1983.
64. Дмитренко, Н.К. Язык фолпклора в концепции А.А. Потебни//Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1983.
65. Дмитренко, Н.К. Монографічне дослідження О.О. Потебні про народні пісні. НТЕ, 1983, № 6.
66. Дмитренко, Н.К. А.А. Потебня – собиратель и исследователь фольклора. К 150-летию со дня рождения. Киев, 1985.
67. Дмитренко, Н.К. Олександр Потебня і народна пісня//Українські народні пісні в записах Олександра Потебні. Киев, 1985.

68. Дурново, Н.Н. Краткий отчет Дурново о диалектологических поездках в Рязанскую, Владимирскую, Нижегородскую и Симбирскую губернии летом 1910 и 1913 гг. РФВ, 1914, т. 71, вып. 2.
69. Дурново, Н.Н. Свод материалов по великорусским говорам. М., 1911.
70. Дурново, Н.Н. Записки по истории русского языка. I. Фонетика и диалектология. Харьков, 1912.
71. Дурново, Н.Н. Ушаков Д.Н. Хрестоматия по великорусским диалектам. М. 1912.
72. Дурново, Н.Н. Свод диалектологического материала по Саратовской и Тамбовской губерниям. М., 1912.
73. Дурново, Н.Н. Диалектологическая карта русского языка в Европе. Пг., Русское географическое общество, 1914.
74. Дурново, Н.Н. Краткий очерк русской диалектологии. Харьков, 1914.
75. Евсеев, Ф.Т. Наследие А.А. Потебни и некоторые особенности мифопоэтического мышления//Творча спадщина О.О. Потебні й сучасні філологічні науки. До 150-річчя з дня народження О.О. Потебні. Харків, 1985.
76. Ефимцев, В.Д. Проблема единства художественного и научного мышления в эстетике Харьковской психологический школы//Вестник Московского университета. Серия VIII. Философия, 1974.
77. Жирмунский, В.М. Вопросы теории литературы. Л., 1928.
78. Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1900.
79. Журнал «Мовознавство», 1978, № 1.
80. Журнал «Мовознавство», 1982, № 3.
81. Журнал «Мовознавство», 1993, № 3.
82. Зеленин, Д.К. К вопросу об изучении социальной стороны жизни языка. Пг. 1915.
83. Иванов В.С. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
84. Иваньо, Н.; Колодная, А. Эстетическая концепция А. Потебни// А.А. Потебня. Эстетика и поэтика. М., 1976.
85. Информационній бюлетень ЮНЕСКО. 1985, выпуск 12.
86. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевого мышления. Л., 1972.

87. Кацнельсон, С.Д. История типологических учений//Грамматические концепции языкознания XIX века. Л., 1985.
88. Кацнельсон, С.Д. Теоретико-грамматическая концепция А.А. Потебни// Грамматические концепции языкознания XIX века. Л., 1985.
89. Кирай Д. – Ковач А. ПОЭТИКА. Труды русских и советских поэтических школ. Tankönyvkiadó, Budapest, 1982.
90. Кашменский, Ф.Г. Воспоминания о проф. Харьковского университета А.А. Потебни//Мирный труд. 1902, № 1.
91. Коган, С.Я. Философские вопросы лингвистической концепции А.А. Потебни//Олександр Апанасович Потебня. 1835–1960. Тези доповідей і повідомленя на науковій конференції. Одеса, 1960.
92. Колесев, В.В. Сравнительно-исторический метод в трудах А.А. Потебни. Київ, Наукова думка, 1981.
93. Колодная, А.И. Философская концепция А.А. Потебни//Тезисы докладов XXI научной сессии (Черновицкий университет). Вып. 1. Серия общественных наук. Черновцы, 1965.
94. Колодная, А.И. Мировоззрение А.А. Потебни и некоторые философские вопросы его лингвистической концепции. АКД. Львов, 1967.
95. Колодная, А.І. Колодний А.М. Проблема походження та генезису релігійних вірувань у науковій спадщині О.О. Потебні. Київ, 1972, вип. 2.
96. Костомаров, Н.К. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843.
97. Котляревский А.А. Сочинения. СПб. Т. 2, 1890.
98. Кудрявский, Д.Н. Д.Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. ОРЯС, 1902, т. 7, кн. 4.
99. Кудрявский, Д.Н. Происхождение языка. Мир божий. Март, 1903.
100. Кудрявский, Д.Н. Введение в языкознание. Юрьев, 1912.
101. Кудрявский, Д.Н. О происхождении языка. Русская мысль. 1912, № 7.
102. Кульбакин, С.М. Русский язык в историческом освещении. Харьков, 1913.
103. Кульбакин, С.М. Учебник по русскому языку. Харьков, 1916.

104. Кустова, Г.И. Языковые проекты Вячеслава Иванова и Андрея Белого: философия языка и магия слова. М., 1999.
105. Лавровский, Н.А. Несколько слов о Ломоносове. Памяти Ломоносова. Харьков, 1865.
106. Лавровский, Н.А. Карамзин и его литературная деятельность. Харьков, 1866.
107. Лавровский, П.А. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.
108. Лавровский, П.А. О трудах Ломоносова по грамматике русского языка и по русской истории. Памяти Ломоносова. Харьков, 1865.
109. Лавровский, П.А. «Разбор исследований «О мифологическом значении некоторых поверий и обрядов; соч. А. Потебни»//Чтения в Обществе истории и древности российских при Московском университета. 1866, № 2, отд. V.
110. Лезин, Б. Психология поэтического и прозаического мышления. – В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Т. II., выпуск 2., СПб., 1910.
111. «Леф», 1923, № 3.
112. Ломоносов, М.В. Краткое руководство. Полное собрание сочиние. Т. 7. М.–Л., 1952.
113. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа. М., 1995.
114. Метлинский, А.Л. Народные южнорусские песни. Киев, 1854.
115. Мацейкив, М.А. Психологические воззрения А.А. Потебни. АКД, Киев, 1987.
116. Медведев, П.Н. Формальный метод в литературоведении. М. Лабирнт, 2000.
117. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М., 1855, вып. 1.
118. Наукова спадщина О.О. Потебні в контексті сучасності. Під редакцією В. Франчук. Київ, 2002.
119. Наукова спадщина О.О. Потебні в контексті сучасності. Під редакцією В. Франчук. Київ, видавничий Дім Д, Бураго, 2005.
120. Овсянико–Куликовский, Д.Н. А.А. Потебня как языковед-мыслитель. Киевская старина, 1893.
121. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Очерки науки о языке. Русская мысль, 1896, кн. 12.
122. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Синтаксические наблюдения. ЖМНП, 1897, № 5; 1898, № 6.

123. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Из синтаксических наблюдений. I. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. СПб., 1901.
124. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1902.
125. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Теория поэзии и прозы. М., 1909.
126. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Из лекций об основах художественного творчества. – В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Издание 2-е. Харьков, 1911, т. 1.
127. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1912.
128. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Собрание сочинений. Издание 3-е. СПб., 1914, т. 2.
129. Овсянико–Куликовский, Д.Н. Воспоминания. Пб., 1923.
130. О.О. Потебня й актуальні питання мови та культури. Збірник наукових праць. Під редакцією В. Франчук. Київ, видавничий Дім Д, Бураго, 2004.
131. Острянин, Д.Ф. О философих взглядах Потебни//Проблемы философии. Киев, 1986, вып. 7.
132. О том, чтобы русские университеты обменивались для университетских библиотек диссертациями, представляемыми на соискание степени магистра и доктора//Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1904, № 6.
133. Памяти Александра Афанасьевича Потебни. Харьков, 1892.
134. Панченко, А.Д. Вопросы мифотворчества в концепции А.А. Потебни//Творча спадщина О.О. Потебні й сучасні філологічні науки: (До 150-річчя з дня народження О.О. Потебні). Тези республіканської наукової конференції. Харків, 1985.
135. Плотников, И. Общество изучения поэтического языка и Потебня. Педагогическая мысль, 1923, № 1.
136. Поддубная Р.Н. Суждения А.А. Потебни о «мифическом мышлении» и их значение для осмысления мифологических тенденций в современной литературе// Творча спадщина О.О. Потебні й сучасні філологічні науки: (До 150-річчя з дня народження О.О. Потебні). Тези республіканської наукової конференції. Харків, 1985.

137. Портнов, А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. Ивановский государственный университет. Иванова, 1994.
138. Потебня, А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. 1860.
139. Потебня, А.А. Мысль и язык. Харьков, 1862; Харьков, 1926; М., Лабиринт, 1999.
140. Потебня, А.А. О мифическом значений некоторых обрядов и поверий. М., 1865.
141. Потебня, А.А. Малорусская народная песня по списку XVI века. Текст и примечание. Воронеж, 1877.
142. Потебня, А.А. Разбор книги «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким». 1878.
143. Потебня, А.А. «Слово о полку Игореве», текст и примечания. Харьков, 1878.
144. Потебня, А.А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, т. I., 1883; т. II., 1887.
145. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1894.
146. Потебня, А.А. Из записок по теории словесност://Поэзия о проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Харьков, 1905.
147. Потебня, А.А. I. О некоторых символах в славянской народной поезии. II. О связи некоторых представлений в языке. III. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. IV. О деле и сродных с нею существах. Харьков, М.В. Потебня, 1914.
148. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, Просвещение, 1958, т. 1/2, изд. 3-е; Учпедгиз, 1958, т. 3; Просвещение, 1968, т. 4.
149. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика. М.: Ускусство, 1976.
150. Потебня, А.А. История русского языка. В кн.: Потебнянські читання. Київ, 1981.
151. Потебня, А.А. К истории русского языка. Воронеж, 1988, ч. 1–2.
152. Потебня, О.О. Українські народні пісні в записах Олександра Потебні. Київ, 1988.
153. Потебня, А.А. Слово и миф. М., 1989.

154. Пресняков, О.П. А.А. Потебня и русское литературоведение конце XIX – XX века. Саратов, 1978.
155. Пресняков, О.П. Литературоведение и филология в научном наследии А.А. Потебни//Контекст. 1977. М., 1978.
156. Пресняков, О.П. Поэтика позания и творчества: Теория словесности А.А. Потебни. М., 1980.
157. Пресняков, О.П. А.А. Потебня об особенностях художественной речи//Потебнянські читання. Київ, 1981.
158. Прутовых, Э.С. Диалектика мифологического мышления и языка//А.А. Потебня – исследователь славянских взаимосвязей. Тезисы Всесоюзной научной конференции. Харьков, 1991, ч. 1.
159. Прыжов, И.Г. Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе, год первый, 1908, № 2.
160. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Т. 2–3. СПб., 1891.
161. Райнов, Т. Александр Афанасьевич Потебня. Пг., 1924.
162. Рижский, И.С. Наука стихотворства, сочиненная Иваном Рижским. СПб., 1811.
163. Рижский, И.С. Опыт риторики. Харьков. 1822.
164. Рождественский, Ю.В. В. Гумбольдт и Я. Гримм в русской литературе по филологии XIX века//В. Гумбольдт и братья Гримм – труды и преемственность идей. М., 1987.
165. Розенберг, О.Г. До характеристики філософічних поглядів О.О. Потебні//Науковий збірник Харківської науково-дослідницької кафедри історії українскої культури. 1926, ч. 2–3.
166. Русская литература конце XIX – начало XX века, 1908–1917. М., Наука, 1972.
167. Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в. М., Наука, 1982.
168. Семенов, Е.И. Эстетические идеи Ф.И. Буслаева. Русская литература, 1982, № 3.
169. Сборник Харьковского историко-филологического общества//Памяти Потебни. Харьков, 1892, т. 4.
170. Смородин, В. Годы учения А.А. Потебни в Радомской гимназии. Филологические записки. Выпуск 3. 1911.

171. Соболев, П.В. У истоков эстетической науки в России. Философские науки, 1973.
172. Соловьев, С.В. Современное положение русского языка и литературы во Франции. Вестник Харьковского Историко-филологического общества. Вып. 2. Харьков. 1912.
173. Субтельний, О. Украина. История. Київ, Либідь, 1994.
174. Сумцов, Н.Ф. Современная малорусская этнография. Киевская старина. 1892, т. 37.
175. Сумцов, Н.Ф. Материалы для истории Харьковского университета. Харьков. 1894.
176. Сумцов, Н.Ф. А.С. Пушкин. Исследование. Харьков,1900.
177. Сумцов, Н.Ф. Двадцатилетие Историко-филологического общества. Харьков, 1904.
178. Сумцов, Н.Ф. Выступление А.А. Потебни на ученое поприще и участие в этом деле М.С. Дринова//Сборник статей по славяноведению, посвященный проф. М.С. Дрынову. Харьков, 1904.
179. Сумцов, Н.Ф. Кафедра истории русского языка и словесности в Харьковском университете с 1805 по 1905 гг. СПб., 1905.
180. Сумцов, Н.С. Метлинский. – В кн.: Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Под редакцией: М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. Харьков, 1908.
181. Сумцов, Н.Ф. Харьковский период научной деятельности И.И. Срезневского. Пг., 1914.
182. Тимковский, И.Ф. Опытный способ к философическому познанию российского языка. Харьков, 1811.
183. Толстой, Н.И. О некоторых этнолингвистических наблюдениях А.А. Потебни//Потебнянські читання. Київ, 1981.
184. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

185. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. (Традиционная духовная культура славян/Современные исследования). М.: Издательство «Индрик», 1997.
186. Трофимова, Р.П. К характеристике философского наследия А.А. Потебни (К 150-летию со дня рождения А.А. Потебни)//Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1985, № 6.
187. Трофимова, Р.П. Философско-методологическая концепция «духовной жизни» в творческом наследии Потебни//Проблемы исследования истории философии народов СССР. М., 1986.
188. Трофимова, Р.П. Философско-лингвистические концепции в русской эстетике (А.А. Потебня, А.Н. Веселовский)//История эстетической мысли. М., 1987, т. 4.
189. Трофимова, Р.П. Философия культуры русского академизма. М., 1994.
190. Трофимова, Р.П. Мифология и религия в культурологических теориях России (вторая половина XIX в.)//Культура и религия: линии сопряжения. М., 1994.
191. Филин, Ф. Методология лингвистических исследований А.А.Потебни// Язык и мышление. М.; Л., 1935, вып. 3/4.
192. Филологические записки. Выпуск 6. 1878.
193. Филологические записки. Выпуск 3. 1881.
194. Фойгт, К.К. Историко-статистические записки об Харьковском университете и его заведениях, от основания университета до 1859 года. Харьков, 1859.
195. Фонд 2045, оп. 1, ед. хр. 235, л. 5–8.
196. Франчук, В.Ю. А.А. Шахматов и научное наследие Потебни. Мовознавство, 1974, № 3.
197. Франчук, В.Ю. К столетию «Из записок по русской грамматике»А.А. Потебни (1874–1974)//Изв. АН СССР. Серия: Литературы и языка. 1974, т. 33, № 6.
198. Франчук, В.Ю. Александр Афанасьевич Потебня. Киев, 1975.
199. Франчук, В.Ю. Олександр Опанасович Потебня. Київ, 1985.
200. Франчук, В.Ю. А.А. Потебня. М., «Просвещение», 1986.

201. Халанский, М.Г. Из заметок по истории русского литературного языка. II. О члене в русском языке. СПб., 1901.
202. Хан, А. Теория словесности А. Потебни и некоторые вопросы философии творчества русских символистов. Dissetationes SLAVICAE, XVII, Szeged, 1985.
203. Харциев, В.И. «Памяти Александра Афанасьевича Потебни». Харьков, 1892.
204. Харциев, В. Элементарные формы поэзии//Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1907.
205. Харциев, В.И. Основы поэтики А.А. Потебни. – В кн.: Вопросы теории и психологии творчества» т. II, выпуск 2., СПб., 1910.
206. Хрестоматия по истории русского языкознания. Составитель Ф.М. Березин. М., 1973.
207. Цілуйко, К.К. Мовознавство в Харківському університеті (1805–1965). «Українська мова в школі», 1955, № 6.
208. Чудаков, А.П. Психологическое направление в русском литературоведении//Академические школы в русском литературоведении. М., 1975.
209. Шахматов, А.А. Сборник статей и материалов. Под ededакцией С.П. Обнорского. М.; Л., 1947.
210. Шеллинг, Ф.В. Сочинения. М., 1989, т.2.
211. Щепкин, Д.М. Об источниках и формах русского баснословия. М., 1859–1861, выпуск 1–2.
212. Шерцль, В.И. Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков. Часть I. Фонетика. Харьков, 1871; ч. II. Словообразование. Харьков, 1873.
213. Шип, Н.А. Интеллигенция на Украине (XIX в.): историко-социологический очерк. Киев, Наукова думка, 1991.
214. Шкловский, В. Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1919.
215. Шкловский, В. Литература и кинематограф. Берлин, 1923.
216. Шкловский, В. Повесть о прозе. М., ГИХЛ, 1966.
217. Эйхенбаум, Б. Молодой Толстой. Пг.: Берлин, 1922.

218. Эйхенбаум, Б. Вокруг вопроса о «формалистах»//Печать и революция. 1924, № 5.
219. Эйхенбаум, Б. Теория формального метода. Червоный шлях, 1926, №7–8.
220. Энгельгард, Б. Формальный метод в истории литературы. Л., 1927.
221. Эрлих В. Русский формализм: история и теория/Гуманитарное агентство. Академический проект. СПб., 1996.
222. Яворницький, Д. За чужий гріх. Харків, Прапор, 1993.
223. Ярошевский, М.Г. Философско-методологические воззрения А.А. Потебни//Изв. АН СССР, Серия: Истории и философии, 1946, т.3, № 2.
224. Якобсон, Р. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Прага, 1921.

225. Erlich, V. Russian Formalism. History – Doctrine. Mouton&Co., Publisher, 1955.
226. Irodalomtudomány. Tanulmányok a XX. századi irodalomtudomány irányzatairól. Szerkesztette: Nyírő Lajos. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1970.
227. Fizer, John. Alexander A. Potebnja's Psycholinguistic Theory of Literature: A Metacritical Inquiry. Harvard Ukrainian Research Institute, 1986.
228. Fizer, John. Alexander A. Potebnja's psycholinguistic theory of literature: a metacritical inquiry. Cambr., Mass.: Harvard UP, 1988.
229. H.Toth Imre. Cirill-Konstantin és Metód élete, működése. Szeged, 1991.
230. Lachman R. Potebnja’s Concept of Image//The Structure of the Literary Process. Studies dedicated to the Memory of Felix Vodicka. Jonh Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia, 1982. V. 8.
231. Poétika és nyelvelmélet. Válogatás. Szerkesztette és kísérő tanulmányi írta Kovács Árpád. Budapest, 2002.
232. Shevelov, G. Alexander Potebnja as Linguis. The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Science in the US. Ukrainian-American Publishing Co. 1956.
233. Vossler, K. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft. 1904.
234. Wellek R. A History of Modern Criticism: 1750–1950. Yale University Press, 1965.